

**ПРИОРИТЕТНЫЙ НАЦИОНАЛЬНЫЙ ПРОЕКТ «ОБРАЗОВАНИЕ»
РОССИЙСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ ДРУЖБЫ НАРОДОВ**

Д.И. МИЛОСЛАВСКАЯ

**СОВРЕМЕННЫЙ РУССКИЙ ЯЗЫК
В СФЕРЕ АДМИНИСТРАТИВНО-ПРАВОВОЙ
И ОБЩЕСТВЕННОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ**

Учебное пособие

Москва

2008

*Инновационная образовательная программа
Российского университета дружбы народов*

**«Создание комплекса инновационных образовательных программ
и формирование инновационной образовательной среды,
позволяющих эффективно реализовывать государственные интересы РФ
через систему экспорта образовательных услуг»**

Экспертное заключение –

ведущий научный сотрудник Института русского языка им. В.В. Виноградова
кандидат филологических наук *Л.К. Чельцова*

Милославская Д.И.

Современный русский язык в сфере административно-правовой и общественной деятельности: Учеб. пособие. – М.: РУДН, 2008. – 282 с.

Русский язык в административно-правовой сфере и сфере общественной деятельности отличается от русского языка, используемого как носителями языка, так и теми, кто его изучает в качестве иностранного, в остальных сферах жизни. В данном пособии рассматриваются элементы, отличающие использование русского языка в административно-правовой и общественной сферах, такие как: юридическая терминология; нечеткость или возможная множественность толкования одних и тех же семиотических символов; преобладание одних синтаксических конструкций и невозможность других; формальные особенности построения текста и т.д.

Для студентов филологических специальностей, а также студентов-юристов и всех интересующихся проблемами соотношения общеупотребительной лексики и юридической терминологии.

Учебное пособие выполнено в рамках инновационной образовательной программы Российского университета дружбы народов, направление «Развитие мультикультурной образовательной среды международного классического университета», и входит в состав учебно-методического комплекса, включающего описание курса, программу и электронный учебник.

© Милославская Д.И., 2008

СОДЕРЖАНИЕ

1. УЧЕБНАЯ ПРОГРАММА	4
1.1. Цели и задачи курса	4
1.2. Инновационность и актуальность курса	5
1.3. Методика преподавания.....	6
1.4. Структура курса	7
1.5. Темы лекций, семинаров, практических занятий, коллоквиума	7
1.6. Система контроля знаний	9
2. АННОТИРОВАННОЕ СОДЕРЖАНИЕ КУРСА	12
3. УЧЕБНЫЙ ТЕМАТИЧЕСКИЙ ПЛАН, СТРУКТУРИРОВАННЫЙ ПО ВИДАМ УЧЕБНЫХ ЗАНЯТИЙ	15
4. КАЛЕНДАРНЫЙ ПЛАН	17
5. УЧЕБНЫЙ КУРС	21
6. ПРИМЕРЫ ВОПРОСОВ ДЛЯ САМОПРОВЕРКИ	159
7. ПРИМЕРЫ ЗАДАНИЙ И УПРАЖНЕНИЙ	160
8. ПРИМЕРЫ ЗАДАНИЙ ДЛЯ САМОСТОЯТЕЛЬНОЙ РАБОТЫ	168
9. ТЕМЫ РЕФЕРАТОВ, КУРСОВЫХ РАБОТ, ЭССЕ	173
10. ПРИМЕРЫ ТЕСТОВЫХ ЗАДАНИЙ	174
11. ОСНОВНЫЕ ПОНЯТИЯ	176
12. ОБЯЗАТЕЛЬНАЯ ЛИТЕРАТУРА	190
12.1. Нормативные документы	190
12.2. Комментированные сборники нормативных актов	191
12.3. Учебники и учебные пособия	191
13. ДОПОЛНИТЕЛЬНАЯ ЛИТЕРАТУРА	193
14. ОПИСАНИЕ КУРСА И ПРОГРАММА	261

1. УЧЕБНАЯ ПРОГРАММА

1.1. Цели и задачи курса

Учебный курс «Современный русский язык в сфере административно-правовой и общественной деятельности»

Для студентов специальности «Филология»

Целью курса является создание у студентов четкого представления о том, что русский язык в административно-правовой сфере и сфере общественной деятельности отличается от русского языка, используемого как носителями языка, так и теми, кто его изучает в качестве иностранного, в остальных сферах жизни. Основными элементами, отличающими использование русского языка в административно-правовой и общественной сферах, являются:

- 1) юридическая терминология;
- 2) нечеткость или возможная множественность толкования одних и тех же семиотических символов;
- 3) специфический лексикон;
- 4) преобладание одних синтаксических конструкций и невозможность других;
- 5) формальные особенности построения текста;
- 6) некоторые отклонения от норм литературного языка (в особенности фонетических);
- 7) общие различия между научным и публицистическим стилями речи.

Задачами курса является изучение таких блоков как:

- административно-правовая система РФ – ее структура, терминология, административные и общественные отношения;
- иерархия российского законодательства;

- язык законов и подзаконных актов;
- юридическая терминология в области законотворчества;
- юридическая терминология в области правоприменения;
- соотношение юридической терминологии с общеупотребительным русским языком;
- однозначное семантическое толкование текстов в административно-правовой сфере.

Данный курс встраивается в систему получения знаний по специальности «Современный русский язык» и предназначен для уровня обучения – Магистратура. Являясь практическим курсом с теоретическими элементами, может быть курсом по выбору для специальностей ФЖБ, ФСС, ФЛБ.

Авторские права на курс принадлежат автору.

1.2. Инновационность и актуальность курса

Инновационность курса заключается в том, что впервые студентам будет дана языковая картина узкой и специфической сферы общественных отношений, связанной с правовым регулированием деятельности человека. Студенты получают теоретическое представление и практические навыки однозначного толкования текста и составления однозначного текста, отражающего языковые реалии в административно-правовой сфере. Курс может рассматриваться как междисциплинарный и имеет ярко выраженный прикладной характер.

Актуальность курса обусловлена необходимостью упрощения и уточнения для понимания и использования текстов нормативных актов путем приведения в соответствие понятий – правовых терминов и понятий

общеупотребительных слов. Это послужит более четкому и ясному пониманию текстов, используемых в административно-правовой сфере, что создаст тенденцию к изучению, соблюдению и доступному толкованию правовых норм, изложенных в законодательстве языком, ясным для носителя русского языка. В настоящее время, когда право стало приоритетной отраслью, представляется необходимым исследовать, изучить и применить на практике как лингвистические, так и экстралингвистические аспекты усовершенствования языка законодательства и иных текстов, используемых в административно-правовой сфере.

В условиях недостаточной правовой грамотности общества законодателю необходимо создавать нормативные акты, употребляя такую юридическую технику, чтобы понятия, используемые в нормативных актах и являющиеся юридическими терминами, были доступны для понимания не только специалистам. Чтобы понятия – правовые термины, если и не полностью совпадали бы с общеупотребительным значением слова, то содержали бы тот набор семантических признаков и те лексические значения слова, которые носитель языка может легко узнать из толкового словаря.

1.3. Методика преподавания

Методика преподавания данного курса предполагает интерактивную работу студентов.

Литературы по данному конкретному курсу мало, однако общие вопросы освещались в многочисленных работах по изучению в иностранной аудитории языка специальности. Студентам будет предложен список литературы, состоящий из образцов нормативных актов, учебников по филологическим и правовым дисциплинам и других специальных текстов.

Организация учебного процесса инновационна тем, что предполагает практические занятия с носителями юридического и общеупотребительного языка в области гражданско-правовых отношений.

1.4. Структура курса

Общая длительность курса	72 часа
Лекции	18 часов
Семинары и практические занятия	36 часов
Коллоквиум	4 часа
Самостоятельная работа	14 часов

1.5. Темы лекций, семинаров, практических занятий, коллоквиума

1.5.1. Темы лекций

1. Русский язык как государственный язык РФ. Правовая система РФ – ее структура и особенности.
2. Современный русский язык и особенности его употребления в сфере административно-правовой и общественной деятельности.
3. Терминология как наука и отличительная черта общения в административно-правовой сфере.
4. Юридическая терминология.
5. Семантическая классификация юридической терминологии (на основе семантических полей власть, благотворительность, пред-

принимательство, общественные объединения, лица, правовое отношение, документ, действие отношение).

6. Имена лиц как единицы лексической системы языка и как юридические термины.
7. Юридические термины и общеупотребительная лексика в наименовании правовых отношений.
8. Названия документов как единицы лексической системы языка и как юридические термины.
9. Терминология общественных отношений в сфере развития гражданского общества, особенности языка общественной деятельности.
10. Правила составления и понимания текстов в сфере административно-правовой деятельности и общественных отношений.

1.5.2. Темы семинаров

1. Русский язык в административно-правовых документах (2 часа).
2. Общеупотребительная лексика и юридическая терминология различных отраслей права (гражданского, уголовного, административного, процессуального, семейного, трудового и пр.) (4 часа).
3. Сферы общественной жизни и терминология административно-правовых отношений (4 часа).
4. Правила составления различных юридических текстов (письменные заявления и устные выступления) (6 часов).

1.5.3. Темы практических занятий

Составление лингвистически грамотного и юридически правильных текстов:

- в сфере социальных отношений (заявление о пересчете пенсии, заявление о получении субсидии, жалоба на сотрудника муниципалитета и пр.) (4 часа);
- в сфере гражданских правоотношений (исковое заявление, письмо поручителя, описание ситуации с нарушением права, запрос в государственные органы и пр.) (2 часа);
- в сфере процессуальных отношений (отзыв на исковое заявление, свидетельские показания и пр.) (2 часа).

1.5.4. Тема коллоквиума

Как сделать речь человека, общественного деятеля и гражданского активиста семантически однозначной и понятной рядовому гражданину-носителю языка (4 часа):

- Нужно ли устранить причины недопонимания и как?
- Способы составления однозначно понимаемого выступления.
- Наиболее значимые языковые средства.

1.6. Система контроля знаний

В течение семестра студент активно работает на семинарах, принимает участие в коллоквиуме, пишет 2 контрольные работы.

Внутрисеместровая аттестация проводится в смешанной форме: студент устно отвечает на один из вопросов и представляет выполненное письменно практическое задание.

Итоговая форма контроля — итоговая аттестация, которая в зависимости от набранных студентом в ходе семестра баллов проводится либо в смешанной форме, как и внутрисеместровая аттестация, либо в одной из форм по выбору студента.

1.6.1. Примерные типы письменных работ

- Проанализировать текст нормативного акта с точки зрения наличия в нем специальной терминологии, выявить проблемные зоны.
- Составить однозначно / неоднозначно толкуемый текст на одну из заданных тем в сфере административно-правовой деятельности.
- Проанализировать речь гражданского активиста с точки зрения специального юридического и общеупотребительного толкования используемых слов и выражений.

1.6.2. Примерные вопросы для устного контроля:

- особенности языка управленческого аппарата;
- соотношения термина *собственность* со словом *собственность* в общеупотребительном языке;
- особенности контекста речи гражданских активистов на правовые темы.

1.6.3. Условия и критерии выставления оценок

Балльная структура оценки и формы контроля:

Посещение лекций – 6 баллов (0,33 балла за лекцию).

Активное участие в семинаре – 18 баллов (0,5 балла за семинар).

Участие в коллоквиуме – 6 баллов.

Контрольные работы – 10 баллов (5 баллов за одну работу).

Внутрисеместровая аттестация – 12 баллов.

Итоговая аттестация – 20 баллов.

Всего 72 балла.

Шкала оценок:

Кол-во кредитов	Оценка	Неудовлетвор.		Удовлетвор.		Хорошо	Отлично	
	Оценка ECTS	F(2)	FX(2+)	E(3)	D(3+)	C(4)	B(5)	A(5+)
	Мак. сумма баллов							
2	72	Менее 25	25-36	37-42	43-48	49-60	61-66	67-72

Пояснение оценок

A	Выдающийся ответ
B	Очень хороший ответ
C	Хороший ответ
D	Достаточно удовлетворительный ответ
E	Отвечает минимальным требованиям удовлетворительного ответа
FX	Оценка 2+ (FX) означает, что студент может добрать баллы только до минимального удовлетворительного ответа
F	Неудовлетворительный ответ (либо повтор курса в установленном порядке, либо основание для отчисления)

2. АННОТИРОВАННОЕ СОДЕРЖАНИЕ КУРСА

Раздел 1.

Правовая система РФ и русский язык как государственный

Тема 1.

- Русский язык как государственный язык РФ. Правовая система РФ – ее структура, иерархия и особенности. *(Лекция)*
- Русский язык в административно-правовых отношениях. *(Семинар)*

Раздел 2.

Язык законодательства и его соотношение с общеупотребительным русским языком

Тема 1.

- Современный русский язык и особенности его употребления в сфере административно-правовой и общественной деятельности. *(Лекция)*
- Общеупотребительная лексика и юридическая терминология различных отраслей права (гражданского, уголовного, административного, семейного, трудового). *(Семинар)*
- Составление лингвистически грамотного и юридически правильного текста в сфере социальных отношений (заявление о пересчете пенсии, о получении субсидии, жалоба на сотрудников ЖЭКа). *(Практическое занятие)*

Раздел 3.

Терминология

Тема 1.

- Терминология как наука и отличительная черта языка в административно-правовой сфере. *(Лекция)*

- Составление лингвистически грамотного и юридически правильного текста в сфере гражданских правоотношений (исковое заявление, письмо поручителя, запрос в государственные органы). *(Практическое занятие)*
- Составление лингвистически грамотного и юридически правильного текста в сфере процессуальных отношений (отзыв на исковое заявление, свидетельские показания и пр.). *(Практическое занятие)*

Тема 2.

- Юридическая терминология. *(Лекция)*
- Особенности юридической терминологии (*Семинар*)

Раздел 4.

Семантические поля языка административно-правовой сферы

Тема 1.

Семантическая классификация юридической терминологии (на основе семантических полей власть, благотворительность, предпринимательство, общественные объединения, лица, правовое отношение, документ, действие отношение). *(Лекция)*

Тема 2.

Имена лиц как единицы лексической системы языка и как юридические термины. *(Лекция)*

Тема 3.

Юридические термины и общеупотребительная лексика в наименовании правовых отношений. *(Лекция)*

Тема 4.

Названия документов как единицы лексической системы языка и как юридические термины. *(Лекция)*

Раздел 5.

Русский язык в сфере общественных отношений

Тема 1.

- Терминология общественных отношений в сфере развития гражданского общества, особенности языка в сфере общественной деятельности. *(Лекция)*
- Составление лингвистически грамотного и юридически правильного текста в сфере общественных отношений (выступления, тезисы, презентации). *(Практическое занятие)*
- Как сделать речь человека, общественного деятеля и гражданского активиста семантически однозначной и понятной рядовому гражданину-носителю языка. *(Коллоквиум)*
- Как и нужно ли устранить причины недопонимания. *(Коллоквиум)*

Раздел 6.

Правила составления и понимания текстов

Тема 1.

Правила составления и понимания текстов в сфере административно-правовой деятельности и общественных отношений. *(Лекция)*

3. УЧЕБНЫЙ ТЕМАТИЧЕСКИЙ ПЛАН, СТРУКТУРИРОВАННЫЙ ПО ВИДАМ УЧЕБНЫХ ЗАНЯТИЙ

№ п.п.	Тема лекции	Тема семинара	Тема практического занятия	Тема коллоквиума
	Русский язык как государственный язык РФ. Правовая система РФ – ее структура, иерархия и особенности.	Русский язык в административно-правовых отношениях.		
часов	2	2		
	Современный русский язык и особенности его употребления в сфере административно-правовой и общественной деятельности.	Общеупотребительная лексика и юридическая терминология различных отраслей права (гражданского, уголовного, административного, семейного, трудового).	Составление лингвистически грамотного и юридически правильного текста в сфере социальных отношений (заявление о пересчете пенсии, о получении субсидии, жалоба на сотрудников ЖЭКа).	
часов	2	2	2	
	Терминология как наука и отличительная черта языка в административно-правовой сфере.		Составление лингвистически грамотного и юридически правильного текста в сфере процессуальных отношений (отзыв на исковое заявление, свидетельские показания и пр.).	
часов	2		2	
	Юридические термины и общеупотребительная лексика в области уголовно-правовых отношений.		Составление стилистически и лексически грамотного и юридически правильного текста в сфере социальных отношений (заявление о пересчете пенсии, заявление о получении субсидии, жалоба на сотрудника муниципалитета и пр.).	
часов	2		2	

	Юридическая терминология.	Особенности юридической терминологии.		
часов	2	2		
	Семантическая классификация юридической терминологии (на основе семантических полей власть, благотворительность, предпринимательство, общественные объединения, лица, правовое отношение, документ, действие отношение).			
часов	2			
	Имена лиц как единицы лексической системы языка и как юридические термины.			
часов	2			
	Юридические термины и общепотребительная лексика в наименовании правовых отношений.			
часов	2			
	Названия документов как единицы лексической системы языка и как юридические термины.			Как сделать речь человека, общественного деятеля и гражданского активиста семантически однозначной и понятной рядовому гражданину-носителю языка.
часов	2			4
	Терминология общественных отношений в сфере развития гражданского общества, особенности языка в сфере общественной деятельности.	Правила составления юридически правильного текста (письменные заявления и устные выступления).	Составление стилистически и лексически грамотного и юридически правильного текста в сфере общественных отношений (выступление, тезисы, презентация и пр.).	
часов	2	2	2	
	Правила составления и понимания текстов в сфере административно-правовой деятельности и общественных отношений.			
часов	2			
ВСЕГО	20 часов	8 часов	8 часов	4 часа

4. КАЛЕНДАРНЫЙ ПЛАН

НЕДЕЛЯ 1

Раздел 1. Правовая система РФ и русский язык как государственный

Тема 1. Русский язык как государственный язык РФ. Правовая система РФ – ее структура, иерархия и особенности. *(Лекция)*

НЕДЕЛЯ 2

Русский язык в административно-правовых отношениях. *(Семинар)*

Контрольная работа

НЕДЕЛЯ 3

Раздел 2. Язык законодательства и его соотношение с общеупотребительным русским языком

Тема 1. Современный русский язык и особенности его употребления в административно-правовой сфере. *(Лекция)*

НЕДЕЛЯ 4

Общеупотребительная лексика и юридическая терминология различных отраслей права (гражданского, уголовного, административного, семейного, трудового). *(Семинар)*

НЕДЕЛЯ 5

Составление лингвистически грамотного и юридически правильного текста в сфере социальных отношений (заявление о пересчете пенсии, о получении субсидии, жалоба на сотрудников ЖЭКа). *(Практическое занятие)*

НЕДЕЛЯ 6

Раздел 3. Терминология

Тема 1. Терминология как наука и отличительная черта языка в административно-правовой сфере. *(Лекция)*

НЕДЕЛЯ 7

Составление лингвистически грамотного и юридически правильного текста в сфере гражданских правоотношений (исковое заявление, письмо поручителя, запрос в государственные органы). *(Практическое занятие)*

НЕДЕЛЯ 8

Составление лингвистически грамотного и юридически правильного текста в сфере процессуальных отношений (отзыв на исковое заявление, свидетельские показания и пр.). *(Практическое занятие)*

НЕДЕЛЯ 9

Тема 2. Юридическая терминология. *(Лекция)*

НЕДЕЛЯ 10

Раздел 4. Семантические поля языка административно-правовой сферы

Тема 1. Семантическая классификация юридической терминологии (на основе семантических полей власть, благотворительность, предпринимательство, общественные объединения, лица, правовое отношение, документ, действие отношение). *(Лекция)*

НЕДЕЛЯ 11

Внутрисеместровая аттестация

НЕДЕЛЯ 12

Коллоквиум:

- Как сделать речь человека, общественного деятеля и гражданского активиста семантически однозначной и понятной рядовому гражданину-носителю языка
- Как и нужно ли устранить причины недопонимания
- Способы составления однозначно понимаемого выступления
- Наиболее значимые языковые средства.

НЕДЕЛЯ 13

Тема 2. Имена лиц как единицы лексической системы языка и как юридические термины. *(Лекция)*

НЕДЕЛЯ 14

Тема 3. Юридические термины и общеупотребительная лексика в наименовании правовых отношений. *(Лекция)*

НЕДЕЛЯ 15

Тема 4. Названия документов как единицы лексической системы языка и как юридические термины. *(Лекция)*

НЕДЕЛЯ 16

Раздел 5. Русский язык в сфере общественных отношений

Тема 1. Терминология общественных отношения. *(Лекция)*

НЕДЕЛЯ 17

Составление лингвистически грамотного и юридически правильного текста в сфере общественных отношений (выступления, тезисы, презентации). *(Практическое занятие)*

НЕДЕЛЯ 18

Раздел 6. Правила составления и понимания текстов

Тема 1. Правила составления и понимания текстов в сфере административно-правовой деятельности и общественных отношений.

Контрольная работа

НЕДЕЛЯ 19

Самостоятельная работа

НЕДЕЛЯ 20

Итоговая аттестация

5. УЧЕБНЫЙ КУРС

СОВРЕМЕННЫЙ РУССКИЙ ЯЗЫК В СФЕРЕ АДМИНИСТРАТИВНО-ПРАВОВОЙ И ОБЩЕСТВЕННОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

I.

В июне 2005 г. был подписан закон о государственном языке Российской Федерации¹. Текст которого автор считает необходимым привести в контексте своего учебного курса.

Федеральный закон от 1 июня 2005 г. N 53-ФЗ «О государственном языке Российской Федерации»

Настоящий Федеральный закон направлен на обеспечение использования государственного языка Российской Федерации на всей территории Российской Федерации, обеспечение права граждан Российской Федерации на пользование государственным языком Российской Федерации, защиту и развитие языковой культуры.

Статья 1. Русский язык как государственный язык Российской Федерации

1. В соответствии с Конституцией Российской Федерации государственным языком Российской Федерации на всей ее территории является русский язык.

2. Статус русского языка как государственного языка Российской Федерации предусматривает обязательность использования русского языка в сферах, определенных настоящим Федеральным законом, другими федеральными законами, Законом Российской Федерации от 25 октября 1991

¹ <http://www.strana-oz.ru/?numid=11&article=496>. Статья «Вопросы языкознания в Государственной Думе» *Алексей Шмелев*

года N 1807-I «О языках народов Российской Федерации» и иными нормативными правовыми актами Российской Федерации, его защиту и поддержку, а также обеспечение права граждан Российской Федерации на пользование государственным языком Российской Федерации.

3. Порядок утверждения норм современного русского литературного языка при его использовании в качестве государственного языка Российской Федерации, правил русской орфографии и пунктуации определяется Правительством Российской Федерации.

4. Государственный язык Российской Федерации является языком, способствующим взаимопониманию, укреплению межнациональных связей народов Российской Федерации в едином многонациональном государстве.

5. Защита и поддержка русского языка как государственного языка Российской Федерации способствуют приумножению и взаимообогащению духовной культуры народов Российской Федерации.

6. При использовании русского языка как государственного языка Российской Федерации не допускается использование слов и выражений, не соответствующих нормам современного русского литературного языка, за исключением иностранных слов, не имеющих общеупотребительных аналогов в русском языке.

7. Обязательность использования государственного языка Российской Федерации не должна толковаться как отрицание или умаление права на пользование государственными языками республик, находящихся в составе Российской Федерации, и языками народов Российской Федерации.

Статья 2. Законодательство Российской Федерации о государственном языке Российской Федерации

Законодательство Российской Федерации о государственном языке Российской Федерации основывается на Конституции Российской Федерации, общепризнанных принципах и нормах международного права, меж-

дународных договорах Российской Федерации и состоит из настоящего Федерального закона, других федеральных законов, Закона Российской Федерации от 25 октября 1991 года N 1807-1 «О языках народов Российской Федерации» и иных нормативных правовых актов Российской Федерации, регулирующих проблемы языка.

Статья 3. Сферы использования государственного языка Российской Федерации

1. Государственный язык Российской Федерации подлежит обязательному использованию:

1) в деятельности федеральных органов государственной власти, органов государственной власти субъектов Российской Федерации, иных государственных органов, органов местного самоуправления, организаций всех форм собственности, в том числе в деятельности по ведению делопроизводства;

2) в наименованиях федеральных органов государственной власти, органов государственной власти субъектов Российской Федерации, иных государственных органов, органов местного самоуправления, организаций всех форм собственности;

3) при подготовке и проведении выборов и референдумов;

4) в конституционном, гражданском, уголовном, административном судопроизводстве, судопроизводстве в арбитражных судах, делопроизводстве в федеральных судах, судопроизводстве и делопроизводстве у мировых судей и в других судах субъектов Российской Федерации;

5) при официальном опубликовании международных договоров Российской Федерации, а также законов и иных нормативных правовых актов;

6) во взаимоотношениях федеральных органов государственной власти, органов государственной власти субъектов Российской Федерации, иных государственных органов, органов местного самоуправления, орга-

низаций всех форм собственности и граждан Российской Федерации, иностранных граждан, лиц без гражданства, общественных объединений;

7) при написании наименований географических объектов, нанесении надписей на дорожные знаки;

8) при оформлении документов, удостоверяющих личность гражданина Российской Федерации, за исключением случаев, предусмотренных законодательством Российской Федерации, изготовлении бланков свидетельств о государственной регистрации актов гражданского состояния, оформлении документов об образовании, выдаваемых имеющими государственную аккредитацию образовательными учреждениями, а также других документов, оформление которых в соответствии с законодательством Российской Федерации осуществляется на государственном языке Российской Федерации, при оформлении адресов отправителей и получателей телеграмм и почтовых отправлений, пересылаемых в пределах Российской Федерации, почтовых переводов денежных средств;

9) в деятельности общероссийских, региональных и муниципальных организаций телерадиовещания, редакций общероссийских, региональных и муниципальных периодических печатных изданий, за исключением деятельности организаций телерадиовещания и редакций периодических печатных изданий, учрежденных специально для осуществления теле- и (или) радиовещания либо издания печатной продукции на государственных языках республик, находящихся в составе Российской Федерации, других языках народов Российской Федерации или иностранных языках, а также за исключением случаев, если использование лексики, не соответствующей нормам русского языка как государственного языка Российской Федерации, является неотъемлемой частью художественного замысла;

10) в рекламе;

11) в иных определенных федеральными законами сферах.

2. В случаях использования в сферах, указанных в части 1 настоящей статьи, наряду с государственным языком Российской Федерации государственного языка республики, находящейся в составе Российской Федерации, других языков народов Российской Федерации или иностранного языка тексты на русском языке и на государственном языке республики, находящейся в составе Российской Федерации, других языках народов Российской Федерации или иностранном языке, если иное не установлено законодательством Российской Федерации, должны быть идентичными по содержанию и техническому оформлению, выполнены разборчиво, звуковая информация (в том числе в аудио- и аудиовизуальных материалах, теле- и радиопрограммах) на русском языке и указанная информация на государственном языке республики, находящейся в составе Российской Федерации, других языках народов Российской Федерации или иностранном языке, если иное не установлено законодательством Российской Федерации, также должна быть идентичной по содержанию, звучанию и способам передачи.

3. Положения части 2 настоящей статьи не распространяются на фирменные наименования, товарные знаки, знаки обслуживания, а также теле- и радиопрограммы, аудио- и аудиовизуальные материалы, печатные издания, предназначенные для обучения государственным языкам республик, находящихся в составе Российской Федерации, другим языкам народов Российской Федерации или иностранным языкам.

Статья 4. Защита и поддержка государственного языка Российской Федерации

В целях защиты и поддержки государственного языка Российской Федерации федеральные органы государственной власти в пределах своей компетенции:

1) обеспечивают функционирование государственного языка Российской Федерации на всей территории Российской Федерации;

2) разрабатывают и принимают федеральные законы и иные нормативные правовые акты Российской Федерации, разрабатывают и реализуют направленные на защиту и поддержку государственного языка Российской Федерации соответствующие федеральные целевые программы;

3) принимают меры, направленные на обеспечение права граждан Российской Федерации на пользование государственным языком Российской Федерации;

4) принимают меры по совершенствованию системы образования и системы подготовки специалистов в области русского языка и преподавателей русского языка как иностранного языка, а также осуществляют подготовку научно-педагогических кадров для образовательных учреждений с обучением на русском языке за пределами Российской Федерации;

5) содействуют изучению русского языка за пределами Российской Федерации;

6) осуществляют государственную поддержку издания словарей и грамматик русского языка;

7) осуществляют контроль за соблюдением законодательства Российской Федерации о государственном языке Российской Федерации;

8) принимают иные меры по защите и поддержке государственного языка Российской Федерации.

Статья 5. Обеспечение права граждан Российской Федерации на пользование государственным языком Российской Федерации

1. Обеспечение права граждан Российской Федерации на пользование государственным языком Российской Федерации предусматривает:

1) получение образования на русском языке в государственных и муниципальных образовательных учреждениях;

2) получение информации на русском языке в федеральных органах государственной власти, органах государственной власти субъектов Рос-

сийской Федерации, иных государственных органах, органах местного самоуправления, организациях всех форм собственности;

3) получение информации на русском языке через общероссийские, региональные и муниципальные средства массовой информации. Данное положение не распространяется на средства массовой информации, учрежденные специально для осуществления теле- и (или) радиовещания либо издания печатной продукции на государственных языках республик, находящихся в составе Российской Федерации, других языках народов Российской Федерации или иностранных языках.

2. Лицам, не владеющим государственным языком Российской Федерации, при реализации и защите их прав и законных интересов на территории Российской Федерации в случаях, предусмотренных федеральными законами, обеспечивается право на пользование услугами переводчиков.

Статья 6. Ответственность за нарушение законодательства Российской Федерации о государственном языке Российской Федерации

1. Принятие федеральных законов и иных нормативных правовых актов Российской Федерации, законов и иных нормативных правовых актов субъектов Российской Федерации, направленных на ограничение использования русского языка как государственного языка Российской Федерации, а также иные действия и нарушения, препятствующие осуществлению права граждан на пользование государственным языком Российской Федерации, влекут за собой ответственность, установленную законодательством Российской Федерации.

2. Нарушение настоящего Федерального закона влечет за собой ответственность, установленную законодательством Российской Федерации.

Статья 7. Вступление в силу настоящего Федерального закона.

Настоящий Федеральный закон вступает в силу со дня его официального опубликования.

Президент Российской Федерации В. Путин

Москва, Кремль, 1 июня 2005 г., N 53-ФЗ

Под словосочетанием «*современный русский язык*» обычно понимают очень широкий круг текстов, устных закономерностей и рекомендаций, определяющих устройство и правила употребления различных единиц этого языка². Эта двойственность – обозначение и самого объекта, и устройства этого самого объекта – характерна для таких, например, слов, как *грамматика* или *экономика*, которые также одновременно обозначают и сам объект, и представления об этом объекте. Сравните, например, с противопоставлением *материалы* и *наука о материалах*, *материаловедение*, *политика (правительства N)* и *политология*.

Словосочетание «*современный русский язык*» нуждается в уточнении также и по временному параметру. Какой русский язык следует считать современным, а какой – уже достоянием истории? До самого последнего времени ученые предлагали считать современным русский язык «от А.С. Пушкина до наших дней». Однако, соглашаясь с тем, что именно с пушкинских времен следует говорить о **литературном русском языке**, нельзя не констатировать, что за прошедшие почти 200 лет в русском языке приобретено (и утрачено) большое количество слов, множество слов изменили свое значение, переменили сферу своего употребления. В значительно меньшей степени, но переменилась и грамматика: утратились (и появились) некоторые формы и синтаксические конструкции. Более подробно и конкретно об этом можно прочитать в исследовании Ю.Н. Караулова, где рассматривается вопрос о том, как соотносится между собой содержание, которое вкладывал в свой текст А.С. Пушкин, и то понимание этого же текста, которое возникает в сознании нашего современника, писателя Вл. Маканина. И, наоборот, как понял бы (не понял бы вообще или понял бы

² <http://www.ruthenia.ru/apr/textes/sherba/sherba5.htm> (Щерба Л.В. Избранные работы по русскому языку. - М., 1957. - С. 110-129)

превратно) А.С. Пушкин и его современник, доведись им читать тексты автора конца XX века. Предлагаемый Ю.Н. Карауловым эксперимент называется: «Пушкин читает Маканина». В качестве активно функционирующего индивидуального лексикона, моделирующего тем самым языковую способность, используется четырехтомный словарь произведений А.С. Пушкина, а объектом его восприятия становится рассказ В. Маканина «Человек свиты». В итоге мы получаем ответ на вопрос, мог бы носитель русского языка, принадлежащий по своему воспитанию и уровню знаний к первой трети прошлого века, даже такой выдающийся представитель этой эпохи как Пушкин, воспринять и понять текст, относящийся к нашему времени, входящий в контекст современной русской литературы³. Учитывая эти обстоятельства, сегодня в науке о русском языке предпочитают считать «современным» только тот русский язык, каким он представлен в текстах XX – начала XXI века. Именно этот смысл мы будем вкладывать в словосочетание «современный русский язык» в последующем изложении.

Однако современный русский язык варьируется не только во времени. Он варьируется еще и в пространстве. И такое варьирование является предметом специальной науки – **диалектологии**. Впрочем, для конца XX – начала XXI в.в. диалектология занимается исключительно теми объектами, которые не принадлежат русскому литературному языку. Более того, с развитием транспорта, с введением всеобщего среднего образования, с массовым проникновением в каждый дом газет, радио, а особенно телевидения территориальные различия в использовании русского языка все больше сходят на нет, проявляясь лишь в особенностях произношения отдельных звуков (южнорусское ГЭканье, например), в интонациях или отдельных словах (например,

³ Караулов Ю.Н. Словарь Пушкина и эволюция русской языковой способности. – М., 2006. – 168 с.

московское *подъезд, проездной* в соответствии с петербургскими *лестница, карточка*).

Более значимыми в последние десятилетия оказываются не языковые различия между жителями различных регионов России, но различия между русским литературным языком и языком жителей России, которые осваивают русский язык как неродной. Эта вариативность русского языка оказывается все более существенной в условиях массовой иммиграции в Россию носителей языков ближнего зарубежья, особенно из Закавказья и Средней Азии. И хотя эти вопросы требуют специального внимательного изучения, будучи исключительно важными для экономической и социальной политики России, не они являются предметом нашего внимания.⁴

В поле нашего внимания – та вариативность современного русского языка (как объекта, а не науки о нем!), которая связана с различиями, обусловленными сферами его употребления.

Особенность языка – и как такового, и как объекта изучения – состоит в том, что он выступает во всех областях деятельности человека: и в повседневном быту, и в интеллектуальном постижении окружающего мира, и в формировании отношений в обществе, и в осмыслении тонких эмоциональных переживаний...

Каждое явление окружающей человека действительности должно обязательно получить свое именование, название. Не названное не может быть глубоко осмыслено. «Ужели ли слово найдено?» – величайшая радость вычисления именно того, что нас интересует, среди других, уже поименованных предметов, признаков, состояний, действий. Однако каждый человек в силу ограниченности своих жизненных интересов, опыта и разделения труда по специальностям совершенно не

⁴ <http://www.duma.gov.ru/cult-tur/int/av2/chel.htm> Об основных направлениях деятельности Совета по русскому языку при Правительстве Российской Федерации, Е.П. Чельшев.

компетентен во множестве областей человеческой жизни. Если взять даже область быта, то окажется, что далеко не каждый знает все существующие в современном русском языке слова, употребляемые при изготовлении продуктов питания, в рыбной ловле, при производстве и ремонте предметов одежды и обуви, при восхождении на горные вершины, при строительстве домов, при занятии различными видами спорта, при различных медицинских процедурах, при участии в разнообразных играх и т.п. Я уже не говорю о словах, употребляемых в самых различных областях науки и техники, от нефтедобычи до нанотехнологий... Везде существуют языковые знаки, известные знатокам (как профессионалам, так и любителям), но неизвестные большинству вполне образованных носителей современного русского языка, которые обходятся только общеупотребительной лексикой. Осмысливая эту ситуацию, выдающиеся представители нашей науки утверждали, что нет таких знаний, которые не были бы нужны филологу. Это особенно ясно на примере работы переводчика, который сегодня должен работать, например, со специалистами по сотовой связи, со словами и понятиями их сферы, а завтра – со строителями метро, с их словами и понятиями, послезавтра – со специалистами по допинг-контролю, а на следующей неделе переводить роман, где речь идет о ремонте автомобилей, добыче золота, армейских взаимоотношениях, системе мер и весов древнего Египта...

Совершенно очевидны две вещи. Первая – во всех этих случаях речь должна идти о современном русском языке. В русском языке каждой из названных для примера сфер будут употребляться русские слова. Прежде всего служебные – предлоги, такие как *к, с, после, в* и т.п. и союзы, такие как *и, а, потому что, если, когда* и т.д. Будут выступать русские существительные, такие как *человек, инструмент, доказательство* и т.п., прилагательные, такие как *хороший, первый, высокий, а*

также соответствующие местоимения (*он, такой, этот*) и числительные. Они все будут иметь морфологические формы рода, числа, падежа как это русской грамматикой предопределено. Все то же самое касается глаголов. Все синтаксические конструкции также будут русскими, среди них не найдется дательного самостоятельного, как в старославянском, или *Accusativus cum Infinitivo*, как в латинском... Однако все эти тексты могут оказаться непонятными русскому читателю или неправильно им понятыми из-за наличия специальных слов, бытующих только в этой области человеческой деятельности и известных только тем, кто этой областью занимается. Например, *при участии АНО ИАЦ ПБ (Головного исполнителя работ по АИС ПБ) и с помощью специального программного обеспечения по регистрации объектов будет централизованно осуществлено перераспределение записей о регистрации объектов между преобразованными территориальными органами Службы по технологическому и экологическому надзору с учётом новых кодов (цифровых индексов) в соответствии с приложением к распоряжению, а также в соответствии с территориальной принадлежностью места юридической регистрации организации, зарегистрированной в государственном реестре.*

Второе обстоятельство связано с необходимостью не просто знать значения отдельных слов, но иметь некоторое, пусть весьма общее и приблизительное представление о соответствующей области, некоторую **предметную компетенцию**. Так, например, недостаточно (хотя и необходимо) для осмысленной коммуникации в сфере, например, связанной с бегами на ипподроме, знать только значения специальных слов, связанных с мастями лошадей (*каурый, пегий, серый в яблоках*) или их упряжью (*супонь, стремя, потник, оглобля*), но нужно иметь хотя бы общее представление о лошадях и различных акциях, в которых они принимают участие (Ср., также с проблемами переводчика, рабо-

тающего с «Холстомером» или соответствующими главами из «Анны Карениной» Л.Н. Толстого).

Все сказанное выше относится и к административно-правовой сфере, в которой используются средства русского языка. **Под административно-правовой сферой понимается такая сфера человеческой деятельности, которая основана на законодательно закреплённом разделении функций, прав и обязанностей различных субъектов права.**

Под субъектом административного права традиционно понимается лицо или организация, которые в соответствии с действующим законодательством Российской Федерации могут быть участниками регулируемых административным правом управленческих общественных отношений.

В настоящее время перечень таких субъектов, как следует из приведенного определения, многообразен. Однако всех их объединяет обладание особым юридическим качеством – административной правоспособностью. Административная правоспособность является проявлением общей правоспособности, т.е. установленной и охраняемой государством возможности данного субъекта вступать в различного рода правовые отношения. Иными словами, это способность приобретать соответствующий комплекс прав, обязанностей и нести ответственность за их реализацию. Следовательно, правоспособность является предпосылкой возникновения правоотношений с участием данного субъекта. Для возникновения административно-правовых отношений такой предпосылкой является административная правоспособность, выражающаяся в определенной административно-правовыми нормами возможности данного субъекта приобретать административно-правовые обязанности и права и нести юридическую ответственность за их практическую реализацию в сфере государственного управления.

Очевидно, что в этой сфере предполагаются сугубо официальные отношения между участниками коммуникации. Предмет коммуникации должен быть представлен в этой сфере по возможности ясно и четко, откуда необходимость в специальных терминах. Общение должно строиться на строгой логической основе (по возможности даже легко формализуемой и способной исполняться не людьми, а соответствующими техническими устройствами). Всякие эмоциональные воздействия должны быть исключены. Иными словами, речь идет об официальном типе речи с элементами научного. Не забудем о том, что человек как субъект в административно-правовой сфере выступает преимущественно в роли реципиента, получателя сообщения на русском языке, которое он должен точно и полно, содержательно интерпретировать. В качестве продуцентов сообщений в этой сфере обычно выступают профессиональные юристы-законотворцы, прокуроры, адвокаты... Однако и обычный человек в этой сфере может быть продуцентом. Как правило, такая ситуация возникает при необходимости обратиться в различные инстанции с разного рода заявлениями.

В последние годы многие филологи почувствовали необходимость иметь, кроме филологической, и еще какую-нибудь специальность. Обычно это связано с дорогостоящей и времяземкой процедурой получения второго высшего образования. Однако более эффективной представляется процедура получения путем самообразования, различных курсов и тренингов основных, базисных знаний в любой интересующей человека области от финансов до медицины. (Именно такой путь прошли в 20-е годы прошлого века многие дипломированные специалисты советских вузов, вынужденные отказаться от работы «по диплому» и нашедшие работу в совсем иных сферах, где эти сотрудники часто становились весьма успешными). Развитию именно в этом направлении и поможет наш курс, рассчитанный на соединение профессиональных

филологических знаний с общими представлениями, определяющими место человека в административно-правовой сфере.

Очевидно, что русский язык, которым пользуются студенты, разговаривая о спорте, музыке или экзаменах, отличается от того русского языка, которым написан, например, учебник по «Введению в языкознание», и от того русского языка, на котором, приносит клятву Президент России при вступлении в должность. Несколько упрощая дело, можно утверждать, что в первом случае перед нами **разговорная речь**, может быть, даже с элементами студенческого **арго**. Во втором – литературный язык в той его разновидности, которая называется **научной речью**. В третьем – **официальная речь**.

Официальная речь или официально-деловой стиль речи как раз и характеризует сферу административно-правовых отношений. В связи с этим необходимо обозначить некоторые особенности официально-делового стиля.

Лексические признаки официально-делового стиля речи

Лексическая (словарная) система официально-делового стиля, кроме обще книжных и нейтральных слов, включает:

1) **языковые штампы (канцеляризмы, клише)**: *ставить вопрос, на основании решения, входящие-исходящие документы, контроль за исполнением возложить, по истечении срока;*

2) **профессиональную терминологию**: *недоимка, алиби, черный нал, теневой бизнес;*

3) **архаизмы**: *оным удостоверяю, сей документ.*

В официально-деловом стиле недопустимо употребление многозначных слов, а также слов в переносных значениях, а синонимы употребляются крайне редко и, как правило, принадлежат одному стилю: *снабжение =*

поставка = обеспечение, платежеспособность = кредитоспособность, износ = амортизация, ассигнование = субсидирование и др.

Официально-деловая речь отражает не индивидуальный, а социальный опыт, вследствие чего ее лексика предельно обобщена. В официальном документе предпочтение отдается родовым понятиям, например: *прибыть* (вместо *приехать, прилететь, прийти* и т.д.), транспортное средство (вместо *автобус, самолет, «Жигули»* и т.д.), населенный пункт (вместо *деревня, город, село* и т.д.) и др.

К морфологическим признакам данного стиля относится многократное (частотное) использование определенных частей речи (и их типов). В их числе следующие:

- 1) существительные – названия людей по признаку, обусловленному действием (*налогоплательщик, арендатор, свидетель*);
- 2) существительные, обозначающие должности и звания в форме мужского рода (*сержант Петрова, инспектор Иванова*);
- 3) отглагольные существительные с частицей *не-* (*лишение, несоблюдение, непризнание*);
- 4) производные предлоги (*в связи, за счет, в силу, по мере, в отношении, на основании*);
- 5) инфинитивные конструкции (*провести осмотр, оказать помощь*);
- 6) глаголы настоящего времени в значении обычно производимого действия (*за неуплату взимается штраф...*);
- 7) сложные слова, образованные от двух и более основ (*квартиросъемщик, работодатель, материально-технический, ремонтно-эксплуатационный, вышеуказанный, нижепоименованный* и т.п.).

Использование указанных форм объясняется стремлением делового языка к точности передачи смысла и однозначности толкования.

Синтаксические признаки официально-делового стиля речи

К синтаксическим признакам официально-делового стиля относятся:

1) употребление простых предложений с однородными членами, причем ряды этих однородных членов могут быть весьма распространенными (до 8–10), например: *... штрафы в качестве меры административного взыскания могут устанавливаться в соответствии с законодательством России за нарушение правил техники безопасности и охраны труда в промышленности, строительстве, на транспорте и в сельском хозяйстве;*

2) наличие пассивных конструкций (*платежи вносятся в указанное время*);

3) нанизывание родительного падежа, т.е. употребление цепочки имен существительных в родительном падеже (*результаты деятельности органов налоговой полиции...*);

4) преобладание сложных предложений, в особенности сложноподчиненных, с придаточными условными: *При наличии спора о размерах причитающихся уволенному работнику сумм администрация обязана уплатить указанное в настоящей статье возмещение в том случае, если спор решен в пользу работника*

Жанровое многообразие официально-делового стиля речи

По тематике и разнообразию жанров в рассматриваемом стиле выделяют две разновидности: I – *официально-документальный стиль* и II – *обиходно-деловой стиль*.

В свою очередь в официально-документальном стиле можно выделить:

- язык законодательных документов, связанных с деятельностью государственных органов (Конституция РФ, законы, уставы);
- язык дипломатических актов, связанных с международными отношениями (меморандум, коммюнике, конвенция, заявление).

В обиходно-деловом стиле различают:

- язык служебной переписки между учреждениями и организациями;
- язык частных деловых бумаг.

Все жанры обиходно-делового стиля: служебная переписка (деловое письмо, коммерческая корреспонденция) и деловые бумаги (справка, удостоверение, акт, протокол, заявление, доверенность, расписка, автобиография и др.) – характеризуются известной стандартизацией, облегчающей их составление и использование и рассчитанной на экономию языковых средств, на устранение неоправданной информационной избыточности (см. подробно 4.2; 4.3; 4.4).

Для наглядности рассмотрим кратко одну из разновидностей официально-документального стиля – дипломатический подстиль.

Дипломатия – это искусство разрешения международных разногласий мирными средствами; это также техника и мастерство, гармонично воздействующие на международные отношения и подчиняющиеся определенным правилам и обычаям.

Дипломатическая деятельность всегда носила ярко выраженный ритуальный характер. Дипломатическая профессия очень стара. Свидетельства договоров о мире встречаются среди древнейших исторических памятников. Одним из важнейших качеств дипломата – общительность. Общество дипломатов – это ограниченный круг людей, хорошо подобранный, в какой-то мере изолированный, со своими строгими правилами этикета и профессиональной вежливости. Дипломат должен обладать тактом.

Сфера функционирования дипломатического подстиля – дипломатия и международные отношения. Дипломатический подстиль включает в себя следующие жанры: конвенция, коммюнике, декларация, заявление, меморандум, нота, международное соглашение и др.

Языковые особенности дипломатического подстиля

Для языка дипломатии характерно употребление *международной* дипломатической *терминологии* и *терминологии международного права*, в основном, латинского и французского происхождения, например: *консул, конвенция; атташе, демарш, коммюнике* (так как языком дипломатии в Средние века был латинский, а позднее французский). Иногда в дипломатических текстах *латинские термины* и выражения употребляются в латинском написании: *persona non grata, status quo, право veto* и т.д. [1].

Дипломатические тексты отличаются наличием слов и сочетаний *общелитературного языка*, которые в определенных значениях употребляются в качестве терминов: *протокол* (совокупность общепризнанных правил международного общения), *сторона* (определенное государство и его правительство, участвующее в переговорах) и т.п.

В дипломатических документах часто употребляются слова, имеющие стилистическую помету *книжное, высокое*, которые придают дипломатическим документам торжественное звучание. Например: *Высокий Гость, визит вежливости, сопровождающие лица* и т.п. Используется так называемая *этикетная лексика*, в состав которой нередко входят историзмы: *Его Величество, Его Высочество, госпожа, господин* и т.д., а также близкая к этикетной лексике *комплиментарная лексика* (протокольные официальные формулы дипломатической вежливости): *свидетельствовать почтение, принять уверение в почтении* (в глубоком уважении) и т.п.

Многие из этих протокольных, официальных формул имеют международный характер.

Языку дипломатии свойственна эмоционально-экспрессивная окрашенность. Это сближает дипломатический подстиль с публицистикой. Например: *Мы с огромным интересом рассмотрим все вопросы, обозначенные в протоколах 2004 года.*

Для синтаксиса дипломатических документов характерно употребление условно-уступительных предложений, гибких формулировок, что соответствует требованиям дипломатического этикета, дипломатического такта. Повелительное наклонение и, соответственно, императивные предложения (приказ, повеление) употребляются в дипломатическом подстиле в исключительных случаях – в нотах протеста, в ультиматумах.

В заключение отметим, что дипломатический подстиль наиболее «открытый» из всех подстилей деловой речи, он ближе других разновидностей официально-делового стиля соприкасается с политикой и публицистикой, и это обуславливает его языковое и стилистическое своеобразие.

Велика сила слова в дипломатии, в ее власти над международными событиями (как велика роль слова в официально-деловом стиле вообще). Демосфен говорил: «Послы не имеют ни кораблей, ни тяжелой артиллерии, ни крепостей. Их оружие – слова и благоприятные возможности».

Научную речь можно считать такой разновидностью официальной речи, в которой представлена научная **терминология**. Возьмите, например, любую научную или учебную книгу и прочитайте несколько абзацев сначала из любого типа предисловия, а затем из середины или из конца книги. В обоих случаях Вы найдете и официальное отношение к Вам как к читателю, и отсутствие проявлений эмоционального воздействия. Однако в первом случае Вам, вероятнее всего, все будет понятно, а во втором – нет. Причем непонимание будет возникать из-за того, что Вам встретятся такие слова (вероятнее всего, это будут тер-

мины соответствующей науки), которых Вы никогда раньше не встречали, или известные Вам слова будут употреблены автором не в том значении, в котором их употребляете Вы. Можете также сравнить какую-либо научно-популярную книгу, например, по медицине с вузовским учебником по соответствующему предмету. В последнем будет заведомо больше специальных терминов, а в первом Вы найдете эмоциональные советы по здоровому образу жизни, которые в последнем, если и найдутся, будут выражены без каких-либо эмоций.

Нетрудно умозаключить, что в **языке художественной литературы** могут быть представлены все типы речи. Реже всего научной, хотя ее можно найти, например, в некоторых профессиональных рассуждениях Базарова в «Отцах и детях» И.С. Тургенева. Разумеется, было бы неразумно искать все типы речи в коротком стихотворении, а вот, например, в лермонтовском «Бородино» есть элементы всех типов речи, кроме научного.

Все три типа речи (разговорная, научная и официальная) могут быть выделены, во-первых, на фоне речи нейтральной, а во-вторых, как содержащие некоторые показатели, отличающие эти три типа от нейтрального.

Эти показатели связаны с двумя обстоятельствами: отношением к адресату сообщения и отношением к самому сообщению. Адресуясь к слушателю, с которым нас связывают неофициальные дружеские отношения, мы обычно подчеркиваем эти отношения, вставляя в свою речь такие, например, слова, как *небось, пацан, жуть, спереть, устаканиться*, и фразеологические единицы, как, например, *у черта на куличиках, до лампочки, на халяву...* Эти слова – показатель нашей раскованности и отсутствия каких-либо церемонностей в отношениях с собеседником (или читателем, если речь идет, например, о письме к старому близкому другу). Все эти, и подобные, слова совершенно не умест-

ны в случаях сугубо официальных отношений между участниками коммуникации, как устной, так и письменной. Все это можно сравнить с некоторыми правилами этикета. Неофициальные отношения позволяют нам встречаться с гостем «без галстуков», усаживать его на кухне, угощать тем, что оказалось в холодильнике. А для приема гостя, с которым наши отношения сугубо официальные, ничего этого допускать уже нельзя: его надо встречать не в домашней одежде, сажать желательно за накрытый скатертью стол и угощать специально приготовленными блюдами...

Разумеется, и в официальном, и в неофициальном общении чрезвычайно важно содержание речи. При этом Вы или Ваш собеседник (или автор письменного текста) может стремиться только к тому, чтобы передать некоторое сообщение, проинформировать о «положении дел». Однако нередко цель общения состоит в том, чтобы убедить собеседника (читателя) принять ту или иную точку зрения, воздействуя не только логикой, как это предполагает, например, научная речь, но и используя эмоциональные факторы. Тогда перед нами **публицистическая речь**. Чем же в таком случае отличаются характеризующиеся официальностью и апелляцией лишь к логике, а не к эмоциям официальная и научная речь? Публицистическая речь наиболее характерна для употребления в сфере общественной деятельности. Поэтому рассмотрим ее основные признаки.

Функции публицистического стиля

Одной из важных особенностей публицистического стиля является сочетание в его рамках двух функций языка: **функции сообщения** (информативной) и **функции воздействия** (экспрессивной).

Функция сообщения состоит в том, что авторы текстов публицистики информируют широкий круг читателей, зрителей, слушателей о значимых для общества проблемах.

Информационная функция присуща всем стилям речи. Ее специфика в публицистическом стиле заключается в тематике и характере информации, в ее источниках и адресатах. Так, телевизионные передачи, газетные и журнальные статьи информируют общество о самых разнообразных сторонах его жизни: о парламентских дебатах, об экономических программах правительства и партий, о происшествиях и преступлениях, о состоянии окружающей среды, о повседневной жизни граждан.

Способ подачи информации в публицистическом стиле также имеет свои отличительные черты. Информация в публицистических текстах не только описывает факты, но и отражает оценку, мнения, настроения авторов, содержит их комментарии и размышления. Это отличает ее, например, от официально-деловой информации. Другое отличие в предоставлении информации связано с тем, что публицист стремится писать избирательно – прежде всего о том, что вызывает интерес у определенных общественных групп, он выделяет только те стороны жизни, которые важны для его потенциальной аудитории.

Информирование граждан о положении дел в общественно значимых сферах сопровождается в публицистических текстах осуществлением второй важнейшей функции этого стиля – *функции воздействия*. Цель публициста состоит не только в том, чтобы рассказать о положении дел в обществе, но и в том, чтобы убедить аудиторию в необходимости определенного отношения к излагаемым фактам и в необходимости желаемого поведения. Поэтому публицистическому стилю присущи открытая тенденциозность, полемичность, эмоциональность (что вызвано стремлением публициста доказать правильность своей позиции).

В различных публицистических жанрах одна из двух названных функций может выступать в качестве ведущей, при этом важно, чтобы функция воздействия не вытесняла информационную функцию: пропаганда полезных для общества идей должна опираться на полное и достоверное информирование аудитории.

Языковые признаки публицистического стиля речи

Лексические признаки

1. В публицистическом стиле всегда присутствуют готовые стандартные формулы (или речевые клише), которые носят не индивидуально-авторский, а социальный характер: *горячая поддержка, живой отклик, резкая критика, наведение элементарного порядка* и др. В результате многократных повторений эти клише нередко превращаются в надоевшие (стертые) штампы: *коренные преобразования, радикальные реформы*.

Речевые образцы отражают характер времени. Многие клише уже устарели, например: *акулы империализма, болезнь роста, слуги народа, враг народа*. Наоборот, новомодными для официальной прессы конца 90-х гг. стали слова и выражения: *элита, борьба элит, элита криминального мира, высшая финансовая элита, раскручивать, виртуальный, имидж, знаковая фигура, пирог власти, дитя застоя, деревянный рубль, инъекция лжи*.

Многочисленные примеры речевых клише вошли в состав так называемой публицистической фразеологии, позволяющей быстро и точно давать информацию: *мирное наступление, сила диктата, пути прогресса, вопрос безопасности, пакет предложений*.

2. Отношения между отправителем и адресатом в публицистическом стиле подобны отношению между актером и зрителями. «Театральная» лексика – вторая яркая черта публицистического стиля. Она пронизывает все публицистические тексты: *политическое шоу, на политической арене*,

закулисная борьба, роль лидера, драматические события, известный в политике трюк, кошмарный сценарий и др.

3. Характерной особенностью публицистического стиля является эмоционально-оценочная лексика. Эта оценка носит не индивидуальный, а социальный характер. Например, слова с положительной оценкой: *актив, милосердие, помыслы, дерзать, процветание*; слова с отрицательной оценкой: *насаждать, обывательский, саботаж, расизм, обезличка*.

4. В публицистическом стиле особое место принадлежит книжным пластам лексики, имеющим торжественную, гражданско-патетическую, риторическую окраску: *дерзать, воздвигать, самопожертвование, воинство, отчизна*. Патетическую тональность придает тексту также использование старославянизмов: *свершения, держава, страж* и т.д.

5. В текстах публицистического стиля часто присутствует военная терминология: *гвардия, штурм высоты, передний край, линия огня, прямая наводка, стратегия, мобилизация резервов*. Но она употребляется, естественно, не в своем прямом значении, а образно (речь в текстах с этими словами может идти об уборке урожая, введении в строй новых объектов производства и т.д.).

6. В качестве оценочного средства в публицистике могут встретиться слова пассивного словарного запаса – архаизмы. Например: *Доллар и его лекари. Военные барыши растут*.

Морфологические признаки

К морфологическим признакам публицистического стиля мы относим частотное употребление тех или иных грамматических форм частей речи. Это:

1) единственное число имени существительного в значении множественного: *Русский человек всегда отличался выносливостью; Преподаватель всегда знает студента;*

- 2) родительный падеж имени существительного: *время перемен, пакет предложений, реформа цен, выход из кризиса* и др.;
- 3) императивные формы глагола: *Оставайтесь с нами на первом канале!*
- 4) настоящее время глагола: *в Москве открывается, 3 апреля начинается;*
- 5) причастия на -омый: *ведомый, невесомый, влекомый;*
- 6) производные предлоги: *в области, на пути, на базе, во имя, в свете, в интересах, с учетом.*

Синтаксические признаки

К синтаксическим признакам публицистического стиля следует отнести часто повторяющиеся, а также специфические по характеру типы предложений (синтаксических конструкций). В их числе:

- 1) риторические вопросы: *Выдержит ли русский человек? Хотят ли русские войны?;*
- 2) восклицательные предложения: *Все на выборы!;*
- 3) предложения с измененным обратным порядком: *Воюет армия с природой* (ср.: *Армия воюет с природой*). *Исключение составляли предприятия добывающей промышленности* (сравни: *Предприятия составляли исключение*);
- 4) заголовки статей, очерков, выполняющие рекламную функцию: *Малые беды большого флота. Зима – сезон горячий.*

В заголовках часто используется специфический языковой прием – «соединение несоединимого». Он дает возможность минимальными языковыми средствами вскрыть внутреннюю противоречивость предмета или явления: *трудящийся тунеядец, повторяемое неповторимое, мрачное веселье, красноречивое молчание.*

ТЕРМИНОЛОГИЯ

В юридической науке существует понятие «толкование норм права», определяемое как «деятельность органов государства, организаций, должностных лиц, отдельных граждан, направленная на уяснение и разъяснение смысла и содержания общеобязательной воли законодателя, выраженной в нормах права». Различают официальное, имеющее юридическую силу, и неофициальное толкование.

В зависимости от приемов толкования юристы различают толкование грамматическое, логическое, систематическое и историческое. Так, при историческом толковании содержание правовой нормы выявляется с опорой на ранее действовавшую норму или на материалы, используемые при ее разработке. При систематическом толковании содержание правовой норма толкуется с опорой на ее положение в соответствующем акте. Логическое толкование предполагает использование законов мышления. Грамматическое толкование (точнее было бы сказать «лингвистическое, или семантическое, толкование») использует приемы лингвистического анализа текста. При этом в юриспруденции особо оговаривается тот факт, что в одних случаях слово и словосочетание в юридическом тексте имеют тот же смысл, что и в обычном словоупотреблении, а в других случаях значения соответствующих единиц в юридическом языке и в обычном словоупотреблении различаются. Примером первого типа являются слова *двоеженство*, *многоженство*, примером второго – словосочетание *организованная группа*, которое в юридическом языке обозначает не просто организованную группу лиц, но такую группу, которая действует на основе предварительного сговора.

В процессе точной, глубокой и полной семантической интерпретации юридических текстов, объяснение причин этих трудностей и нахождение путей их преодоления, как для читателя, так и для создателя

нормативного акта. Выявляются трудности, решение которых помогают составлять наиболее удачные и эффективные по своему воздействию на собеседника тексты. Важным представляется также сопоставить юридическое «грамматическое толкование» и «обыденное» значение слов и составляемых ими предложений и текстов. При этом предполагается обсудить со студентами следующие проблемы:

- установить тот набор дифференциальных семантических признаков, который релевантен для разных понятийных разделов юридической терминологии;
- сопоставить эти наборы и их структуру со словами, организующими соответствующую систему понятий в обычном русском языковом употреблении;
- на основе сопоставления юридической и общеупотребительной системы понятий и дифференциальных признаков предложить пути для усовершенствования русской юридической терминологии с целью сделать ее более последовательной и организованной;
- сопоставить юридические термины с омонимичными словами и словосочетаниями современного русского литературного языка с тем, чтобы понять, в каком именно ложном направлении, осознанно и неосознанно, могут быть интерпретированы русские юридические термины непрофессионалами, носителями русского языка; особое внимание при этом будет обращено на оценочные компоненты, представленные в соотносительных общеупотребительных словах;
- на основе сопоставления юридических терминов и омонимичных общеупотребительных слов предложить конкретные усовершенствования для толковых словарей русского языка, а также для авторов работ, пропагандирующих юридические знания среди населения.

Актуальность обсуждаемых проблем обусловлена необходимостью упрощения и уточнения текстов нормативных актов путем приведения в

соответствие понятий – правовых терминов и понятий общеупотребительных слов. Это послужит более четкому и ясному пониманию нормативных актов, что приведет к интересу, а следовательно, создаст тенденцию к соблюдению правовых норм, изложенных в законодательстве языком, ясным для носителя русского языка. В настоящее время, когда право наряду с экономикой, стало приоритетной отраслью, представляется необходимым исследовать как лингвистические, так и экстралингвистические аспекты возможности усовершенствования языка законодательства и применить результаты исследований на практике.

В условиях правовой безграмотности общества законодателю необходимо создавать нормативные акты, употребляя такую юридическую технику, чтобы понятия, используемые в нормативных актах и являющиеся юридическими терминами, были доступны для понимания не только специалистам. Чтобы понятия – правовые термины, если и не полностью совпадали бы с общеупотребительным значением слова, то содержали бы тот набор семантических признаков и те лексические значения слова, которые носитель языка может узнать из толкового словаря.

На рубеже XX – XXI веков интерес к изучению языка науки, в частности терминологии как целого лексического пласта и определенного функционально-стилевого единства, неизменно растет, что обусловлено во всех сферах небывалым всплеском терминообразования, отражающего процесс создания мирового научно-образовательного пространства и становления нового информационно-технологического типа открытой постиндустриальной цивилизации. Складывается постнеклассический тип рациональности, учитывающий соотношенность внутринаучных ценностей с социальными. Новые термины, в особенности в области гуманитарного знания, становятся приметами формирования нового типа научного видения мира, становления новой парадигмы, трансформации мировоззренческих установок, диффузии и интеграции методологий разных отраслей. В связи с этим

не менее заметно обновление семантики ранее хорошо известных терминов, наполнение ее иным понятийным содержанием (этот процесс легко прослеживается на примере таких терминов, как конвергенция, финализация науки, когнитивистика, культурологический подход и др.).

Изменения в языке профессиональной коммуникации, таким образом, являются отпечатками тех явлений (в широком смысле этого слова), которые характерны для определенного периода развития социума. Основу же языка профессиональной коммуникации составляют, как известно, терминологические системы (терминологии). Совокупность терминосистем в языке профессиональной коммуникации понимается как терминологическое пространство. Динамичность его развития именно в последние десятилетия заставляет лингвистов особое внимание уделить изучению факторов и механизмов этого процесса. При этом подчеркнем особую значимость следующего положения в теории термина как языкового знака: «Термины создаются, продуцируются (автором или коллективом авторов) по мере осознания их необходимости».

Дело в том, что терминологическое словопроизводство, т.е. собственно терминообразование, в отличие от общеязыкового, – процесс сознательный. В формировании терминологического пространства весьма велика роль субъекта (что не характерно для обычных лексических полей, рассматривается как окказиональные образования). Действительно, создают термины представители конкретных областей научной деятельности, именно поэтому в терминоминации особенно ярко прослеживается действие человеческого фактора, деятельности личности, а точнее профессиональной языковой личности. И это само по себе намечает в современных терминологических исследованиях антропологический подход, столь свойственный науке последних десятилетий в целом и когнитивистике в частности, дает основания полагать, что развитие современного терминологи-

ческого пространства может быть исследовано с позиций когнитивной лингвистики.

Номинация в сфере терминологии понимается не только как процесс обозначения понятий, но и как процесс познания, поскольку от механизма, структуры, мотивированности именованного во многом зависит адекватность информации, выраженной в языковой форме термина, и в конечном счете – построение модели мира в сознании людей. На наш взгляд, справедливо в этом отношении характеризует соотношение смысла и формы в терминологии замечание Р. Якобсона о том, что «только для беспристрастного и стороннего наблюдателя связь между означающим и означаемым является чистой случайностью».

В терминологическом пространстве, социально обусловленном и социально ориентированном, отражающем особенности восприятия объектов, их связей и отношений с позиций человека, включенного в активную целенаправленную деятельность по преобразованию мира, номинация понятий самым тесным образом связана с когнитивной деятельностью личности. Создаваемый термин не только отражает представление об объекте, номинируя понятие, но и предопределяет способ мышления о нем⁵.

На рубеже XX – XXI веков интерес к изучению языка науки, в частности терминологии как целого лексического пласта и определенного функционально-стилевого единства, неизменно растет, что обусловлено во всех сферах небывалым всплеском терминообразования, отражающего процесс создания мирового научно-образовательного пространства и становления нового информационно-технологического типа открытой постиндустриальной цивилизации. Складывается постнеклассический тип рациональности, учитывающий соотнесенность внутринаучных ценностей с социальными. Новые термины, в особенности в области гуманитарного знания,

⁵ Университетские чтения 2006. Симпозиум 1. Сек. № 1-20. Актуальные проблемы языкознания и литературоведения. *И.В. Кичева*. Лингвокогнитивные основы исследования современного терминологического пространства.

становятся приметам формирования нового типа научного видения мира, становления новой парадигмы, трансформации мировоззренческих установок, диффузии и интеграции методологий разных отраслей. В связи с этим не менее заметно обновление семантики ранее хорошо известных терминов, наполнение ее иным понятийным содержанием (этот процесс легко прослеживается на примере таких терминов, как конвергенция, финализация науки, когнитивистика, культурологический подход и др.).

Изменения в языке профессиональной коммуникации, таким образом, являются отпечатками тех явлений (в широком смысле этого слова), которые характерны для определенного периода развития социума. Основу же языка профессиональной коммуникации составляют, как известно, терминологические системы (терминологии). Совокупность терминосистем в языке профессиональной коммуникации понимается как терминологическое пространство. Динамичность его развития именно в последние десятилетия заставляет лингвистов особое внимание уделить изучению факторов и механизмов этого процесса. При этом подчеркнем особую значимость следующего положения в теории термина как языкового знака: «Термины создаются, продуцируются (автором или коллективом авторов) по мере осознания их необходимости».

Дело в том, что терминологическое словопроизводство, т.е. собственно терминообразование, в отличие от общеязыкового, – процесс сознательный. В формировании терминологического пространства, весьма велика роль субъекта (что не характерно для обычных лексических полей, рассматривается как окказиональные образования). Действительно, создают термины представители конкретных областей научной деятельности, именно поэтому в терминоминимации особенно ярко прослеживается действие человеческого фактора, деятельности личности, а точнее профессиональной языковой личности. И это само по себе намечает в современных терминологических исследованиях антропологический подход, столь свой-

ственный науке последних десятилетий в целом и когнитивистике в частности, дает основания полагать, что развитие современного терминологического пространства может быть исследовано с позиций когнитивной лингвистики.

На возможность существования разных типов лексических объединений ученые обратили внимание еще в XIX веке (М.М. Покровский), некоторые особенности полевой структуры лексики были отмечены при построении тезаурусов (П. Роже, Ф. Дорнзайф, Р. Халлиг и В. Фон Вартбург).

Первоначальное теоретическое осмысление понятия *поле* в языке содержалось в работах Й. Трира, Г. Ипсена, где оно получило наименование «семантическое поле». Для семантического поля постулируется наличие общего (интегрального) семантического признака, объединяющего все единицы поля и обычно выражаемого лексемой с обобщенным значением (архилексемой).

Семантическое поле характеризуется понятийной однородностью элементов, поэтому его единицами являются обычно лексико-семантические варианты (ЛСВ) многозначных слов и однозначные слова. Понятийно неоднородные ЛСВ слова распределяются по разным семантическим полям (ср. дача – ‘загородный дом’ и ‘дача’ показаний).

В основе организации семантического поля как упорядоченного множества наименований лежат гиперо-гипонимические (родовидовые) отношения его единиц: гипонимы в качестве однородных единиц, обладающих свойством несовместимости (т.е. соответствующих видовым понятиям), включаются в класс (соотносительный с родовым понятием и обозначаемый гиперонимом) как его элементы. Гиперо-гипонимические отношения структурируют семантическое поле сверху донизу и снизу доверху, при этом понятия гипонима и гиперонима в нём относительны: так, лексическая единица **общественное объединение**, выступая как гипероним к гипонимам **общественная ор-**

ганизация, движение, фонд и др., может в свою очередь рассматриваться как гипоним по отношению к иерархически более высокому наименованию **юридическое лицо** и т.д. Однородные в смысловом отношении единицы последовательно объединяются в лексико-семантические группы, или элементарные микрополя (относительно замкнутые ряды слов одной части речи), подклассы, классы, классы классов, семантические макросферы и т.д., образуя сложную многомерную иерархическую систему взаимосвязанных семантических полей, границы которых относительно и часто определяются той или иной исследовательской задачей или установкой.

В зависимости от природы исходной единицы, лежащей в основе семантического поля и определяющей семантическую и словообразовательную деривацию его элементов (характер значения единиц семантических классов, направления развёртывания семантического поля от исходной лексемы, его частеречный состав и др.), выделяются категориальные типы семантических полей: процессуальные (ср. ‘передача’ с доминантой глаголом), предметные (ср. ‘транспортные средства’ – с существительным), признаковые (ср. ‘красота’ – с прилагательным) и др. Учёт типологии семантических полей позволяет выявить для каждого из них детерминанту как главное свойство, определяющее состав единиц семантического поля и категориальный характер их семантики: в одних доминируют глаголы (‘передача’: *(пере)давать, вручать, про-давать...*; другие члены производны, вторичны, периферийны: *переда-ча, продавец, торговля* и др.), во вторых – существительные (‘транспортные средства’: *автомобиль, мотоцикл, судно...*; ср.: *автомобиль-ный, речной мотор* и др.), в третьих – прилагательные (‘красота’: *красивый, прекрасный, очаровательный...*; ср.: *красота, грация, конкурс* и др.) и т.д.

В структуре семантических полей выделяются **ядро** (лексическая единица или несколько единиц, семантически наиболее простые и содержащие общее значение Семантического поля в его «чистом» виде), **центр** (яд «обволакивающих» ядро «слоёв» – специализированных классов единиц с семантически более сложными значениями: (*не-ре*)*давать* – *дарить, преподносить, презентовать...* (‘дарение’), *продавать, сбывать, уступать...* (‘продажа’), *сообщать (по радио), транслировать, телеграфировать...* (‘информирование по каналам связи’) и др.) и **периферия** (вторичные наименования, входящие своими первичными значениями в смежные семантические поля и реализующие семантику данного поля в специфических контекстуальных условиях).

Также можно выделить «ассоциативные поля» (Ш. Балли), исследуемые в рамках психолингвистики и психологии, для которых характерно объединение вокруг слова-стимула определенных групп слов-ассоциатов; которые, несмотря на их варьирующийся состав у разных информантов, обнаруживают значительную степень общности (однородности). Слова одного ассоциативного поля часто характеризуются семантической близостью, совокупностью структурных моделей предложений, объединяемых общностью семантического задания; например, в ассоциативное поле *благотворительности* включались бы все модели, с помощью которых выражается бескорыстная помощь и гуманное отношение к людям вообще и к человеку, в частности, но психолингвистический аспект не охватывается настоящим курсом.

Л.А. Новиков в работе «Семантика русского языка» (1982) подчеркивает: «Окружающая человека действительность является своеобразной «предпосылкой лексико-семантической системы. Тематические и лексико-семантические группы отражают реальное единство и разнообразие предметов, веществ и т.п., ... синонимы и антонимы – сходство и коренное различие соотносительных предметов, понятий, ... лексиче-

ская сочетаемость – важнейшие разновидности реалий, выступающие на уровне языка (мышления) как качественные и иные характеристики, а также действия, производимые с предметом или предметом, ... семантическое поле – сложную «картину мира», многомерную связь реалий, их сходства, различия, соположение...»⁶.

Ю.Н. Караулов в работе «Общая и русская идеография» (1976) отмечает, что поле есть особая единица языка, а не методологический прием при семантическом анализе лексики. И все его свойства, соединение в нем языковых и внеязыковых моментов связаны с функцией отражения. В частности, то, что поле является способом отражения, объясняет историко-генетическую и социальную обусловленность поля (т.е. внеязыковые моменты), с одной стороны, и изменчивость, непостоянство границ состава поля, невозможность его обратимости (т.е. языковые моменты) – с другой.

Для семантического анализа вообще и анализа семантического поля в частности первостепенное значение имеет идея системности языка. В современной лингвистике признано, что язык – это своеобразная система систем, которая состоит из частных систем – подсистем уровней. Общая системная направленность научного анализа, характерная для науки вообще и лингвистики в частности со второй половины XIX в., позволила подойти и к изучению лексики с системных позиций – в трудах Гумбольдта, И.А. Бодуэна де Куртене, Покровского, Потебни, Мейера, Ипсена, Ф. де Соссюра поднимается вопрос о необходимости изучения семантических связей между лексическими единицами. Особенно активным стало изучение лексики как системы, начиная с середины XX века. Были сформулированы основные понятия лексико-семантической системы языка, охарактеризована специфика ее организации в отличие от систем других языковых уровней (в трудах В.В. Ви-

⁶ Новиков Л.А. Указ. соч., с. 73-74.

ноградова, А.И. Смирницкого, Д.Н. Шмелева, Ю.Д. Апресяна, Н.Н. Амосовой, Л.М. Васильева, Л.А. Новикова, Э.В. Кузнецовой, А.А. Уфимцевой).

Общее понятие лексико-семантической системы было сформулировано В.В. Виноградовым: «Лексико-семантическая система ... включает в себя 1) слова и выражения; 2) словообразовательные и грамматические категории, в зависимости от которых стоят семантические группировки, смысловые отношения слов, их сочетаемость. Все элементы лексико-семантической системы внутренне спаяны, соотносительны и взаимоприспаяны. Во всех частях и звеньях лексики наличествуют внутренние закономерные связи»⁷.

Данные психолингвистических и психологических экспериментов подтверждают справедливость гипотезы о разбиении внутреннего лексикона человека на семантические поля, слова одного семантического поля имеют общий смысловой код и вместе хранятся в мозгу человека. СП оказывается своеобразной нормой отражения лексики языка в сознании человека, а значит, и тех системных связей и отношений, которые существуют между объектами, явлениями и процессами в реальной действительности и обозначаются словами-членами семантического поля. Поле является «словарной» моделью некоторого участка объективной реальности (частью общей модели представления знаний).

⁷ В.В. Виноградов. 1959, с. 4.

ПОНЯТИЕ ТЕРМИНА

Прежде всего, следует отметить, в научных текстах принято выделять 4 класса слов: 1) термины; 2) слова, являющиеся терминами лишь в отдельных значениях; 3) общенаучные слова; 4) общеупотребительные слова.

Широко известно, что теория и практика создания специальных словарей составляет объект научно-технической лексикографии. А объектом описания в специальных словарях, прежде всего, является термин. В связи с этим необходимо остановиться несколько подробнее на этом понятии.

Исследуя работы различных авторов, можно столкнуться с множеством определений данного понятия. Само слово «термин» имеет латинское происхождение — *terminus*, — что в переводе означает ‘граница, предел’. Но следует отметить то, что единого понимания слова «термин» не существует.

Так Д.Н. Ушаков дал следующее толкование слову термин: «Термин (от лат. *terminus* – предел, граница) 1. В формальной логике – понятие, выраженное словом (филос.); 2. Слово, являющееся названием строго определенного понятия // специальное слово и выражение, принятое для обозначения чего-нибудь в той или иной среде, профессии» (Ушаков, 1940; с. 689).

Что касается представителей разных дисциплин, то «термин» связывается у них, как правило, со своими особыми понятиями и представлениями, имеет неравный объем содержания и определяется по-своему. Примером вышесказанному может служить то, что лингвисты склонны считать термином заимствованное слово, так как оно выделяется на фоне родного языка как нечто чужеродное. При этом для них важнее представленность этого слова в нескольких иностранных языках, а не наличие у него дефиниции, что очень важно в понимании термина для ряда философов.

В философском энциклопедическом словаре 1983 года издания можно найти несколько разных определений термина: «Термин» 1. Имя с оттенком специального (научного) его значения, уточняемого в контексте, какой-либо теории или отрасли знания; 2. В античной философии – понятие, фиксирующее устойчивые и непреходящие аспекты реальности в противоположность разнообразным и изменчивым ее чувственным образам. В **«Логическом словаре» Н.И.Кондакова** термин определяется как слово или словосочетание, являющееся точным названием строго определенного понятия в той или иной среде, профессии.

Таким образом, можно сделать вывод, что сама терминологичность слова термин подтверждается наличием у представителей разных специальностей своего особого понятия «термин».

Из предложенного множества определений данного понятия трудно отдать какому-то одному предпочтение. Но, на мой взгляд, наиболее доступными и понятными являются следующие:

«Термин – это специальное слово (или словосочетание), принятое в профессиональной деятельности и употребляющееся в особых условиях. Термин – это словесное обозначение понятия, входящего в систему понятий определенной области профессиональных знаний. Термин – это основной понятийный элемент языка для специальных целей».

Термин – слово, обязательно соотносимое с определенной единицей соответствующей логико-понятийной системы в плане содержания. Специфика термина лежит не в плане выражения, а в плане содержания, в характере его значения. Необходимо также при работе с термином принимать во внимание его основные признаки: а) специализированный характер значения, б) принадлежность к определенной терминологической системе, в) точную соотнесенность с понятием. Следует отметить, что, с точки зрения словарника, термины бывают «чистые», имеющие только специальное значение, и «смешанные», в которых специальные значения пере-

крещиваются с неспециальными (Денисов, 1974; с. 76). Внутри своего терминологического поля термин однозначен. Однозначность термина и точность выражаемого им понятия являются особенностью, отличающей его от других слов.

Семантические особенности терминов

Современный язык предъявляет к терминам несколько требований.

- 1) термин должен удовлетворять правилам и нормам соответствующего языка;
- 2) термин должен быть систематичен;
- 3) для термина характерно свойство дефинитивности, т.е. каждый термин сопоставляется с четким отдельным определением, ориентирующим на соответствующее понятие;
- 4) термину свойственна относительная независимость от контекста;
- 5) термин должен быть точным, хотя в подязыках находятся многие «ложноориентирующие» (термин Д.С. Лотте);
- 6) термин должен быть кратким, хотя данное требование нередко вступает в противоречие с требованием точности, т.е. полноты термина;
- 7) термин должен стремиться к однозначности;
- 8) для терминологии не характерна синонимичность, мешающая взаимопониманию;
- 9) термины экспрессивно нейтральны;
- 10) термин должен быть благозвучным.

И, наконец, необходимо все время помнить о триединой основе терминов: предметное значение, логическое осмысление и языковое выражение.

Многозначным является также слово «терминология».

В настоящее время им обозначается:

- « 1) совокупность или некоторое неопределенное множество терминов-слов вообще;
- 2) совокупность терминов (понятий и названий) какой-либо определенной отрасли знания (медицинская терминология, географическая терминология);
- 3) учение об образовании, составе и функционировании терминов вообще;
- 4) учение об образовании, составе и функционировании терминов определенной отрасли знания, употребляющихся в определенном языке, и их эквивалентах в других языках;
- 5) общее терминологическое учение.

Кроме этого терминологией иногда непрофессионалы называют любые специальные слова, обычно заимствованные и не всегда понятные» (Суперанская, Подольская, Васильева, 1989; с. 14).

Отсюда можно также предположить, что терминология – это совокупность терминов, выражающих исторически сформировавшиеся понятия какой-либо области науки или техники, вообще – специальной сферы человеческих знаний или деятельности.

Говоря о терминологии, лингвисты обычно различают: а) науку о терминах (в этом отношении все более популярным становится термин «терминоведение»); б) специальную лексику в составе всех слов определенного языка; в) специальную лексику, обслуживающую отдельную отрасль науки или техники.

Критерии дефиниции термина

Для составления терминологического словаря лексикограф должен проделать огромную работу по отбору лексики. Но в процессе деятельности он должен, прежде всего, учитывать основные признаки присущие термину.

Как уже упоминалось выше термин – это слово или устойчивое словосочетание, обозначающее специальные понятия в определенной области знаний. Термин нельзя рассматривать изолированно. Он всегда является частью семантического целого, которым может быть какая-то специальная область. Но в то же время нельзя забывать о предметном значении, логическом осмыслении и языковом выражении термина.

Термины обслуживают высшую сферу общения и представлены, прежде всего, в письменной речи. Они носят номенклатурный характер, т.е. являются названиями определенных предметов и понятий, связанных с той или иной областью знаний или деятельности. Особенностью терминов является их однозначность и точность выражаемого им понятия. Но в языке известны случаи многозначности термина. Речь идет о терминах, которые присущи не только тем или иным специальным сферам науки, но и входят в более общем значении в общенациональный лексический запас. Примером может служить слово *Atmosphäre*, как физический термин оно является 1) обозначением газообразной оболочки земли, 2) единицей измерения давления. В общем употреблении это слово равнозначно понятию *окружение, среда (Umwelt)* или же *влияние (Einfluß)*.

Таким образом, можно выделить некоторые семантические особенности терминов:

- 1) систематичность;
- 2) дефинитивность, т.е. каждый термин сопоставляется с четким отдельным определением, ориентирующим на соответствующее понятие;
- 3) относительная независимость от контекста;
- 4) краткость;
- 5) однозначность;
- 6) отсутствие синонимичности;
- 9) экспрессивная нейтральность;

- 10) благозвучность;
- 11) точность;
- 12) логичность;
- 13) соотнесенность с определенной системой понятий;
- 14) отсутствие образности и эмоциональности.

Специальная лексика

Лексику любого языка можно рассматривать как систему систем, или как всеобъемлющую из ряда более мелких подсистем. Словарный состав любого языка делится на общую и специальную лексику. Истоки специальной лексики уходят в глубь веков, поскольку организованная трудовая деятельность сделала человека человеком и даже самый примитивный хозяйственный уклад требует известного разделения труда.

В отличие от общей лексики, специальная лексика не имеет всеобщего употребления и понятна лишь тем, кто занят в той же области, поскольку она принадлежит отдельным подъязыкам. Иными словами: профессиональное знание требует овладения соответствующим подъязыком, основу которого составляет специальная лексика. Таким образом, к специальной лексике относятся все лексические средства, так или иначе связанные с профессиональной деятельностью человека.

Следует отметить и то, что у слов специальной лексики преобладают либо понятийные (термины), либо это могут быть предметные связи (имена собственные).

Что касается лексикографического описания, то целесообразно различать три принципиально различных случая в так называемой специальной лексике. «Во-первых, в нее входят слова какой-либо конкретной специальной области знания или деятельности человека, обозначающие понятия,

известные широкому кругу людей; во-вторых, слова, обозначающие понятия из данной специальной области, неизвестные широким массам носителей данного языка; в-третьих, слова, обозначающие понятия, известные широкому кругу лиц, но имеющие среди неспециалистов, в быту, иное наименование. Естественно, что к этим трем группам лексики специальных областей науки и техники должен быть различный подход» (Берков, 1973; с. 62).

Очевидным является, что вопрос о степени охвата специальной лексики обычными, в том числе и переводными, словарями относится к числу труднейших проблем практической лексикографии. Трудность состоит в том, что составитель словника руководствуется хотя и совершенно правильным, но общим принципом — включать в словарь только общеупотребительную терминологию, избегая слов узкоспециальных. Это выражается с одной стороны, в том, что одни авторы включают в словники своих словарей термины, представляющиеся им важными, поскольку они обладают познаниями в данной специальной области, тогда как другие авторы, такими познаниями не обладающие, эти термины не включают.

Сходства и различия терминов и профессионализмов

Общепринято, что специальная лексика, кроме терминов, включает и профессионализмы. В том, что и те, и другие входят в состав специальной лексики, заключается их сходство, но одновременно это создает трудности для их точного разграничения. Особенно сложной является попытка размежевания понятий «профессиональная лексика» и «терминология». Более того, одни лингвисты ставят знак равенства между ними, другие считают их полностью различными, а третьи говорят об их некоторых общих чертах. Принято считать, что профессионализмы обозначают специальные понятия, орудия или продукты труда, производственные процессы и поэтому их называют также терминами. С этим можно согласиться, если

учесть то, что «общими чертами для терминологии и профессиональной лексики являются специализация значения и образования на данной основе специфических лексико-семантических систем, ограничения количества пользователей данной лексикой и сфер употребления».

Следует также подчеркнуть, что профессиональная лексика, в отличие от терминологии, характеризуется наличием в ней образности. Это связано с тем, что перенос наименования является одним из основных средств образования профессиональной лексики.

Подводя итог вышесказанному, необходимо отметить, что эти различия неодинаково представлены в разных подъязыках. Причем соотношение терминов и профессионализмов, в первую очередь, зависит от специфики самого языка⁸.

Метаязык

Метаязык (греч. meta – через, после) – язык «второго порядка», по отношению к которому естественный человеческий язык выступает как объект, то есть как предмет языковедческого исследования. Термин «метаязык» первоначально возник в математике и логике в значении: формализованный язык, средствами которого исследуются свойства соответствующих предметных (или объектных) теорий, разграничиваются уровни самих описываемых объектов и n-й уровень их описания. Метаязык является предметом изучения металингвистики (науки о языках «второго порядка»).

Метаязык в значительной своей части строится на основе тех же единиц, что и язык-объект, то есть имеет с ним единую (тождественную) субстанцию, является «консубстанциональным» с языком-объектом (хотя известны и случаи формализации метаязыка, например «семантический ме-

⁸ http://konata.h1.ru/Diplom2.htm#O1_2

таязык»). Таким образом, будучи языком описания естественного языка, метаязык одновременно выступает и как часть естественного языка. Единство материальной природы метаязыка языкознания и языка-объекта не означает их неразличения. Изучение того или иного естественного языка в историко-генетическом или структурно-системном плане составляет предмет науки о языке, создание же метаязыковой системы – инвентаризация терминов (понятий и номенклатур) является завершающим этапом языковедческого исследования.

Метаязык представляет собой сложное явление, в основе которого, с одной стороны, лежат системные отношения между терминами, с другой – общенаучная лексика, то есть те слова и словосочетания, которые используются при описании различных аспектов языковедческого исследования. Метаязык как средство научного общения используется и реально существует в соответствующей метаречи. Взаимодействие метаязыка и метаречи находит отражение в принципах построения лексикографических пособий, когда в словарные статьи включаются отрывки (или сегменты) метаречи, иллюстрирующие употребление того или иного термина.

Системы понятий, закрепленные в соответствии метаязыку, обнаруживают определенную методологическую ориентацию, то есть оказываются методологически обусловленными. При рассмотрении научных дефиниций могут быть выявлены различия в трактовке, казалось бы, одного и того же термина, который по-разному осмысливается в соответствии с философскими (методологическими) основами данного направления исследования. Например, фонема – «кратчайшая единица системы выражения звукового языка, способная различать звуковые оболочки слов и морфем» (московская фонологическая школа); «пучок дифференциальных признаков» (пражская фонологическая школа); «семья звуков» (английская фонетическая традиция); «точка пересечения сети функций» (глоссематика)

и т.п. Однако выявлено, что таких различий в трактовке одного и того же термина не существует.

Терминология (от *термин* и греч. *logos* – слово, учение) – совокупность слов и словосочетаний, употребляющихся в языкознании для выражения специальных понятий и для называния типичных объектов данной научной области. Будучи составной частью метаязыка, терминология представляет особую сложность для изучения вследствие того, что язык-объект и метаязык полностью совпадают в плане выражения, внешне являются одним и тем же языком. Любая терминология включает в себя:

- 1) собственно термины, то есть те слова, которые либо вообще не употребляются в языке-объекте, либо приобретают, будучи заимствованными из языка-объекта, особое значение;
- 2) своеобразные сочетания слов и их эквивалентов, приводящие к образованию составных терминов, входящих в терминологию на одинаковых правах с цельнооформленными единицами.

ЮРИДИЧЕСКАЯ ТЕРМИНОЛОГИЯ

Терминология любой научной области – это не просто список терминов, а семиологическая система, то есть выражение определенной системы понятий, в свою очередь отражающей определенное научное мировоззрение. Возникновение терминологии вообще возможно лишь тогда, когда наука достигает достаточно высокой степени развития, то есть термин возникает тогда, когда данное понятие настолько развилось и оформилось, что ему можно присвоить совершенно определенное научное выражение. Не случайно важнейшим средством ограничения термина от не термина является проверка на дефинитивность, то есть решение вопроса, поддается ли термин строгому научному определению. Термин является частью тер-

минологической системы, только если к нему применима классифицирующая дефиниция через ближайший род и видовое отличие.

Терминология как семиологическая система складывается на протяжении всей истории любой науки (в частности географии). При этом мета-язык лингвистики, например, всегда закреплен за данной национальной языковой системой. Строго говоря, существует не одна терминология лингвистическая, а большое число терминологических систем для языковедения, которые в разных языках имеют свой план выражения, неотделимый от плана выражения данного языка. По этому закономерности, которые имеются в человеческом языке вообще, представлены и в любой исторически сложившейся системе терминологии лингвистической. Отсутствие взаимнооднозначного соответствия между планом выражения и планом содержания, являющееся причиной существования в естественном языке как синонимии, так и полисемии, в терминологических системах порождает существование, с одной стороны, дублетов, триблетов и т.п., то есть двух, трех и более терминов, по существу соотносимых с одним и тем же референтом, с другой – многозначность терминов, когда один и тот же термин имеет не одну научную дефиницию, а несколько. В этом выражается противоречивость не только термина, но и слова. «Словарь лингвистических терминов» О.С. Ахмановой приводит 23 «синонима» к термину «фразеологическая единица», зарегистрированных в научном употреблении русских языковедов к 60-м годам XX века, 6 «синонимов» к термину «предложение» и т. д. Многозначность терминов, например, «речь» (три значения), «форма» (пять значений), «фраза» (четыре значения), отраженная тем же словарем, наглядно показывает не столько наличие разных понятий, названных одним термином, сколько разные подходы, разные аспекты изучения одного и того же языкового объекта. Мы пытались найти

многозначные термины в географии, но не обнаружили таковых, хотя не можем категорично утверждать, что таковых не существует.

Нужно отметить, на наш взгляд, и то, что терминология может быть описана в различных аспектах (синхронном и историческом), может быть классифицирована по различным основаниям. Так, выделяются универсальные термины, обозначающие общие категории, которые обнаруживаются во всех языках мира (подлежащее, сказуемое, предложение, тема, рема, темпоральность), и уникальные, обозначающие явления, специфические для какого-либо языка или группы языков (сравните термин *порода* для семитских языков). К универсальным терминам примыкают общенаучные термины, принадлежащие к определенной авторской концепции и не выходящие за ее пределы (например, *кинема* и *акусема* у И.А. Бордуэна де Куртенэ).

По своей внутренней форме термины делятся на мотивированные, где налицо семантическая и структурная соотнесенность составляющих его морфем с морфемами данного языка (*прирост населения, мировое хозяйство*), и немотивированные, к числу последних, помимо заимствований, относят также кальки, составляющие, в частности, основу русской грамматической терминологии. Эти термины, будучи буквальным переводом соответствующих греческих и латинских терминов, стали полностью немотивированными (*иерархия, демография*).

По генетическому признаку в составе русской лингвистической терминологии выделяются термины исконно русские (языкознание, буква, ударение), заимствования (ауслаут, пиджин, сандхи, анаколуор) и созданные на базе греко-латинских терминоэлементов (микросоциоллингвистика, инессив, зооним, интонема).

По составу различают *однословные* (монологемные) *термины* (*адаптация, транзит, шельф*) и *термины-словосочетания* (полилексемные) (*биотические условия, валовая продукция, геохимические условия*), число которых в русской терминологии составляет около 60% (сравните члены предложения, несогласованное определение, основной вид фонемы). От последних следует отличать *сложение терминов* – сочетание двух и более самостоятельных терминов, ср. *монофтонгизация* // восходящего дифтонга, прототипические свойства // подлежащего, компонентный анализ // лексического значения слова. Среди способов образования однословных терминов в составе терминологии лингвистической выделяются: *семантический* – терминологизация слова общеупотребительного языка, часто с метафорическим переносом, сравните *поле, гнездо* (слов), *дерево* (зависимостей); сюда же примыкает перенос терминов из других наук, с полным или частичным их переосмыслением (сравните дифференциал и интеграл у А.А. Реформатского); *словообразовательный*: суффиксация (вариантность, вариативность, контекстуализация), префиксация (подтекст, наддиалект), основосложение (звукотип, грузонапряженность, мегаполис). Особую роль в образовании терминов играют греко-латинские элементы, комбинационные возможности которых практически неограничены. При этом морфемный статус данных элементов не всегда поддается четкому определению, сравните *фон – ема, алло – фон, мор(фо) – фонология*. Различные направления предпочитают различные принципы образования терминов.

Терминология любой науки – открытая система; происходит постоянное наполнение ее новыми элементами при угасании или полном исчезновении других элементов. В силу общей специфики гуманитарного знания терминология не может быть стандартизирована. Она может быть лишь систематизирована и унифицирована. Этим целям служат *словари терми-*

нов – разновидность отраслевых терминологических словарей, куда входят словники (алфавитные списки терминов без дефиниций), толковые и энциклопедические словари а также тезаурусы – словари, фиксирующие семантические связи терминов.

Жизнеспособность той или иной терминологической системы определяется, в первую очередь, ее упорядоченностью и последовательностью соотношения содержания и выражения. Терминологическая система, отвечающая этим требованиям, может пережить научное направление, ее породившее, и войти в современный метаязык данной науки⁹.

Становление теории термина шло довольно непростым путем. В формировании терминологических понятий и категорий основной проблемой была проблема однозначности термина. В результате дискуссий ключевыми терминологическими категориями стали:

- однозначность термина,
- стилистическая нейтральность,
- независимость от контекста,
- краткость термина,
- отсутствие синонимов,
- дефинитивность термина,
- различение терминологии и номенклатуры и пр.

Основные свойства термина реализуются только внутри терминологического поля, за пределами которого термин теряет свои дефинитивные и системные характеристики – детерминологизируется (ср. «цепная реакция» как образное выражение в общелитературном языке). Процессы детерминологизации (переход термина в общеупотреб-

⁹ http://cnit.ssau.ru/iatp/work/budileva/glava_2_1.htm

тельную лексику) и терминологизации (переход общеупотребительного слова в термин, например, «окончание») свидетельствуют о взаимопроникновении терминологичной и нетерминологичной лексики. Наряду с терминологизацией, в основе которой часто лежит метафора, к способам создания терминов относится ретерминологизация – перенос готового термина из одной дисциплины в другую с полным или частичным переосмыслением (ср. «дифференциал» (математический термин) и «дифференциал» (лингвистический термин)). Термины могут заимствоваться из другого языка (сюда же относится калькирование), а также создаваться из морфемного инвентаря собственного языка или интернациональных элементов.

Терминология любой научной области, и юриспруденции, в том числе, – это не просто список терминов, а семиологическая система, т. е. выражение определенной системы понятий, в свою очередь отражающей определенное научное мировоззрение. Возникновение терминологии возможно лишь тогда, когда наука достигает достаточно высокой степени развития, т.е. термин возникает тогда, когда данное понятие настолько развилось и оформилось, что ему можно присвоить совершенно определенное научное выражение. Не случайно важнейшим средством отграничения термина от нетермина является проверка его на **дефинитивность**, т.е. решение вопроса, поддается ли термин строгому научному определению. Термин является частью терминологической системы, только если к нему применима классифицирующая дефиниция *per genus proximum et differentiam specificam* (через ближайший род и видовое отличие).

Отсутствие взаимоднозначного соответствия между планом выражения и планом содержания, являющееся причиной существования в естественном языке как синонимии, так и полисемии, в терминологических системах порождает существование, с одной стороны, дуплетов,

триплетов и т.п., то есть двух, трех и более терминов, по существу соотносимых одним и тем же референтом, с другой – многозначность терминов, когда один и тот же термин имеет не одну научную дефиницию, а несколько. В этом выражается противоречивость не только термина, но и слова.

Поскольку система терминологии является открытой системой, постоянно пополняющейся в силу необходимости отражения новых замеченных свойств и сторон объекта новыми монолексемными и полилексемными терминами, при моделировании этой системы желательно оказывать предпочтение мотивированным терминам, имеющим прозрачную смысловую структуру.

К основным результатам филологического исследования терминологии (работы А.И. Ефимова, Д.С. Лихачева, Л.А. Капанадзе) можно отнести вывод о том, что термин – это **слово профессиональной речи**, слово, имеющее тесное взаимодействие со словами общелитературного языка. Особенности терминологии как компонента языка науки и техники отмечались в работах Л.В. Успенского, В.М. Жирмунского, Г.В. Степанова, Р.А. Будагова.

Системность терминологии проявляется в выделении базовых терминов, выражающих родовые понятия, и дифференцирующих терминов, выражающих видовые понятия.

Качественная специфика терминологической лексики, охарактеризованной А.А. Реформатским как лексики «сфер интеллектуально организованной социальной действительности» как специальных слов и словосочетаний всегда была объектом лингвистического исследования. Однако значительно менее изученной остается содержательная, понятийная сторона терминологии – то, что делает те или иные единицы собственно терминами.

В рамках настоящего курса исследуются юридические термины в их сопоставлении со словами общеупотребительного языка, выявлены основные дифференциальные признаки, различающие юридическое и филологическое толкование слов, а также предлагаются некоторые пути совершенствования как правовых дефиниций, так и статей толковых словарей русского языка.

В этой связи нельзя не отметить существующие исследования юридической терминологии, проведенные Т.М. Балыхиной¹⁰, рассматривающей формальные стороны юридических терминов, т.е. определение соответствующих тематических групп, рассмотрение генетических источников формирования юридической терминологии. Также Т.М. Балыхина анализирует словообразовательную структуру и структурно-грамматическую организацию юридической терминологии для выявления основных и продуктивных средств терминологической номинации. Т.М. Балыхина впервые провела исследование семантической, структурно-грамматической и функциональной специфики терминологических словосочетаний. Русские юридические терминологические словосочетания были впервые специально изучены, став объектом комплексного функционального и структурно-семантического исследования.

Были установлены экстралингвистические и лингвистические основания терминологической полисемии, синонимии, антонимии в языке юридической литературы. Безусловно, важным является наблюдение о системности юридической терминологии, т.е. внутренней согласованности, обусловленной логикой самого права. Юридические термины составляют сложную органическую систему, находятся между собой в разнообразных связях. Есть между ними связи согласования (*преступление, административное правонарушение, дисциплинарный поступок*),

¹⁰Терминологические словосочетания в языке юридической литературы. Дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01 / Балыхина Т.М. - М., 1982. - 235 с.

субординации (*сделка* как родовое понятие и конкретные виды сделок), также актуальна идея о взаимозависимости терминов, которая заключается в том, что из одного, представляющего собой гнездовое слово, образуются устойчивые сочетания, отражающие близкие понятия. Например, посредством термина *право* образуются такие словосочетания-термины, как *правоотношение, правосознание, правонарушение, правомочие* и др. От термина *иск* происходят связанные с ним термины *истец, исковое производство, исковая давность, исковое заявление* и др. В законодательстве широко применяются термины, обозначающие общие понятия и более конкретные, которые берут за основу общий термин, но добавляют к нему какой-либо квалифицирующий признак (например, *купля–продажа – купля–продажа строения; пенсия – пенсия по старости*).

Отмечается, что присущи законодательству термины, образованные из нескольких самостоятельных слов (*судоустройство, отказополучатель* и т.д.).

Специальные юридические термины часто заимствуются из римского права или из иных развитых правовых систем (*акцент, виндикация, контрабанда* и т.д.). Но в основном они образуются из корней отечественного языка (*преступление, дознание, суд, закон*).

Иной подход к изучению языка закона демонстрирует А.С. Пиголкин¹¹, обращая особое внимание на стилистический и структурный аспекты юридической терминологии.

Например, проводится классификация терминологии, используемой в законодательстве, по вертикальному и горизонтальному принципам. На вершине вертикальной терминологии будет терминология, за-

¹¹ Язык закона / Под ред. А.С.Пиголкина. Москва, 1990.

крепленная в Конституции, Основах законодательства. В сущности, это есть общеправовая терминология, которая системно объединяет термины, так или иначе функционирующие во всех отраслях законодательства, выражая и обозначая понятия широкого обобщенного значения.

Горизонтальная терминология охватывает различные виды межотраслевой и отраслевой терминологии. Межотраслевая терминология – это терминология, используемая в нескольких отраслях законодательства (материальная ответственность, значительный ущерб, проступок и т.д.). Как показали исследования, проводившиеся в НЦПИ по выявлению смыслового пересчета терминов во всей совокупности актов общесоюзного законодательства, одним из важных проявлений системности действующего законодательства является наличие в его актах различных отраслей в основном межотраслевой терминологии и сравнительно небольшого количества терминов сугубо отраслевых, не пересекающихся с терминологией иных отраслей.

Также термины классифицируются по наличию дефиниций. Имеются термины, дефинированные и не дефинированные в законе. Различаются термины: 1) общеупотребимые, 2) общеупотребимые, имеющие в нормативном акте более узкое, специальное значение, 3) сугубо юридические, 4) технические (уже в дореволюционном правоведении различали термины обыденные, технические и искусственные (специально созданные законодателем¹²).

Общеупотребимые термины характеризуются как обычные, широко распространенные наименования предметов, качеств, признаков, действий, явлений, которые в одинаковой мере используются в бытовой речи, в художественной и научной литературе, в деловых документах, в законодательстве. Такие термины просты, общепонятны. В зако-

¹² см.: Люблинский П.И. Техника, толкование и казуистика уголовного кодекса. – П., 1917. – С. 12.

нодательстве они используются в общепринятом значении и никакого специального смысла в себе не содержат (*находка, массовые отравления* и т.д.).

Также выделяются термины точного значения и термины, выражающие оценочные понятия. Смысл первых полностью зависит от закона и определяется им. Фактические обстоятельства рассматриваемого дела не их содержание не влияют (пенсия, развод, выселение, безбилетный проезд и др.). Обозначая то или иное понятие, они отражают объективные связи действительности, и роль органа, применяющего нормы права с такими терминами, сводится к тому, чтобы уяснить их содержание, констатировать соответствие признаков обозначаемых ими понятий и определенного факта, события.

В качестве одной из проблем юридической терминологии А.С. Пиголкин выделяет синонимию и омонимию. Синонимы предполагают одно и то же либо близкие понятия, которые обозначаются разными терминами; омонимы, наоборот, имеют в виду разные понятия, словесно описываемые одинаково. В языке законодательства (как, впрочем, и в других языках специального назначения) проблемы синонимии и омонимии тесно переплетаются друг с другом. А.А. Ушаков отмечает, что в борьбе за смысловую законодательную точность не надо бояться повторений одних и тех же слов, однообразности и известной сухости, нетерпимой в области художественного творчества, что главное в языке законодателя – это точность. Достигнуть единства употребления словарных ресурсов во всех звеньях законодательства – дело довольно трудное. Но именно это и должно быть той сверхзадачей, считает А.А. Ушаков, к решению которой должен стремиться законодатель¹³.

¹³ Ушаков А.А. Очерки советской законодательной стилистики. – Пермь, 1967. – С. 171.

А.С. Пиголкин делает вывод о двояком подходе к синонимии в языке законодательства: 1) при подготовке, толковании, применении правовых актов синонимы должны совпадать полностью по содержанию и не могут иметь смысловых или каких-либо других оттенков; 2) при составлении тезауруса, вводе нормативных предписаний в банк данных ЭВМ, объединении слов в гнезда для улучшения поиска информации (впредь до обеспечения единообразного использования терминов в законодательстве) допустимо временное отступление от категорических требований эквивалентности синонимов.

С омонимией происходит нечто аналогичное синонимии: принцип равенства слов и значений превратил бы язык в неподвижное устройство, лишенное способности передавать движение от конкретного к абстрактному, от буквального к фигуральному, от частного к общему. Действительное для языка вообще, особенно литературного, это рассуждение не годится для языка правовых актов, где бесконечное многообразие мыслей и чувств людей должно быть сведено к минимуму.

Речь идет не об оттенках и нюансах, а о принципиально разных понятиях, выражаемых внешне одинаковым словом: *отвод участка* – не *отвод следователя, прокурора, судьи*; *отпуск древесины на корню* – не *отпуск по беременности и родам*; *дача показаний* – не *дача*, т.е. дом за городом; *группа риска* – не *группа крови*; *собрание действующего законодательства* – не *собрание избирателей*. В большинстве случаев неравнозначность одинаково звучащих слов в терминах показывается с помощью дополнений и прилагательных. Проблемы омонимии могут приобретать при формулировании законодательных норм неожиданный характер, имеющий значение для правоприменения (см. о слове *государство* в соответствующем разделе).

Юридическая терминология стала одной из самых важных областей, которая испытывает влияние социальных изменений в обществе,

многие правовые понятия, сложившиеся в последние десятилетия (*народная дружина, товарищеский суд*) устаревают, многие приобретают новый дополнительный оттенок (*фонд, налог*), появляются новые понятия, чаще всего иностранные заимствования (*лизинг, грант*).

Давно назрела потребность в упорядочивании, унификации и разъяснении правовых терминов и терминологических сочетаний, особенно тех, которые:

- 1) не различаются с общеупотребительными значениями слов,
- 2) имеют высокую частотность и социальную значимость.

СЕМАНТИЧЕСКАЯ КЛАССИФИКАЦИЯ ЮРИДИЧЕСКОЙ ТЕРМИНОЛОГИИ

Русские общеупотребительные слова и юридические термины, касающиеся понятия «власть»

Одним из центральных понятий юридического тезауруса является то, которое связано со словом *государство*. Юридический словарь указывает, что это слово имеет разные значения в теории права, в конституционном праве и в международном праве. В последнем оно обозначает основного участника международных отношений. Именно в международном праве отмечается, что *государство* включает в себя «государственную политическую организацию власти и население, которым принадлежит определенная территория». Иными словами, важнейшими составляющими для государства являются: 1) население, 2) территория, 3) власть. Причем семантически доминирующим является «власть», а «население» и «территория» представляют собой те объекты, на которые эта власть распространяется. Существенно, что в определении нет четкого указания на субъект власти.

Именно с точки зрения субъекта власти понимается *государство* в конституционном праве, где оно определяется как «совокупность официальных органов власти (правительство, парламент, суды и пр.), действующих в масштабе страны или субъекта федерации, либо пользующиеся законодательной автономией территориального сообщества». Иначе говоря, конституционное право определяет *государство* тоже как власть над территорией и населением, которые определяют ее масштаб, однако акцентирует при этом не столько объекты и масштаб власти, сколько ее субъект, причем не доводит его до уровня конкретных лиц, а сводит его к тем органам, в которых работают люди.

Наиболее полно определяется *государство* в теории права, где оно понимается как «... способ организации общества,..... распространяющийся на все общество, ... опирающийся и на меры принуждения ... и имеющий специальные органы для реализации своих полномочий – механизм государства, его аппарат».

Таким образом, и здесь идет речь 1) о власти («организация общества» и «меры принуждения»), 2) о ее масштабе и объекте («все общество», ср. выше «территория и население») и 3) ее субъекте и механизмах («органы» и «аппарат»). При этом в последнем пункте упоминаются не просто органы, но *аппарат*, что является уточнением по сравнению со специально ориентированным на субъект определением, представленным в конституционном праве.

Разумеется, несколько различный смысл, стоящий за словом *государство* в конкретных разделах юриспруденции, едва ли позволяет считать слово *государство* термином в строгом значении этого слова. Составляющие это слово семантические компоненты, организуемые синтаксически в «носитель власти, распространяющийся на все население и всю соответствующую территорию» весьма специфично трансформируется в производном прилагательном *государственный*, являющемся составной частью многих словосочетаний, претендующих на роль юридических терминов. При этом речь идет не о появлении у относительного прилагательного *государственный* новых смысловых компонентов в зависимости от семантической принадлежности определяемых им существительных. Ср., например, *государственная собственность* (казна, предприятие) – «собственность (казна, предприятие), принадлежащая...»; *государственная награда* (премия, долговые обязательства, ценные бумаги) – «награда (премия, долговые обязательства, ценные бумаги), выдаваемая...»; *государственное регулирование цен* (научно-техническая политика, пенсионное страхование, ветеринарный

надзор) – регулирование (научно-техническая политика, пенсионное страхование, ветеринарный надзор), осуществляемое ...» и т.п.

Гораздо существеннее то неразличение действия и субъекта действия, которое представлено во всех обсуждавшихся случаях толкования слова *государство*.

В самом деле, в слове *государство* последовательно не различаются «люди», исполняющие (или «призванные исполнять» с различением модальности «хорошо или плохо», с учетом возможной оценки) функцию власти по отношению к населению и территории, задающим масштаб этой власти, и «функции такой власти» без указания на ее исполнителей. Сравни четкое разграничение подобных значений в *больной* и *болезнь*, *врач* и *лечение*, *работник* и *работа*, *игрок* и *игра* и многие другие и их не различение в *замена* (*замена* кадров и *найти замену*), *защита* (*защита* обвиняемого и свидетели *защиты*), *конвой* (*конвой* устал – идти под *конвоем*), а также *руководство*, *охрана*, *погоня* и многие другие¹⁴.

На основе обсуждаемого неразграничения становятся более ясными, с одной стороны, слова Людовика XIV «*Государство – это я*», а с другой сравнение государства с машиной, слепой и бесчеловечной, встречающееся часто в произведениях Л. Толстого. В словосочетаниях *государственный аппарат*, *государственная служба*, *государственная должность*, *государственный служащий* прилагательное *государственный* заведомо образовано от существительного, обозначающего не функцию власти, но принадлежность к лицам, осуществляющим такую власть.

Существенно, что толковые словари русского языка выделяют у слова *государство* лишь два значения: 1) «политическая организация

¹⁴ См. об этом типе многозначности подробнее: Апресян Ю.Д. Лексическая семантика. Синонимические средства языка. // Апресян Ю.Д. Избранные труды. – М., 1995. – Т.1. – С. 192–203.

общества» и 2) «страна, находящаяся под управлением политической организации», оставляя неотмеченными значения, связанные с людьми, осуществляющими такую власть. Частично эта неясность устраняется за счет слова *правительство*, трактуемого и в юриспруденции, и в лингвистике как «высший исполнительный орган государства». При этом, однако, остается не совсем ясным, как назвать все те органы государственной власти и лиц, ее осуществляющих, принадлежащих к иным органам государственной власти, кроме исполнительной: *депутат – Государственная Дума, Городская Дума (в Москве), Законодательное Собрание (в Санкт-Петербурге), судья – Конституционный суд, Верховный суд, Арбитражный суд* и т.п.

Почти сакральный, отрешенный от конкретных людей, характер слова *государство* и в юриспруденции, и в лингвистике контрастирует со словом *администрация*, обозначающем у юристов 1) «деятельность государства (! – Д.М.) по управлению» и 2) «в РФ наиболее распространенное название органов (! – Д.М.) на уровне края, области, автономной области, автономного округа, района, города». Таким образом, в *администрации* в отличие от *государства* оказывается размытой семантическая составляющая «масштаб» и чуть более ясно акцентированы семантические составляющие, связанные с властными функциями и людьми, их осуществляющими.

Итак, обладателями властных полномочий выступают *государство, правительство, администрация*, хотя терминологически они отнюдь не точно выражают дополнительные характеристики власти – ее масштаб, субъект или объект, потенциальные или реализуемые возможности, организация это или физическое лицо и т.п. Заметим, что само слово *власть*, разумеется, представленное в толковых словарях, в юридических отсутствует. В последних, видимо, по умолчанию, его синонимом (или квази-синонимом) является слово *право*. Такое расхожде-

ние между юридическим тезаурусом (или способом его организации) и тезаурусом современного русского литературного языка заслуживает того, чтобы быть отмеченным.

По-видимому, язык, различая *право* как «моральную возможность требовать» и *власть* как «физическую возможность иметь» (не всегда обоснованную морально!), более точно отражает положение дел в реальной жизни, чем юриспруденция с ее исключительным вниманием к праву.

В Большом юридическом словаре *право* выступает как носитель нескольких значений. В первом – это «система общеобязательных социальных норм, охраняемых силой государственного принуждения, обеспечивающего юридическую регламентацию общественных отношений в масштабе всего общества». И далее – «это определение права (в объективном смысле) следует отличать от юридического права в субъективном смысле». В свою очередь, юридическое *право* (в субъективном смысле!) – «это определенная законом мера возможного поведения участника данного (конкретного) правоотношения – участника этого права».

Во втором значении *право* – «это императив, стоящий над государством и законом, защищающий справедливый порядок государства как формы организации общества». И в третьем – *право* определяется как «совокупность социальных регуляторов, которая может быть облечена в соответствующую законодательную форму, а может быть и не облечена в нее. Коллизия между правом и писанным законом разрешается через Конституцию. Нормы главы 1 Конституции РФ выступают высшей формой писаного закона и посредником между императивом права и писанным законом».

С точки зрения филологической эти определения могут быть несомненно улучшены. Однако прежде всего нельзя не пожалеть, что столь

фундаментальные для юриспруденции понятия не получают в ней однозначного терминологического выражения. Итак, из приведенных определений следует, что необходимо различать, с одной стороны, некий высший императив, определяющий нормы, правила и границы поведения людей в обществе, некий высший закон, опирающийся на Истину, Добродетель, Справедливость и т.п. с большой буквы (второе значение) и писанные законы, т.е., по-видимому, прежде всего юридическое право в субъективном смысле (вторая часть первого значения). С другой стороны, существуют нормы, правила и границы поведения людей в обществе, «охраняемые силой государственного принуждения (первая часть первого значения) и просто представляющие собой «совокупность социальных регуляторов». Что конкретно подразумевается под этой совокупностью социальных регуляторов? (Совесть? Чувство долга? Патриотизм? Порядочность? Страх? Невежество? Общественное мнение? Религиозные догмы?) остается совсем не ясным, однако ясно, что существуют и такие «социальные регуляторы», которые могут и не «охраняться силой государственного принуждения», т.е. не влекут за собой таких неприятных последствий, как арест, тюрьма, штраф, различные другие виды ограничений и лишений.

Отметим более частные неудачи обсуждаемых юридических определений *права*.

В первом значении отмечается, что речь идет о феноменах в «масштабе всего общества». В двух других – о масштабе не говорится ничего, хотя, как можно предполагать, он во всех трех случаях неизменен. Видимо, следовало бы стремиться к единообразию, либо сохраняя упоминание о масштабе всюду, либо отказываясь от него и в первом значении, полагая само собой разумеющимся.

По-разному обозначается в обсуждаемых понятиях и само существо явления. Это и «общеобязательные социальные нормы», и «регла-

ментация общественных отношений» (в одном и том же предложении), и «поведение», и «справедливый порядок государства как формы организации общества», и «совокупность социальных регуляторов». Видимо, речь должна идти о «нормах, правилах и границах поведения людей в обществе».

Нельзя не отметить также, что во втором значении (императив) говорится о «стоящем над государством» «справедливом порядке государства». Видимо, в первом случае под государством следует понимать «круг лиц», а во втором – «общественное устройство» (см. выше о слове *государство*).

Итак, материал юридического словаря позволяет говорить, что *право*, т.е. «нормы, правила и границы поведения людей в обществе» могут определяться как высшими нравственными понятиями, так и писаными законами, эти «нормы, правила и границы поведения людей в обществе» могут как гарантироваться властными силами, принадлежащими государству (см. выше о *государстве*), так и не гарантироваться ими, оставаясь, таким образом, как бы рекомендациями к нормам, правилам и границам поведения людей в обществе, соблюдение или не соблюдение которых остается за самими этими людьми. Не забудем еще разграничения так называемого объективного и субъективного права, хорошо понятного лингвистам, привыкшим всегда различать конкретный и эмический уровень языковых единиц (звук–фонема, морф–морфема и т.п.).

Таким образом, в самом юридическом тезаурусе оказывается заложенным неразличение норм высших и законов писаных. В русской традиции предпочтение всегда отдавалось первым: от городничего Серапиона Мардарьича Градобоева в «Горячем сердце» А.Н. Островского, размышлявшего, судить ему «по закону или по душе» до «революционной целесообразности», хотя живуче и представление о том, что «не

пойман – не вор», превратившееся в последние годы в «не пойман, но вор».

Получает отражение в юридическом тезаурусе и представление о двух типах прав, гарантированных и негарантированных. Очевидно, что в случае правоотношения между государством и отдельным человеком гарантированными выступают права государства, а негарантированными – права человека. (Вспомним хотя бы права вкладчиков или порядок начисления так называемых государственных пенсий.)

Рассмотрение слова *право* как многозначного слова современного русского литературного языка показывает, что под ним понимается «возможность действовать, поступать каким-либо образом», либо «устанавливаемая и охраняемая государственной властью», либо без такой оговорки, либо «охраняемая государством» либо без такой оговорки. В связи с этой привативной оппозицией между значением слова по двум параметрам, «установленность» и «охраняемость» становятся абсолютно ясными появляющиеся в ромбовой части *телефонное право* и *по праву сильного*.

В свете сказанного становится многое понятным и в русских афоризмах типа «*А Васька слушает да ест*», или в анекдоте: «*Имею ли я право?*» – «*Да, имеете*». «*Могу ли я?*» – «*Нет, не можете*».

Другим ключевым словом, входящим в концепт «власть» и тесно связанным с *правом* является слово *закон*, также по-разному представленное в юридических словарях и в толковых словарях современного русского языка.

В «Юридическом словаре» *закон* может претендовать на терминологичность, поскольку имеет лишь одно значение «юридический акт, принятый высшим представительным органом государственной власти либо непосредственным волеизъявлением населения (референдум) и

регулирующий, как правило, наиболее важные общественные отношения».

Этому единственному в юриспруденции значению соответствует одно из нескольких значений толкового словаря «постановление государственной власти, нормативный акт, принятый государственной властью, общеобязательные правила». Именно другие значения этого многозначного русского слова позволяет яснее понять, какими именно свойствами обладает *закон* как юридический термин в отличие от других «правил и зависимостей», называемых по-русски словом *закон*. В качестве других значений этого слова выделяется «не зависящая ни от чьей воли, объективно наличествующая непреложность, заданность, сложившаяся в процессе существования данного явления, его связей и отношений с окружающим миром». Именно в таком значении слово *закон* выступает в словосочетаниях *законы природы, законы движения планет, законы общественного развития, законы рынка*. Иными словами, существуют законы, независимые от воли и желания людей, и при этом они либо очевидны (смертность живых организмов, смена времен года или дня и ночи, например), либо для их обнаружения требуются мощные интеллектуальные усилия людей (законы движения планет, закон Ома, закон Менделя и др.). Очевидно, что *закон* как юридический термин по таким свойствам вовсе никак не охарактеризован: относясь к жизни общества, может опираться на традиции «сложившиеся в процессе существования данного явления» (см. выше), а может и игнорировать их, он может отражать ту «объективно наличествующую непреложность, заданность», которая существует в жизни людей, в их отношении друг к другу, труду, природе, нравственным ценностям и т.п., а может и не учитывать их. Иными словами, *закон* в юридическом смысле никем не определен с точки зрения его большего или

меньшего соответствия знанию об объективных законах того общества, которому он адресован.

Иными словами, юриспруденция допускает, что *закон* как юридический акт может совершенствовать отношения в обществе, опираясь на его более или менее консолидированную поддержку, а может иметь и антиобщественный характер (изъятие церковных ценностей в 20–30-е годы, выселение целых народов в 40-е годы, антиалкогольные законы 80-х годов, например). Определение *закона* как юридического акта не ставит никаких требований к его качеству, коренным образом отличаясь от законов науки, где соответствие действительности является главным и единственным критерием того, имеем ли мы дело с законом или с заблуждением, более или менее честным, более или менее далеким от истины.

Толковые словари русского языка выделяют у слова *закон* еще два значения: «общеобязательное непреложное правило» и «общее название основных принципов и идей религиозного вероучения». Очевидно, что оба эти значения полностью коррелируют с тем значением слова *право*, которое в юридическом смысле толкуется как «императив, ... защищающий справедливый порядок...». Получается, что юридический тезаурус, допуская Высшее начало в связи с *правом*, недвусмысленно отказывает в какой-либо причастности к такому началу слова *закон*, что, с одной стороны, логично, поскольку речь идет именно о писаных законах (см. выше), а с другой – странно, поскольку допускает полную независимость последних от Высшего императива (смертная казнь, например). Оставляя в стороне неразрешимый в рамках нашего курса вопрос о том, насколько законы той или другой религии приближаются к «общеобязательным и непреложным правилам», уточним, что существенными характеристиками слова *закон* как юридического термина остаются не его органичность жизни общества и соответствие Высшему

императиву, но его порождение высшим представительным органом государственной власти или референдумом, регулирование им «наиболее важных общественных отношений» (как правило) и специально подробно прописанная процедура принятия.

Итак, поскольку *закон* в юридическом смысле может быть и таким, что он непременно наталкивается на отторжение со стороны общества по причине несоответствия закона тем правилам, которые культивируются самим обществом или силой Высшей, непременно встает вопрос о том, как следует поступать в таких случаях. Теоретически здесь существуют только три возможности: отменить закон, равнодушно взирать на то, что он остался только на бумаге, или применять репрессии к тем, кто закон не выполняет.

Слово *репрессия* также принадлежит одновременно и юридическому и толковому словарю. И толкование его в обоих источниках почти совпадает: «карательная мера, исходящая от государственных органов» в толковом словаре и «карательная мера, наказание, применяемые государственными органами» – в юридическом. Рассмотрим последнее определение более внимательно. В юридическом толковании *репрессия* – это и «карательная мера», и «наказание». Только так требует понимать соответствующий текст множественное число причастия, *применяемые* относимое к двум существительным *мера* и *наказание*, каждое из которых стоит в единственном числе. Если бы в определении выступала форма единственного числа женского рода *применяемая* (мера) или среднего – *применяемое* (наказание), то *карательная мера* и *наказание* теоретически могли бы рассматриваться либо как квазисинонимы, либо как гипероним и уточняющий гипоним. Однако даже и в этом случае оба таких толкования были бы натяжкой, поскольку *карательная мера* есть «действие субъекта, наносящее вред объекту», а *наказание* – «действие субъекта, наносящее вред объекту, во-первых, в ответ

на отрицательно оцениваемые действия субъекта, а во-вторых, с целью избежать повторения таких же или подробных действий объекта». Если бы второй элемент толкования был устранен, то оставшиеся точно покрывались бы словом *месть*.

Еще раз подчеркнем, что и юристы, и лингвисты полагают существенным компонентом слова *репрессия* то, что его субъектом выступают государственные органы.

В «Юридическом словаре» не разъясняется, что такое *карательная мера*, а толковые русские словари семантизируют *карательный* как «имеющий целью жестоко наказать, произвести расправу» (в качестве примеров выступают *карательные меры, карательный отряд*). Зато *наказание* имеется в обоих источниках. В юриспруденции особо оговаривается, что «это мера государственного принуждения, назначаемая по приговору суда». Таким образом, оказывается, что в качестве мер принуждения государство (!) может использовать репрессии, т.е. не разъясняемые юридически *карательные меры* (весьма жестокие, как следует из лингвистического толкования), и *наказание*, производимое по приговору суда. Обращу внимание на параллелизм, связанный с подобной же неопределенностью слова *право*.

В заключение подчеркну, что слово *кара*, отмечаемое в русских толковых словарях как высокое (Божья кара) и сохраняющее эту же помету в *карать*, но не в *карательный*, будто бы апеллирует к понятиям, связанным с Высшим императивом, однако в действительности в юридических текстах, выступая в качестве элемента языкового толкования слова с этим корнем, семантических связей с Высшим вовсе не имеют.

Итак, оказывается, что в юридическом тезаурусе, группирующемся вокруг понятия *власть*, центральным словом является слово *государство*, за которым сохраняются, по крайней мере, две сущности: «спо-

соб организации жизни общества» и «круг лиц, осуществляющих или призванных осуществлять такую организацию». По умолчанию, предполагается, что обе эти сущности действуют так, будто бы представляют собою одну-единственную сущность. Совершенно очевидно, что подобное представление вовсе не безобидная неточность, но отражение вполне сознательного стремления, не говоря об этом внятно и четко, поставить людей, находящихся в тех эшелонах власти, которые действуют в масштабах всей страны, в особое, привилегированное положение, минимально сковывать их действия какими-либо обязательными установлениями.

С лингвистической и с общефилософской точки зрения такое неразграничение представляется абсолютно чуждым Науке вообще и естественным наукам, в частности, где уже давно реализован принцип строгого различения самого явления и тех систем и приборов, которые фиксируют, измеряют, контролируют те или иные характеристики самого этого явления. Состояние больного и данные об этом состоянии, полученные с приборов, измеряющих температуру, кровяное давление, работу сердца и т.п., могут в частном случае не совпадать из-за плохой работы соответствующих приборов. Это тем более вероятно в обществе людей, где в качестве «приборов» выступает человек со всеми его слабостями, а не просто как некая функция, существующая единственно для того, чтобы наилучшим образом удовлетворить потребности *государства* как «формы организации жизни общества». Личные интересы человека, оказавшегося ответственным за все общество, очень часто вступают в противоречие с интересами всех, а обсуждаемая нами ситуация с юридическими понятиями стремится предоставить человеку в этом случае максимум свободы. Замечу, что, например, английское *civil servant* (буквально «слуга общества») более точно отражает задачу

по обеспечению интересов всего общества, чем русское *государственный служащий*.

Признание в системе юридических понятий несовершенства писанных законов, к сожалению, не повернуто в сторону категорической необходимости их решительно усовершенствовать, но открыто для лиц, выступающих от имени государства, с одной стороны, предоставляя им возможность игнорировать права тех, кто к их группе не принадлежит, а с другой – применять по отношению к ним жестокие меры принуждения. Но, как показывает анализ современного юридического тезауруса, в настоящее время в нем просто сосуществуют как возможности для законной демократической организации жизни общества, так и возможности для самого разнообразного произвола со стороны тех, кто выступает от имени государства.

Существенно, что эта вторая возможность не представлена в явном виде, а более или менее искусно замаскирована либо с помощью различных умолчаний, но чаще всего благодаря эксплуатации слова *государство*.

Русские общеупотребительные слова и юридические термины, касающиеся понятия «благотворительность»

Статья 39 Конституции РФ гласит, что в РФ «поощряются добровольное социальное страхование, создание дополнительных форм социального обеспечения и благотворительность», однако ни в одном законодательном акте мы не найдем ни определения *благотворительности*, ни *социального страхования*, ни *социального обеспечения*. Единственное, чем могли руководствоваться граждане, заинтересованные в государственном поощрении, – определение благотворительности, предлагаемое толковыми словарями русского языка: *благотворительность* – «благотворительная деятельность», *благотворительный* – «1. безвозмездный и направленный на общественную пользу (например, *благотворительный концерт, благотворительная деятельность*), 2. направленный на оказание материальной помощи неимущим (например, *благотворительное учреждение*)». Однако, как говорят юристы, это понятие, как и многие другие, было расширительно истолковано. И этому расширительному толкованию не было границ, в понятие *благотворительной деятельности* были включены как понятия, имеющие законодательное определение (*пожертвование, меценатство, спонсорство*), так и понятия, не упоминающиеся ни в одном нормативном акте (добро – «нечто положительное, хорошее, полезное, противоположное злу, добрый поступок», благодеяние – «спасительная помощь, доброе дело», милосердие – «готовность помочь кому-нибудь или простить кого-нибудь из сострадания, человеколюбия», милостыня – «то, что подается нищему, подаяние»).

Из словообразовательного анализа слова *благотворительность* уже можно сделать вывод о семантике: творить благо (благо – «то, что

дает достаток, благополучие, удовлетворяет потребности»), делать добро.

В августе 1995 года Президентом был подписан Федеральный Закон «О благотворительной деятельности и благотворительных организациях», в котором (статья 1) впервые дано законодательное определение *благотворительной деятельности*, которой признается «*добровольная деятельность граждан и юридических лиц по бескорыстной (безвозмездной или на льготных условиях) передаче гражданам или юридическим лицам имущества, в том числе денежных средств, бескорыстному выполнению работ, предоставлению услуг, оказанию иной поддержки*». Однако уже статья 5, давая определение одному из участников благотворительной деятельности, а именно – *благотворителю*, называет *благотворителями* лиц, осуществляющих благотворительные пожертвования в следующих формах:

- бескорыстной (безвозмездной или на льготных условиях) передачи в собственность имущества, в том числе денежных средств и (или) объектов интеллектуальной собственности;
- бескорыстного (безвозмездного или на льготных условиях) наделения правами владения, пользования и распоряжения любыми объектами прав собственности;
- бескорыстного (безвозмездного или на льготных условиях) выполнения работ, предоставления услуг.

Сравним с определением из толкового словаря «*благотворитель* – тот, кто занимается благотворительностью». Таким образом, мы видим, что в общественном сознании понятие *благотворителя* гораздо шире, чем в правовом понимании этого слова. Законодатель, в отличие от простого носителя языка не считает благотворительностью морально-психологическое, душевное участие в чужой судьбе.

Заметим, что в нашем обществе, период становления которого пришелся на годы Советской власти, когда понятие *благотворительности* отсутствовало не только законодательно, но и в общественном сознании, до сих пор существует отрицательная коннотация слов (и понятий) *благотворитель* и *благополучатель*. Это представление сложилось, скорее всего, из-за того, что в наивном сознании понятие *благотворительности* довольно прочно ассоциировалось с понятием *милостыня* (см. выше).

Вероятно, противоположное отношение сложилось к слову *доброволец* (вспомним фильм с участием М. Ульянова, Э. Быстрицкой, П. Щербакова и соответствующие песни). Толковый словарь предлагает два значения слова:

1. Человек, добровольно вступивший в действующую армию.
2. Тот, кто добровольно взял на себя какую-нибудь работу, добровольный – совершаемый или действующий по собственному желанию, не по принуждению.

Законодательное определение понятия *доброволец* только уточняет второе значение общеупотребительного слова, считая, что *доброволец* – это «гражданин, осуществляющий благотворительную деятельность в форме безвозмездного труда в интересах благополучателя, в том числе в интересах благотворительной организации».

Слово *благополучатель* в толковом словаре отсутствует, его значение ясно лишь из словообразовательного анализа – тот, кто получает благо. Закон (ст.5) несколько конкретизирует это значение: «лицо, получающее благотворительные пожертвования от благотворителей, помощь добровольцев».

Понятие *пожертвования* законодатель дает в одном из основополагающих нормативных актов, в ГК РФ (ст. 582) и определяет *пожертвование* как «дарение вещи или права в общепольных целях». Толковый сло-

варь определения пожертвования не дает, а отсылает к статье «жертвовать». *Пожертвование* – «то, что пожертвовано», *жертвовать* – «принести в дар, безвозмездно делать вклад куда-нибудь».

Рассматривая эту оппозицию, мы четко видим, что юридическое и общеупотребительное значения различаются по одному очень важному признаку – по цели дара, законодатель подчеркивает, что это не просто дар или вклад куда-нибудь, а именно на общепользные цели. Правда ни в одном нормативном акте мы не найдем определения общепользных целей, здесь, вероятно, законодатель предполагает, что носитель языка опять же из словообразовательного анализа поймет значение этого прилагательного. Если же речь идет о *благотворительном пожертвовании* (см. благополучатель), то для лингвиста это словосочетание является тавтологией, а для юриста сразу становится ясным, на какие цели должно быть израсходовано или направлено пожертвованное имущество.

Целями благотворительной деятельности, согласно статье 2 упомянутого закона, признается социальная поддержка и защита граждан, которые в силу своих физических или интеллектуальных особенностей, иных обстоятельств не способны самостоятельно реализовать свои права и законные интересы, а также содействие деятельности в сфере образования, науки, культуры, искусства, просвещения, здравоохранения и т.п.

Таким образом, законодатель пытается ввести в законодательные рамки не только само понятие *благотворительность*, но и ограничить круг направлений, по которым эта благотворительность может распространяться. С юридической точки зрения, учитывая что и физическим, и юридическим лицам, осуществляющим благотворительную деятельность, налоговое законодательство предоставляет льготы, в частности, по налогу на прибыль, эти ограничения ясны.

Уточним, что в наивном сознании пожертвование – это прежде всего имущество или деньги, а закон предусматривает еще и передачу права, например, права пользования имуществом или помещением.

Довольно близко по смыслу к понятию *пожертвование* и понятие *грант*, сравнительно недавно появившееся в русском языке.

Грант, по определению толкового словаря русского языка, – «единовременная субсидия, присуждаемая научному учреждению, творческому коллективу или отдельному исполнителю какого-нибудь труда».

Само слово *грант* появилось в русском языке от английского глагола to grant – дарить, жаловать, соглашаться, допускать, как правило, то, о чем или что было прошено (существительное a grant обозначает уже само по себе дар, дотацию или субсидию).

Юридическая энциклопедия предлагает три варианта значений:

1. Единовременное выделение денежной суммы или дарение оборудования, помещения и т.п. (обычно из личных средств)

2. Безвозмездная дотация, субсидия, главным образом учебным заведениям, творческим коллективам, спортивным командам и пр., предоставляемая административными органами из государственных или муниципальных средств.

3. Стипендия, выплачиваемая студентам и ученикам из государственного или местного бюджета.

Эти варианты никак не охватывают одного из основных источников грантов (это не государственный, т.е. в данном значении не федеральный и не местный бюджеты) – поступлений из так называемых грантодающих фондов, чаще всего зарубежных.

Если учесть, что *дотации* в соответствии с Бюджетным кодексом – это «бюджетные средства, предоставляемые другому уровню бюджетной системы РФ на безвозмездной и безвозвратной основе для покрытия текущих расходов», Большой энциклопедический словарь дает в

качестве определения дотации «государственное пособие предприятиям, организациям, некоторым категориям лиц для покрытия каких-нибудь расходов», а та же Юридическая Энциклопедия определяет *дотацию* как «денежные средства, выдаваемые в безвозвратном порядке государством предприятиям, организациям и отдельным производствам для покрытия убытков, разрыва между их расходами и доходами, доплата, материальная помощь», то толкование понятия *грант*, приведенное в Юридической Энциклопедии, не только не раскрывает его содержания, но и не полностью соответствует законодательству.

Законодательство дает различные определения *гранта* в зависимости и от статуса (если можно так сказать) гранта, т.е. государственный это грант, благотворительный или грант Президента, и от того, в документы какой отрасли права мы посмотрим. Федеральный и Московский Законы «О благотворительной деятельности и благотворительных организациях» в статьях, посвященных источникам формирования имущества благотворительной организации, вводят понятие *благотворительного гранта*, т.е. «благотворительного пожертвования, имеющего целевой характер». Исходя из представленного выше рассуждения о понятии *пожертвования*, мы видим, насколько несостоятельно данное определение гранта.

Федеральный Закон от 19 мая 1995 года «Об общественных объединениях» и Федеральный Закон от 20 декабря 1995 года «О беженцах и вынужденных переселенцах» устанавливает определение государственного гранта – «Целевое финансирование отдельных общественно – полезных программ общественных объединений по их заявкам».

Однако Постановление Правительства № 11 от 12 января 1996 года «Об улучшении информационного обеспечения населения РФ» в п. 3 гласит: «гранты Правительства РФ могут предоставляться в форме возвратных и безвозвратных бюджетных ссуд, налоговых освобождений,

поставок оборудования в порядке лизинга, поставок бумажной продукции в порядке товарного кредита и иных формах в соответствии с законодательством РФ».

Распоряжение Правительства № 906-р от 11 июня 1996 года «Об утверждении Положения о грантах в сфере средств массовой информации» несколько расширяет, уточняет и в то же время усложняет определение *гранта* и форм его предоставления, данное в Постановлении Правительства № 11 от 12 января 1996 года. Здесь грантом называется уже «специальный комплекс мер государственной поддержки, в который входят и бюджетные ассигнования, и налоговые освобождения, и оборудование, оказываемой редакциям средств массовой информации, издательствам» и т.п. Исследованный материал позволяет сделать вывод о том, что в данном случае законодатель, вводя новый термин, не соблюдает требований к термину, называя одним словом лишь частично совпадающие понятия. Наиболее приемлемое определение понятия *грант* мы находим в подзаконном акте, в письме ГНС России и Минфина России «О порядке налогообложения грантов, получаемых от иностранных благотворительных организаций» от 11 июня 1993 года под термином *грант* для целей налогообложения понимаются «целевые средства, предоставляемые безвозмездно иностранными благотворительными организациями предприятиям, организациям и физическим лицам в денежной или натуральной форме на проведение научных или других исследований, опытно-конструкторских работ, обучение, лечение и другие цели с последующим отчетом об их использовании».

Вряд ли можно считать слово *грант* общеупотребительным словом, но учитывая быстро развивающиеся связи российских научных и творческих работников с зарубежными фондами, а также некоторую несостоятельность российского бюджета, следует предположить, что оно достаточно скоро прочно войдет в наивное сознание.

Русские общеупотребительные слова и юридические термины, касающиеся понятия» предпринимательство»

Задача данного раздела состоит в том, чтобы рассмотреть те системообразующие русские юридические термины, которые определяют организацию трудовой деятельности людей, в их отношении к русским общеупотребительным словам.

В юридической терминологии ключевыми словами, определяющими организацию трудовой деятельности людей, являются слова *предприятие, предпринимательство, предпринимательский*, морфное совпадение между которыми не вызывает сомнений. При этом *предприятие* в Гражданском кодексе (ст.132) определяется как «имущественный комплекс, используемый для предпринимательской деятельности», а *предпринимательская деятельность* (ст. 2) (*предпринимательство*) толкуется как деятельность, характеризующаяся тремя особенностями: во-первых, тем, что осуществляется на свой риск, во-вторых, тем, что она направлена на систематическое получение прибыли, и, в-третьих, тем, что она осуществляется самостоятельно.

Действующее законодательство определяет, как известно, существование в России трех видов собственности: государственной, муниципальной и частной. При этом именно предприятия, находящиеся в частной собственности, обладают в юридической терминологии весьма развитой системой обозначений: *коммерческая организация, кооператив, артель, крестьянское (фермерское) хозяйство*. В определении *коммерческой организации* – главное вновь, как и в *предпринимательской деятельности*, – «извлечение прибыли в качестве основной цели своей деятельности». Несколько иное для *кооператива*, который может быть уже и производственным, и потребительским (он относится уже к некоммерческим организациям, т.е. не имеющим извлечение

прибыли в качестве основной цели), причем законодательство различает кооперативы также и по сфере деятельности, например, сельскохозяйственные, жилищно-строительные и др., а в качестве конститутивного признака для этого объединения людей выступают уже не риск и извлечение прибыли, а «строгий принцип индивидуального членства в целях совместного труда или удовлетворения иных потребностей материально-экономического характера». Синонимом производственного кооператива выступает слово *артель*.

Крестьянское (фермерское) хозяйство определяется в законодательстве как «самостоятельный хозяйствующий субъект, ... осуществляющий производство, переработку и реализацию сельскохозяйственной продукции и представляющий собой форму свободного предпринимательства, осуществляемого на принципах экономической выгоды».

Нетрудно видеть, что при определении основных юридических терминов, предназначенных для обозначения форм организации трудовой деятельности людей, законодатели проявляют исключительную непоследовательность. Прежде всего бросаются в глаза различные критерии по отношению к организациям, принадлежащим к различным формам собственности – частной и государственной. Настойчивое упоминание о риске как об условии деятельности и о прибыли как о ее цели применительно только к предприятиям частной собственности создает впечатление, что предприятия государственной формы собственности не подвержены рискам, т.е. никогда не могут обанкротиться, и имеют своей целью не прибыль, но только удовлетворение потребности в труде или альтруизм.

В результате этого принцип **форма собственности**, реализуемый как государственный, муниципальный или частный, подменяется на практике принципом **цель деятельности**, коммерческая или некоммерческая, причем первая распространяется только на частные органи-

зации, а вторая, видимо, по умолчанию и на частные, и на государственные. Поэтому *коммерческий* выступает даже в профессиональном узусе только как частный, а *некоммерческий* и как государственный, что принципиально неверно и создает путаницу в фундаментальных вопросах законодательства.

Также очевидно, что различные родовые характеристики определяемых понятий не спроецированы последовательно на все соответствующие термины. Таковы, например, признаки, связанные с характером членства, индивидуального, семейного, коллективного, обозначенная лишь для *производственных кооперативов* и *крестьянских фермерских хозяйств*. Или такие важные области, как сфера деятельности (сельское хозяйство, строительство, медицина, образование и др.) и характер деятельности (производство, оказание различного вида услуг, включая информационные, посреднические, в том числе торговые, финансовые и др.).

Обращает на себя внимание то, что в определении, например, *крестьянского (фермерского) хозяйства* содержащиеся отрицательные компоненты значения слов *риск* и *прибыль* заменены на нейтральные в словах *самостоятельно хозяйствующий субъект*, *свободное предпринимательство*, *экономическая выгода*. Таким образом, толкование терминов носит не объективный характер, но отражает субъективное отношение законодателя к определяемым феноменам, причем не просто положительное или отрицательное, но либо явно отрицательное, либо снимающее такую оценку за счет семантического обобщения (не риск, но самостоятельность, не прибыль, но экономическая выгода или потребности материально-экономического характера).

Несовершенство соответствующей зоны юридической терминологии становится тем более очевидным на фоне наличия терминологических синонимов.

Рассмотрим теперь вопрос о том, как воспринимает соответствующие слова и словосочетания, являющиеся юридическими терминами, рядовой носитель русского языка, обычно не понимающий, что это именно специальные термины, но толкующий их в соответствии со своей языковой интуицией и опытом.

Начнем со слова *предприниматель*. У него выделяется обычно два значения:

- 1) «владелец предприятия»;
- 2) неодобрительное «делец, ловкий организатор выгодных предприятий». Пользуясь более современным семантическим метаязыком, во втором значении слова можно было бы выделить такие семантические компоненты, как «активность» и «направленная на различные, в том числе и отрицательно оцениваемые, экономические и финансовые акции». Второе значение сохраняется и в производном *предпринимательство*.

Слово *коммерческий* в русском литературном языке, закреплённом в нормативных словарях, связано исключительно с торговлей и, в отличие от языка современного российского законодательства, не имеет никакого отношения к какой-либо трудовой деятельности (ср. *коммерческий директор* – главный инженер, *коммерческое училище* – гимназия, *коммерческий флот* – военный флот). Правда, в последние годы, у этого прилагательного возникает новое значение «связанный с платой» в противопоставлении бесплатному (*коммерческие учащиеся*) или более дешёвому (*коммерческие цены, коммерческие магазины*). Однако замыкаясь в сфере торговли или платы, это слово в русском языке во все не обязательно связывается с частной собственностью, поскольку коммерческими при карточной системе были государственные магазины, а коммерческие учащиеся могут обучаться в государственных учебных заведениях.

Слово *кооператив* в современном русском языке, пожалуй, актуально лишь применительно к строительству жилья и гаражей. Другие сферы применения этого слова (в частности, отмечаемое словарями *магазин*) явно перешли в область историзмов. Также едва ли принадлежит к активно употребляемым в современном языке слово *артель*, сохраняющееся лишь для более или менее экзотических сфер человеческой деятельности (*артель строителей, рыболовецкая артель*). Существенно, что с потерей этого слова русский язык потерял и положительное обозначение общности небольших групп людей (ср. *банда, коллектив, общество, группа*), существовавшие также и в производных (*артельный, артельский*). Юридическая терминология, к сожалению, не дала этому слову вторую жизнь, употребляя его лишь как возможный синоним к неэмоциональному производственному кооперативу.

Таким образом, нетрудно видеть, с чем рядовой носитель современного русского языка, особенно принадлежащий к старшему поколению и помнящий, в частности, коммерческие училища и магазины, кооперативы, производственные и потребительские, связывает соответствующие обозначения. Стоит добавить, что в душе русского человека постоянно живет, поддерживаемое и православной церковью, и жизненным опытом, весьма скептическое, если не сказать сильнее, отношение к торговле как к виду деятельности. Однако самое удивительное состоит в том, что названные так, как торговые, предприятия по существу, а не форме данного им юристами определения вовсе не обязательно должны принадлежать к сомнительной в глазах русского человека сфере торгового предпринимательства. Причем принятое в русской юридической терминологии *предприниматель, предпринимательство* (русские синонимы крайне отрицательно до самого последнего времени оцениваемых *бизнесмена* и *бизнеса*, как не очень честной деятельности, направленной исключительно на корыстные цели) также связывается в сознании говорящих по-русски людей с дея-

тельностью едва ли благородной и похвальной, хотя сами юридические термины уже потому, что являются терминами, никакой оценки в себе не содержат. И если в сознании молодого поколения трансформация стоящего за словом понятия и его оценки может осуществляться более или менее легко, то в сознании людей старшего поколения и уже в силу этого более консервативных такие сдвиги маловероятны. Впрочем, подтверждение или опровержение каждого такого конкретного соображения нуждается в проведении специальных социолингвистических исследований по определению денотативного и оценочного компонента слова. К сожалению, именно такие аспекты социолингвистических наблюдений относительно русского языка не имеют глубоких традиций.

Итак, соответствующий участок русской юридической терминологии заслуживает критики не только как объект, рассматриваемый внутри собственной системы, но и как объект, существующий в системе русского литературного языка. Главный недостаток существующей системы терминов в том, что она представляет собой ложно ориентирующую носителей русского языка систему обозначений. Кроме того, эта система, интерпретируемая рядовым носителем русского языка, оказывается не нейтральной, но содержащей оценочный компонент, отрицательный по отношению к деятельности предприятий, не принадлежащих к государственной форме собственности.

Прекрасно понимая, что национальная терминология в любой области складывается в течение веков усилиями многих людей, считаю, однако, возможным наметить некоторые подходы к оптимизации применяемых в российском законодательстве обозначений, определяющих организацию трудовой деятельности людей. Думается, что в основе соответствующих обозначений должны лежать такие наименования, которые одновременно отражают прежде всего характер деятельности соответствующей организации, определение того, чем же именно она зани-

мается, например, *завод, фабрика, больница, поликлиника, школа, институт, университет, магазин, банк, прачечная, парикмахерская, шахта, рудник, электростанция, организация газодобычи, лесозаготовительная организация* и т.д., и т.п. Указание на форму собственности, например, *кооператив или государственное предприятие* существенно лишь для собственника, а не для потребителя. Для последнего же важна лишь относительная стоимость приобретаемых им товаров или услуг. Являются они бесплатными или нет? Строго говоря, широко распространенное представление о «бесплатности» получаемого членами общества жилья, образования или медицинских услуг является настолько ошибочным, что об этом не стоит даже и говорить. В то же время именно укоренившиеся в русском языке словосочетания прилагательного *бесплатный* с существительными, обозначающими то, что имеет и потребительскую, и меновую ценность, ответственны за тот чудовищный перекосяк, который произошел в сознании нескольких поколений людей, говорящих по-русски. Поэтому в качестве другого важнейшего признака, определяющего характер организации, следовало бы ввести указание на то, каким образом она финансируется: за счет принадлежащих всему обществу природных богатств, за счет налогоплательщиков, на деньги тех или других частных лиц или за счет различных комбинаций первого, второго и третьего. При этом соответствующие термины не должны по возможности ни ложно ориентировать носителей языка (лучше употребить иностранное, абсолютно не ясное носителю языка слово), ни вызывать у них каких-либо ассоциаций, положительных или отрицательных.

Очевидно, что дальнейшая дифференциация соответствующих терминологических обозначений должна быть связана уже с особенностями отношений между их различными типами владельцами, что для по-

требителя может иметь значение лишь в крайне ограниченном числе случаев.

Что же касается существующих в соответствующей русской терминологии характеристик, связанных с риском и прибылью, то эти характеристики при предлагаемом построении окажутся полностью производными от уже предложенных двух фундаментальных характеристик (вид деятельности и источник финансирования). Существующее на средства налогоплательщиков (государства) предприятие нефтедобычи (природные ресурсы) мало чем рискует, в отличие от существующего на такие же средства завода по производству строительных материалов (природных ресурсов нет), однако оба эти предприятия ориентированы на получение прибыли, большей в первом случае и меньшей – во втором. С другой стороны, существующая на средства налогоплательщиков больница едва ли может дать прибыль (для этого надо или/и увеличить налоги, или/и ухудшить положение больных и тех, кто их обслуживает и лечит), но в принципе может и прекратить свое существование (если налоговых поступлений не будет хватать на содержание больницы и обслуживание того числа больных, которые имеют на это право).

Следует отметить, что активная законотворческая деятельность, осуществляемая в России, идет по этому пути в процессе разработки законов. Например, закона «Об образовании». Однако особенности фундаментальных юридических терминов чрезвычайно осложняют эту работу.

Русские общеупотребительные слова и юридические термины, касающиеся названий различных общественных объединений

Очевидно (и это подтверждается ст. 30 Конституции, Федеральным Законом «Об акционерных обществах»¹⁵, Федеральным Законом «Об общественных объединениях», Федеральным Законом «О некоммерческих организациях» и т.п.), что граждане (физические лица) могут создавать и вступать в различные объединения не только целях улучшения их трудовой (коммерческой и некоммерческой) деятельности (см. об этом раздел о трудовой деятельности людей). Важную роль в жизни общества играют такие объединения, которые создаются, как пишет законодатель, для «защиты общих интересов и достижения общих целей», а также для «удовлетворения духовных и иных нематериальных потребностей граждан».

Родовым обозначением для имеющих такую цель объединений граждан является юридический термин *общественное объединение*, определяемый как «добровольное, самоуправляемое, некоммерческое формирование, созданное по инициативе граждан, объединившихся на основе общности интересов для реализации общих целей, указанных в уставе общественного объединения».

С филологической точки зрения, в квазисинонимические отношения с родовым юридическим термином вступают такие общеупотребительные слова как *общественная организация*, имеющая в качестве коннотации связанное с многозначностью слова *организация* и его производящим *организовывать* указание на хорошее, продуманное, планомерное внутреннее устройство, а также *общество (тайное об-*

¹⁵ Федеральный закон от 26 декабря 1995 г. N 208-ФЗ «Об акционерных обществах» (с изм. и доп. от 13 июня 1996 г., 24 мая 1999 г.).

щество, общество декабристов), которое будучи весьма многозначным, как кажется, имеет в качестве коннотации указание на замкнутость, ограниченность как по количеству участников, так и по характеру конкретных целей (*общество любителей российской словесности, общество охраны исторических памятников, театральное общество* и т.п.).

Однако это утверждение имеет мало общего с положениями действующего законодательства. Все общественные объединения делятся на пять организационно-правовых форм: общественная организация (это только один из видов общественного объединения), общественное движение, общественный фонд, общественное учреждение, орган общественной самодеятельности. Слова *общество, центр, комитет* и т.п. не имеют ничего общего с организационно-правовой формой общественного объединения, а могут являться лишь частью его названия, например, общественная организация «Комитет солдатских матерей».

В анализируемом материале встретилось относящиеся к рассматриваемой группе слово *ассоциация*, определяемое ГК РФ как «некоммерческая организация, созданная коммерческими и некоммерческими организациями в целях координации их предпринимательской деятельности, а также представления и защиты общих имущественных интересов». При этом в качестве полного синонима *ассоциации* законодатель в скобках дает *союз*. Из этого вытекает, по крайней мере, два следствия. Во-первых, при определении терминов различных типов общественных объединений следует учитывать еще два фактора: 1) идет ли речь об объединении физических лиц (граждан и лиц без гражданства) или юридических лиц (организаций); 2) имеются в виду коммерческие или некоммерческие интересы.

Более того, оказывается, что, например, такое привычное нам наименование как МАПРЯЛ (Международная ассоциация преподавателей

русского языка и литературы) с точки зрения русской юридической терминологии далеко не безупречно, поскольку цели этой организации, в отличие от целей ассоциации не состоят «в защите и представлении общих имущественных интересов», а лежат совсем в иной плоскости. Возможность членства в МАПРЯЛ не только для организаций, но и для отдельных лиц также затрудняет, с юридической точки зрения, использование для этого объединения наименования ассоциация. В соответствии с действующим российским законодательством МАПРЯЛ – это именно *общественная организация*, определяемая как «основанное на членстве общественное объединение, созданное на основе совместной деятельности для защиты общих интересов и достижения уставных целей объединившихся граждан», но только при том условии, что членами МАПРЯЛ были бы не государственные научные учреждения, но общественные объединения типа общественного фонда помощи литературным музеям. Для нашей темы в связи с этим чрезвычайно важным представляется то обстоятельство, что в 1967 году при выборе подходящего названия для создаваемой организации обсуждались самые разнообразные аспекты предлагаемых номинаций, вплоть до эвфонического, однако юридическая точность не оказалась среди аспектов такого обсуждения, что, впрочем, связано и с тогдашним состоянием самой русской терминологии, и с отношением к ней.

Если учесть, что слово *союз* выступает в качестве юридического термина, лишь являясь полным синонимом ассоциации, то можно констатировать, что и в нынешнее время, гораздо более благоприятное для правовых наименований, невнимание именно к этому аспекту характерно и для таких, например, названий, как *(народный) союз патриотических сил* или *союз офицеров*. Нетерминологическое с юридической точки зрения наименование соответствующего объединения переключает внимание с правовых аспектов его деятельности на те коннотации,

которые имеет слово *союз* в его общеупотребительном значении и связанные с употреблением этого слова в советский период российской истории: *Союз Советских Социалистических Республик, Всесоюзный Ленинский Коммунистический Союз Молодежи* (почему-то никого не смущало двойное употребление слова *союз* в этом обозначении, в качестве одного из корней сложного слова и в качестве самостоятельного слова), *профессиональные союзы, союзы писателей (архитекторов, художников, журналистов, театральных деятелей*¹⁶). Напомню еще раз, что в современной юридической терминологии слово *союз* выступает как полный синоним *ассоциации*, обозначая таким образом, объединение, цели которого отнюдь не лежат в сфере духовных и иных нематериальных интересов общества и его членов. С другой стороны, если *союз* это полный синоним *ассоциации*, значит, его должны составлять юридические лица, поэтому такие союзы, как *союз писателей (кинематографистов, архитекторов, художников, журналистов, театральных деятелей и т.п.)* с точки зрения действующего законодательства не могут называться союзами, однако Министерство юстиции, отказывая по законным основаниям в регистрации, например, союзу молодых журналистов Алтая, беспрепятственно регистрирует, например, *союз писателей России, союз писателей Москвы и т.п.* Полагаю, что ответить на вопрос о причинах избирательного применения закона к различным общественным объединениям не представляется необходимым и возможным.

В современной юридической терминологии видовыми по отношению к *общественному объединению*, частично противопоставленному *ассоциации (союзу)*, выступают, в частности, наименования *движение* и

¹⁶ Заметим, что последнее довольно странно, поскольку «деятель» по-русски обозначает того, кто «проявил себя в какой-нибудь общественной деятельности». Наверное, точнее было бы, не пытаясь «счестся славою», говорить «союз театральных творческих работников», как, например, «союз журналистов».

партия. Законодатель определяет *движение* следующим образом: «состоящее из участников и не имеющее членства массовое общественное объединение, преследующее социальные, политические и иные общественно полезные цели, поддерживаемые участниками общественного движения». Отвлечемся от синтаксических особенностей данного определения и сосредоточимся на тех дифференциальных признаках, которые отличают *общественное движение* от иных видов *общественных объединений*: 1) состоит из участников, 2) не имеет членства, 3) носит массовый характер.

Конституция РФ 1993 года не содержит специальных положений, определяющих статус *политических партий*, закрепляя лишь принцип многопартийности. К сожалению, нет еще закона «О политических партиях» или «О политических объединениях», где была бы дана четкая дефиниция политической партии. Мы имеем лишь статью «Политические общественные объединения» в Федеральном Законе «Об общественных объединениях». При этом юридический термин *политическая партия* в повседневном обиходе заменяется просто на партию, как бы уже включая семантику соответствующего прилагательного в существительное *партия*, что, разумеется, с учетом многозначности употребительного слова *партия* создает разнообразные неточности в номинации.

В юриспруденции (в Энциклопедическом юридическом словаре) *политическая партия* определяется как «имеющее устойчивую структуру и постоянный характер деятельности независимое общественное объединение, выражающее политическую волю своих членов и сторонников, ставящее своими задачами участие в определении политического курса данного государства, в формировании органов государственной власти и управления, а также в осуществлении власти через своих представителей, избранных в представительные органы власти».

Очевидно, что ни язык толкований, ни сама их структура для терминов *общественное движение* и *политическая партия* не соотнесены законодателем, однако попытаемся определить те дифференциальные признаки, которые отличают политическую партию: 1) устойчивость, постоянный характер, 2) властные устремления и 3) наличие членов (и сторонников). Таким образом, *движение* и *партия* противопоставлены эквиполентно по характеру участников: члены и не-члены, и привативно по массовости, где сильный член – *движение* (у движения – обязательно, у партии – может и быть, и не быть) и по устойчивости и по властным устремлениям, где сильный член – уже *партия* (и то, и другое у партии – обязательно, а у движения – может и быть, и не быть).

Однако если мы обратимся к современной практике употребления соответствующих юридических терминов, что особенно актуально в период, предшествующий выборам, то обнаружим, что соответствующие слова, по крайней мере, в сознании воспринимающих, выступают скорее не в терминологическом, а в весьма размытом общеупотребительном значении. В самом деле. Почему сторонники Жириновского и Брынцалова говорили о себе как о партии, а сторонники Лужкова – как о движении?¹⁷ По принципу членства, оформление или не оформление которого остается для большинства российских граждан не очень ясным? По причине устойчивости? Но кто и как определяет ее степень? Да и мало ли политических общественных объединений (т.е. тех общественных объединений, в уставах которых в числе основных закреплены политические цели), называвших себя партиями, уже прочно забы-

¹⁷ В 1999 году общероссийское общественно-политическое движение «Отечество» было совершенно незаметно для рядового избирателя реорганизовано в общероссийскую политическую общественную организацию, которая отличается от движения хотя бы уже тем, что имеет институт членства и одним из источников ее финансирования могут являться членские взносы.

ты. По наличию властных амбиций? Но ведь в этом отношении *движение* «Отечество» ничем не отличается от Либерально-демократической *партии*. Может быть, ближе всего к соответствующим юридическим дефинициям коммунистическая *партия* Российской Федерации и экологическое *движение* «Кедр», а для иных политических общественных объединений соответствующие наименования еще только предстоит создать? Кстати ст. 32 Федерального Закона о выборах¹⁸, давая понятие избирательного объединения, делит политические общественные объединения (понятие которого приводится в ФЗ «Об общественных объединениях») на три вида: *политическая партия*, *иная политическая организация*, *политическое движение*. Видимо, те объединения, о которых говорилось ранее, попадают именно под определение «иные политические организации».

Как уже отмечалось выше, неразличение слова *партия* и словосочетания *политическая партия* приводит к созданию таких, например, наименований как *партия любителей пива* или *партия пенсионеров*. Еще более затрудняет точное восприятие юридического термина (*политическая*) *партия* наличие у общеупотребительного существительного *партия* множества различных значений, таких, например, как *партия спасателей* или *геологическая партия*, *партия Ленского* или *партия фортепиано*, *шахматная партия* или *партия на бильярде*, *партия обуви* или *партия чая*, *выгодная партия* или *удачная партия*. Для нашей темы, связанной с возможностями точного понимания того и только того значения, которое стоит за соответствующим звуковым и буквенным комплексом, особенно важна история слова *партия* в однопартийных политических системах, где оно отождествлялось с самой этой системой, а не с различными объединениями граждан, а также не-

¹⁸ Федеральный закон от 24 июня 1999 г. N 121-ФЗ «О выборах депутатов Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации».

строгие дефиниции типа «ум, честь и совесть нашей эпохи» или предваряемые эмоциональным «хочу сиять заставить заново величественное слово (! – Д.М.) *партия*» поэтические метафоры.

Впрочем, несовершенство существующей системы терминологических наименований общественных объединений проявляется во время предвыборной кампании еще и неопределенностью таких наименований как *блок* и *коалиция*, состав участников которых (партии, движения?) остается непонятным для неспециалиста. Законодатель дает лишь определение *избирательного блока*, трактуя его как «создаваемое для совместного участия в выборах добровольное объединение избирательных объединений», что недостаточно проясняет ситуацию.

Однако наиболее существенная неясность в обозначении различного рода общественных объединений состоит в ином – в указании на источники финансирования деятельности этих объединений. Подчеркивая особо некоммерческий характер *ассоциации (союза)*, имеющей своей целью координацию *предпринимательской* деятельности, представление и защиту *имущественных* интересов входящих в нее субъектов, законодатель (в определении) умалчивает о том, на какие средства ведут свою деятельность движение и партия. Едва ли такое умолчание служит достоинством дефиниций соответствующих терминов, поскольку реальная деятельность движения или партии вряд ли возможна без аренды помещений, услуг связи и т.п.

Зато в юриспруденции имеется наименование для такого вида общественного объединения, которое преследует социальные, культурные, благотворительные, образовательные и иные общественно полезные цели, при этом не имеет членства (как движение и в отличие от партии), и учреждено гражданами и/или юридическими лицами на основе добровольных имущественных взносов. Это – *фонд*. Наличие у этого слова ряда со-

всем иным значений в общеупотребительном языке, разумеется, не повышает его достоинств именно как термина, однако в реальном употреблении благодаря различию в синтагматическом окружении и синтаксических функциях терминологическое употребление слова *фонд* весьма четко противопоставлено нетерминологическому. Впрочем, в реальном современном русском терминологическом употреблении слово это в сочетании либо с именем собственным (например, *Горбачев-фонд* с аналогичным английским наименованием или *Фонд Горбачева* с традиционно русским синтаксическим оформлением), либо с ничего не говорящим «названием» («*Политика*», «*Примирения и согласия*») оставляет весьма неясным как то, каковы конкретные цели фонда (в отличие от партий и движений), так и то, кто принимает участие в деятельности фонда. К сожалению, у нас не принято ни подробно рассказывать об истории создания какого-либо фонда, кто, когда и при каких обстоятельствах сделал в него свой имущественный взнос и какой конкретно в отличие от многих западных фондов, например, фонда Фулбрайта, поддерживающего науку и образование, средства на создание которого были, по предложению американского сенатора Фулбрайта, направлены в результате бюджетной экономии, связанной с остатком средств, предназначенных для окончания второй мировой войны. Не принято в России и широко знакомить общественность, хотя это и предусмотрено законодательно, и с финансовыми отчетами фондов, что при четкости юридического термина создает вокруг объединений с таким наименованием в лучшем случае атмосферу таинственности и подозрительности.

Встретившееся в анализируемом материале слово *центр*, как уже отмечалось выше, не называет вид общественного объединения, и не является юридическим термином. Являясь общеупотребительным словом и имея множество значений (*центр окружности, в центре города, районный центр, директивы центра* и т.п.), представляет интерес как

«место сосредоточения чего-нибудь». Таким образом, «Центр социальной защиты» или «Центр стратегических исследований» представляют собой лишь общественное объединение или некоммерческую организацию (а может быть и коммерческую) в одной из организационно-правовых форм.

ИМЕНА ЛИЦ КАК ЭЛЕМЕНТЫ ЛЕКСИЧЕСКОЙ СИСТЕМЫ РУССКОГО ЯЗЫКА И КАК ЮРИДИЧЕСКИЕ ТЕРМИНЫ

В обследованных юридических текстах встретились лишь часть наименований лиц, представленных в Энциклопедическом юридическом словаре. При этом в соответствующих текстах оказалось немало и таких наименований лиц, которые не принято рассматривать как юридические термины. Так, например, в анализируемых текстах отсутствуют наименования многих должностей (*губернатор, временный поверенный в делах, омбудсман, префект, генеральный секретарь ООН и т.д.*), обозначения участников правовых отношений (*наследники, подсудимый, свидетель, страховщик, фрахтователь* и др.), названия различных «коллективных органов» (*администрация, кабинет министров, избирательные комиссии, международный суд* и др.) С другой стороны, не являются юридическими терминами встретившиеся в изученных материалах и такие называющие лиц слова, как, например, *деятель, руководитель, учредитель* и др. Однако и тех наименований лиц, которые выступают в обследованных юридических документах, достаточно для того, чтобы сделать хотя бы некоторые наблюдения относительно семантических отношений, существующих между единицами лексической системы русского языка и их омонимами в юридических текстах.

Наименования лиц, представленные в изученных юридических текстах, довольно четко в основном распределяются по трем семантическим группам:

1) наименования лиц, пребывающих в «плохом» состоянии (*беженец, переселенец, безработный, инвалид, малообеспеченный, потерпевший*);

2) наименования лиц, являющихся участниками тех или иных отношений (*личность, лицо, гражданин, депутат, доброволец, партнер, представитель, потребитель, работник, учредитель*);

3) собирательные наименования лиц (*народ, население, персонал*).

1. Наименования, обозначающие лиц, «обиженных судьбой»

Для части этой категории лиц существует юридический термин *потерпевший*, которым обозначается «гражданин, которому преступлением причинен моральный, физический или имущественный вред». При этом признание гражданина *потерпевшим* может последовать лишь при причинении вреда непосредственно преступлением, в чем отражается специфика именно юридического взгляда на «обидное» положение, в котором оказался человек. (См. об этом ниже)

Слово *потерпевший* удовлетворяет всем требованиям, предъявляемым к терминам: он имеет четкую дефиницию, отграничивающую его от смежных объектов номинации; лишен омонимов. Пересечение с формами общеупотребительных слов русского языка здесь минимально. В нетерминологическом употреблении *потерпевший* представляет собой действительное причастие прошедшего времени от глагола *потерпеть* в его полусвязочном значении, определяемом как «начать иметь», в котором он способен сочетаться с существительными, обозначающими различные «неприятные» состояния (*потерпеть крушение, поражение, фиаско, крах* и т.п.). Синонимичное в общеупотребительном языке причастие *пострадавший* вступает с термином *потерпевший* лишь в квазисинонимические отношения, поскольку первое никак не характеризует причину такого состояния (оказаться *пострадавшим* можно не только в результате преступления, при этом такая характеристика состояния лица вовсе не нуждается в соответствующем официальном признании).

Также «несимметрично» соотношение между словом *беженец* как общеупотребительной единицей и как юридическим термином. Согласно толковым словарям русского языка *беженец* – это «человек, оставивший место своего жительства вследствие какого-либо бедствия». Согласно российскому законодательству *беженцем* называется гораздо более узкий круг лиц, а именно «лицо, которое не является гражданином Российской Федерации и которое в силу вполне обоснованных опасений стать жертвой преследования по признаку расы, вероисповедания, гражданства, национальности, принадлежности к определенной социальной группе или политических убеждений находится вне страны своей гражданской принадлежности и не может пользоваться защитой этой страны или не желает пользоваться такой защитой вследствие таких опасений; или, не имея определенного гражданства и находясь вне страны своего прежнего обычного местожительства в результате подобных событий, не может или не желает вернуться в нее вследствие таких опасений».

Таким образом, юридический термин четко определяет то обстоятельство, что *беженцами* могут быть только не граждане РФ, причем только те из них, кто покидает место своего постоянного жительства по разнообразным, хотя и четко обозначенным социально-политическим мотивам. В то же время термин *беженец* и шире общеупотребительного *беженец*, поскольку последний обозначает только лиц, уже покинувших постоянное место жительства, а первый имеет более широкий временной охват, обозначая также и тех, кто лишь собирается оставить родные места. Иными словами, люди, уезжающие из Чечни как из субъекта РФ или спасающиеся от последствий стихийного бедствия, согласно значению юридического термина не *беженцы*, а русскоязычные не граждане РФ, например, в Душанбе, если они подвергаются гонениям по причине их национальности, вероисповедания, языка и т.п.,

даже продолжая оставаться в своих домах, уже могут являться в юридическом смысле *беженцами*. Очевидно, что с точки зрения наивного языкового сознания последнее, как, впрочем, и первое, кажется довольно странным.

По-видимому, в этом примере особенно ярко отражается специфика наивного, отражаемого в общеупотребительных словах русского языка, взгляда на страдающее лицо и юридического взгляда на этот же феномен. В первом случае «плохое» состояние лица очевидно, и коннотативная часть значения русского слова содержит компонент «сочувствие». В терминологическом употреблении – главный акцент на причину «плохого» состояния лица, при чем несущественным является то, наступили ли уже очевидные проявления этого «плохого» состояния или нет.

Может показаться, что соответствующее определение российского законодательства не только игнорирует общегуманистический аспект вопроса (см. об этом ниже), но также исходит из сомнительной презумпции, согласно которой на территории РФ не могут складываться такие социальные обстоятельства, которые заставляют людей покидать свои жилища (межэтнические конфликты на территории РФ или финал кинофильма «Чучело», например). Однако данное суждение о презумпции может складываться лишь потому что Энциклопедический юридический словарь (даже последнее его издание!) отказывает в терминологичности словосочетанию *вынужденный переселенец*, что ошибочно, ибо существует Федеральный закон «О вынужденных переселенцах», который дает четкое определение гражданину РФ не *беженцу*, но находящемуся в похожей ситуации. А именно *вынужденный переселенец* – это «гражданин Российской Федерации, покинувший место жительства вследствие совершенного в отношении его или членов его семьи насилия или преследования в иных формах либо вследствие реальной опас-

ности подвергнуться преследованию по признаку расовой или национальной принадлежности, вероисповедания, языка, а также по признаку принадлежности к определенной социальной группе или политических убеждений, ставших поводами для проведения враждебных кампаний в отношении конкретного лица или группы лиц, массовых нарушений общественного порядка». Значение же общеупотребительного слова *переселенец* – «человек, переселившийся или переселяемый с постоянного места жительства в новые, обычно необжитые места», как мы видим, совпадает со значением юридического термина лишь по показателю «движение», но добавляет признак «страдательности», причастие же *вынужденный* («вызванный какими-нибудь обстоятельствами, совершаемый не по своей воле») не приближает значения слова *переселенец* к терминологическому.

Принципиально иначе складываются отношения между словом общеупотребительного языка *безработный*, с одной стороны, и соответствующим юридическим термином, с другой. Слово *безработный* в толковых словарях русского языка толкуется как «не имеющий постоянной работы, заработка». Видимо, это толкование могло бы быть усовершенствовано, поскольку в таком виде оно, будучи слишком широким, подходит и для несовершеннолетнего, и для пенсионера, и для иждивенца. Наверное, более точно русское общеупотребительное слово *безработный* обозначает лицо, которое «может и хочет работать с целью заработка, но не в состоянии реализовать это свое желание». Таким образом, в этом случае мы сталкиваемся с необходимостью совершенствования филологического источника, в то время как юридический термин *безработный* достаточно точно отражает то, что стоит за словом *безработный* в наивном сознании: «трудоспособные (! – Д.М.) граждане, зарегистрированные в службе занятости в поисках подходящей работы и готовые (! – Д.М.) приступить к ней». Пожалуй, единственное

существенное различие между наивным и терминологическим значением состоит в том, что последнее требует соответствующего оформления «регистрации в службе занятости», отсутствующего в значении наивном. Именно это расхождение создает несоответствие количества официально зарегистрированных *безработных* (терминологическое значение) и количества трудоспособных людей, не имеющих работы, но ищущих ее, хотя и не зарегистрированных в службе занятости.

Весьма показательным для осмысления различий в наивном и юридическом подходе к лицам, пребывающим в «плохом» состоянии слово *инвалид*, естественно, существующее в толковых словарях русского языка, толкуемое как «человек, который полностью или частично лишен трудоспособности вследствие какой-нибудь аномалии, ранения, увечья, болезни», и отсутствующее в Энциклопедическом юридическом словаре. Однако есть Федеральный закон «О социальной защите инвалидов в РФ», где дано довольно сложное определение инвалида, а именно: *инвалид* – «лицо, которое имеет нарушение здоровья со стойким расстройством функций организма, обусловленное заболеванием, последствием травм или дефектами, приводящее к ограничению жизнедеятельности и вызывающее необходимость его социальной защиты».

Кроме того, в качестве термина выступает слово *инвалидность*, толкуемое как состояние лица, характеризующееся «длительной либо постоянной утратой трудоспособности, либо значительным ограничением ее». В зависимости от тяжести различают 3 группы инвалидности. Закон предусматривает различные причины инвалидности, каждая из которых имеет определенные правовые последствия.

Таким образом, юридическое, терминологическое представление об *инвалиде* как о человеке, «полностью или частично лишенном трудоспособности вследствие какой-либо аномалии, ранения, увечья, болезни», обогащается четкими указаниями как на степень такой ограни-

ченности, так и на причины и последствия такого состояния и, что особенно важно, на «необходимость социальной защиты». Иными словами, один и тот же феномен осмысливается, с одной, филологической, наивной стороны, как объект сочувствия, а с другой, юридической, терминологической, как предмет классификации по двум основаниям (степень и причина) и влекущий за собой в зависимости от результатов таких классификаций различную меру социальной поддержки и защиты.

С филологической точки зрения нельзя оставить без внимания и тот факт, что значение слова *жизнедеятельность* (не являющегося термином в праве) гораздо шире значения слова *трудоспособность*, которое в юриспруденции выступает и в роли термина, определяемого как «способность к трудовой деятельности, зависящая от состояния здоровья человека» (вспомним *листок нетрудоспособности*, часто именуемый *больничным*).

К сожалению, не получает терминологического толкования слово *малообеспеченный*, осмысляемое и в юридических текстах лишь на основе его расплывчатого толкования в филологических словарях (*мало* «плохо, неудовлетворительно» – по отношению к чему?). Однако в этом случае претензии должны быть предъявлены не столько к языку законодательства, сколько к самому законодательству (или к экономической ситуации в стране?), не способному внятно назвать абсолютные цифры ни биологического выживания, ни прожиточного минимума, ни черты бедности.

2. Наименования, обозначающие лиц как участников тех или иных общественных отношений

Ограниченность анализируемого материала не позволяет подробно исследовать все те разнообразные типы отношений людей (имущественные, трудовые, семейные и пр.), которые являются предметом но-

минации как в общеупотребительном языке, так и в юридических текстах.

Одним из наиболее важных слов из исследуемого списка представляется слово *гражданин*, определяемое в толковом словаре С.И. Ожегова как «лицо, принадлежащее к постоянному населению данного государства, пользующееся его защитой и наделенное совокупностью прав и обязанностей». Терминологическое определение *гражданина*, как это ни странно, отсутствует даже в Федеральном законе «О гражданстве РФ» и дается через определение термина *гражданство*, толкуемого как «устойчивая правовая связь человека с государством, выражающаяся в совокупности их взаимных прав, обязанностей и ответственности, основанная на признании уважения и достоинства, основных прав и свобод человека». Как мы видим, филологическое и юридическое представление о понятии *гражданин* расходятся в двух достаточно важных признаках. Во-первых, с правовой точки зрения *гражданин* какого-либо государства не обязательно должен постоянно проживать в этом государстве (как пример, *двойное гражданство*), и, во-вторых, права, обязанности и ответственность должны быть взаимными, что не предусмотрено толковым словарем. Остается только загадкой, что же в данном случае имеет в виду законодатель под термином *государство* (см. об этом в соответствующем разделе).

Существенно, что в качестве юридических терминов нередко выступают не просто отдельные слова, но целые словосочетания, значения которых представляет собою не просто сумму значений составляющих это словосочетание частей (*физическое лицо, доверительный управляющий, присяжные заседатели, судебный исполнитель* и др.).

С учетом этого обстоятельства рассмотрим те, встретившиеся в анализируемых текстах отдельные самостоятельные слова, семантиза-

ция которых в общеупотребительном языке и в языке юридических текстов не полностью совпадает.

Потребитель в филологических словарях толкуется как лицо или организация, потребляющая продукты чьего-либо производства. Этот же самый буквенный и звуковой комплекс как юридический термин означает существенно иное. Во-первых, в последнем случае подразумевается только отдельное лицо, а никак не организация. Во-вторых, имеются в виду не только продукты производства, но также работы и услуги. В-третьих, речь идет только о том случае, когда имеет место именно удовлетворение личных нужд, а не приобретение с целью получения прибыли, например, для последующей перепродажи. И, наконец, в-четвертых, *потребителем* лицо становится не в тот момент, когда оно получает (получило) соответствующий товар или услугу, но значительно раньше, даже не в момент заказывания, но уже в момент появления намерения получить соответствующий товар или услугу (см. о слове *беженец*). Как видно, этот юридический термин обладает абсолютно четкой дефиницией, дифференциальные признаки которой явно отграничивают его от таких смежных понятий, которые обозначаются, например, словами *покупатель*, *пользователь*, *перекупщик*, *заказчик*. Отсутствие других значений также повышает качество обсуждаемой номинации как юридического термина. Однако существование общеупотребительного омонима делает юридический термин *потребитель* несколько ложно ориентированным для не специалиста, обычно склонного переоценивать возможности своей догадки. И это обстоятельство нередко приводит к непониманию гораздо более опасному, чем в тех случаях, когда специальный термин не дает не специалисту никаких оснований для индивидуального семантизирования по моделям «народной этимологии».

Проблема неточно (ложно) ориентированных специальных терминов, как известно, неоднократно рассматривалась исследователями, хотя ей, как кажется, повезло несколько меньше, чем проблеме «ложных друзей переводчика», несмотря на то, что суть дела и в одном, и в другом случае абсолютно одна и та же. (Интерпретатору содержания текста, опирающемуся на собственные знания родного общеупотребительного языка и/или ограниченное знание чужого языка, кажется, что он знает значение встретившегося слова, однако его проекция своих ограниченных знаний на данный контекст или более или менее мотивированная догадка оказывается в конкретном случае ложной.)

Другим примером не точно (ложно) ориентированного юридического термина в области социальных отношений является слово *работник*. В наивном сознании, отраженном в филологических словарях, слово *работник* – это «тот, кто работает, трудится». Именно в этом смысле А.С. Пушкин говорит о Петре Первом, который «на троне вечный был работник». Именно в этом значении это общеупотребительное слово окружено множеством квазисинонимичных слов: *труженник* – о человеке, который работает больше и/или лучше нормы; *лодырь*, *лентяй* – о работающем меньше нормы или вовсе не работающем; *дармоед*, *захребетник*, *паразит* – о таком же человеке, однако с эмоциональным осуждением и с акцентом на «за счет других»; *пустопляс* (у М.Е.Салтыкова-Щедрина); *придурок* (у А.И. Солженицына) – об имитирующем работу; *Сизифов труд* – о бесполезной работе и т.п.

Выделяемые словарями два других значения, «наемный сельскохозяйственный рабочий» (как в пушкинской сказке «О попе и работнике его Балде» и «работник в какой-либо сфере» (работник искусств, музейный работник, научный работник), едва ли являются актуальными. Первое – по причине устарелости, второе – в силу возможности сведения к основному значению с учетом размытости отношений между

двумя «предметами», выражаемых либо формой родительного падежа, либо относительным прилагательным.

Несколько иное обозначает *работник* как юридический термин, подразумевающий «лицо, работающее по трудовому договору (контракту), подчиняющееся внутреннему трудовому распорядку предприятия (учреждения)». Оказывается, что юридический термин по сравнению с общеупотребительным словом значительно сужает круг лиц, называемых *работниками*, признавая таковыми лишь тех, кто не только соблюдает внутренний распорядок (что вполне естественно, однако, оставляет неясным, какие именно несоблюдения внутреннего распорядка лишают лицо статуса работника), но и оформил это документально, причем именно в форме трудового договора. Договор подряда, поручения, возмездного оказания услуг, авторский договор не дают *работнику* (в общеупотребительном значении) статуса *работника* (в юридическом смысле).

В связи с этим нельзя не остановиться подробнее на широко распространенном в последнее время клише *работники бюджетной сферы*. Не являясь в строгом смысле юридическим термином, это словосочетание обозначает тех *работников* (в юридическом смысле), которые заключили трудовые договоры с государственными учреждениями (предприятиями), т.е. такими, финансирование которых осуществляется за счет федерального или местного бюджетов. И в этом смысле словосочетания *работники государственных учреждений* и *работники бюджетной сферы* (с учетом различий слова *работник* в общеупотребительном и юридическом языке) являются полными синонимами.

Очевидно, что среди работников государственных учреждений (работников бюджетной сферы) существуют разные категории, выделяемые как по признаку «тип предприятия или учреждения» (завод, школа, больница, музей, суд, отделение милиции, воинская часть, орган управ-

ления, федерального или местного, и т.п.), так и по признаку «характер деятельности работника» (рабочий, учитель, врач, руководитель разного уровня, делопроизводитель, шофер, завхоз, артист и т.д.) с учетом его квалификации, опыта, таланта и т.п.

Однако законодатели нашего демократического государства предпочли не решать задачу классификации работников разных типов, зато поспешили разделить названную категорию работников на две группы: группу государственных служащих (которыми являются граждане Российской Федерации, исполняющие в порядке, установленном федеральным законом, обязанности по *государственной должности государственной службы* за денежное вознаграждение, выплачиваемое за счет средств федерального бюджета или средств бюджета соответствующего субъекта Российской Федерации), законодательно закрепив за ними множество привилегий и льгот, и всех остальных. Причем в эту привилегированную группу работников попали не народные артисты или заслуженные врачи, не выдающиеся ученые или талантливые руководители учреждений образования и культуры, но чиновники различных органов государственного и местного управления. Иными словами, среди работников государственных учреждений (бюджетной сферы) оказалась группа чиновников (по советской полуофициальной терминологии, номенклатуры), которой не задерживают зарплату, не назначают нищенскую пенсию, не адресуют в медучреждения без аппаратуры и лекарств... Заслуживает удивления тот факт, что все наши средства массовой информации, так много пишущие о тяготах жизни работников государственных предприятий и учреждений (вузов, школ, музеев, больниц), называя их еще и работниками бюджетной сферы, совершенно забывают о том, что полностью попадающие под это же самое определение субъекты закона «Об основах государственной

службы»¹⁹ законодательно и фактически ограждены от подобных сложностей современной жизни.

Не менее оскорбительный для бедствующего российского избирателя закон «О статусе депутата», предусматривающий для непосредственно законодателей более чем комфортные условия жизни, хотя бы лишен той лжи и ханжества, которые возникают при употреблении словосочетания *работники государственных учреждений (бюджетной сферы)*, не распространяемого на государственных служащих.

Еще одним не слишком удачным юридическим термином является *кредитор*, толкуемый в юридическом тексте и в узком и в широком смысле и уже в силу этой своей неоднозначности не удовлетворяющий требованиям, предъявляемым к терминам. В узком смысле общеупотребительное и юридическое кредитор обозначают одно и то же: «тот, кто предоставляет кому-либо кредит» и «сторона кредитного договора, предоставляющая другой стороне (заемщику) денежные средства (кредит) на условиях возвратности и платности». (Оставляем в стороне вопрос о возможности и необходимости совершенствования филологического толкования в свете требований современной семантики).

Однако в гражданском праве *кредитор* обозначает ту сторону в обязательстве, которая имеет право требовать от другой стороны – должника – исполнения обязанности совершить определенные действия (передать имущество, выполнить работу, уплатить деньги и т.п.) либо воздержаться от определенных действий. В двусторонних договорах обе стороны выступают в качестве *кредиторов*, существуют также обязательства, в которых выступают сразу несколько *кредиторов* (в широком юридическом смысле).

¹⁹ Федеральный закон от 31 июля 1995 г. N 119-ФЗ «Об основах государственной службы Российской Федерации» (с изменениями от 18 февраля 1999 г.).

Похожие различия в объеме значения существуют и между общеупотребительным словом *представитель* и юридическим термином *представительство*. (Сравним со сходным формальным и семантическим противопоставлением общеупотребительного *гражданин* и юридического *гражданство* выше.) В наивном сознании слово *представитель* может обозначать и лиц, и не-лиц, семантизируясь как «типичный образец». Обозначая лиц, *представитель* может выступать не только как «типичный образец», но и как «выразитель чьих-либо интересов и взглядов». В отличие от такого широкого понимания значение юридического термина *представительство* носит более конкретный характер: «правоотношение, в силу которого одно лицо может совершать юридические действия от имени другого лица». Существенно, что в этом случае законодательство не связывает *представительство* с непременно установленным документальным оформлением, но распространяет *представительство* и на те случаи, когда «действия от имени другого лица» абсолютно ясны из обстановки (например, продавец в розничной торговле, кассир). Можно утверждать, что в этом случае юриспруденция использует исключительно важное для лингвистики понятие пресуппозиции, формально не выраженного компонента смысла, хотя и не оговаривает этого специально. Едва ли апелляция к такой многоплановой и трудно формализуемой области знания способствует совершенствованию юридического термина. Также не способствует терминологичности *представительства* и наличие у него еще и значения «обособленное подразделение юридического лица, расположенное вне места его нахождения, которое представляет интересы юридического лица и осуществляет их защиту». Очевидно, что в этом смысле имеет место регулярная многозначность «лицо или организация» – место нахождения этого лица или организации, например, *Берлин* как географическое понятие и как руководство

Германии или, в зависимости от контекста, обозначение немецких партнеров, руководителей.

В то же время законодательство специально оговаривает те случаи, когда *представительство* в наивном смысле не является *представительством* юридическим, а именно, когда лица действуют, хотя и в чужих интересах, но от своего имени: *душеприказчики при наследовании, коммерческие посредники, конкурсные управляющие при банкротстве* и т.п.

Почти таким же образом складываются отношения между словом *депутат*, называемым в общеупотребительном языке 1) «выборного представителя, члена выборного государственного учреждения» и 2) «уполномоченное лицо, направленное куда-нибудь для выполнения какого-нибудь поручения», и юридическим термином *депутат*, обозначающим только «лицо, избранное в законодательный или иной представительный орган государственного или местного самоуправления».

3. Собирательные наименования лиц

Без сомнения, важнейшим в этой группе наименований является слово *народ*. К сожалению, в юридической науке претендующее на терминологическое употребление слово *народ* не может рассматриваться как удачный термин, поскольку оно не является однозначным, но одновременно может обозначать и «все (!) население данного государства, образующее единую социально-экономическую и политическую общность, независимо от деления его на какие-либо национальные общности», и «обособленную от других национально-культурную общность, которая может и не быть связана с территорией какого-либо государства». Справедливости ради следует отметить, что для второго значения в последнее время чаще употребляется слово *нация*, что дает,

например, основания говорить о многонациональном народе Российской Федерации. Однако этот процесс, объективно ведущий к терминологизации слова *народ* едва ли закончен.

Еще больше неясностей возникает со словом *народ* в его общеупотребительных значениях, среди которых, помимо уже отмеченных двух, выделяются еще и «основная трудовая масса населения», а также «то же, что люди». Именно поэтому тексты, содержащие слово *народ*, строго говоря, принципиально не семантизируются однозначно, а выражения типа *весь народ, от имени народа (одобрять, клеймить, поддерживать и т.п.)* обычно представляют собою яркие примеры социальной демагогии.

Встретившиеся в анализируемом материале и относящиеся к группе собирательных наименований лиц слова *население* и *персонал*, не являясь терминами, выступают в юридических текстах в своем общеупотребительном значении, обозначая соответственно «жителей какого-либо места» и «личный состав или работники учреждения, предприятия, составляющие группу по профессиональным или иным признакам».

В связи с собирательными наименованиями лиц необходимо отметить, что в Энциклопедическом юридическом словаре не проводится последовательно та очевидная для лингвистики мысль, что обозначения разнообразных коллективных органов, такие, например, как *избирательные комиссии, кабинет министров, коллегия присяжных заседателей, кассационный суд, парламент, комиссии и комитеты Государственной Думы* и т.п., называют одновременно и совокупность конкретных лиц, объединение которых и создает соответствующий орган. Глубокое теоретическое понимание этого очевидного факта, искусно завуалированного нерасчлененной номинацией (сравни *избирательная комиссия* или *все (большинство) члены избирательной комиссии, парламент* или *парламентарии*) совершенно необходимо для того, чтобы

понять те механизмы, которые, используя разнообразные человеческие слабости, не только могут, но в реальности противодействуют любому коллективному органу наилучшим образом исполнять те функции, для осуществления которых он в соответствии с законами и обычаями предназначен. Самый факт исполнения даже детально прописанных действий людьми, с их заблуждениями и предрассудками, пристрастиями и антипатиями, корыстностью и человеколюбием, властолюбием и трусливостью, с их родственными и любовными чувствами, создает основу для отнюдь не идеального функционирования даже идеального законодательства. Именно это обстоятельство, что различные коллективные органы состоят из отдельных людей, дает основу для лоббирования и взяточничества, хотя одновременно дает возможность разным людям выражать интересы и взгляды различных групп людей, позволяя таким образом достигать некоторого баланса интересов в обществе. Собравшиеся в неофициальной обстановке члены (или большинство членов) какого-либо коллективного органа не могут принимать решения от имени этого органа, хотя на практике именно такие неофициальные встречи и определяют затем решения, принимаемые уже соответствующим органом.

Именно очевидность обсуждаемой многозначности и приводит, в частности, к тому, что Энциклопедический юридический словарь толкует, например, *президиум* как «группу лиц (!–Д.М.), коллегию, избранную для руководства собранием, совещанием, или постоянный руководящий орган (? – Д.М.) государственных органов, партийных организаций». Получается, что собранием, совещанием руководит «группа лиц», а не «орган», а государственным органом (что это такое в данном контексте? – Д.М.) – «орган», а не «группа лиц», хотя, в действительности, и в одном, и в другом случае руководителем является и «группа

лиц» (со всеми их человеческими качествами), и «орган», функции которого более или менее строго очерчены.

По-видимому, исходя из вышесказанных соображений могли бы быть усовершенствованы многие статьи Энциклопедического юридического словаря (*Государственная Дума, конституционный суд* и т.п.), в которых вопросы об «органе» вытеснили или почти вытеснили (за самоочевидностью?) вопросы о «лицах», составляющих этот орган.

Принципиально те же соображения относятся и к тем статьям Энциклопедического юридического словаря, в которых толкуются названия различных должностей (*мэр, глава правительства, омбудсман* и т.п.), где акцент делается на лице, которое, занимая соответствующую должность (пост), характеризуется определенным набором функций и порядком занятия соответствующей должности (поста). С лингвистической точки зрения здесь такая же регулярная многозначность (двузначность!): 1) «должность» и 2) «лицо, занимающее эту должность». Лишь такое последовательное различие не только позволяет понять те расхождения между написанным в законах и реально осуществляемым, о чем уже говорилось выше, но и понять такие вполне обычные предложения, как *NN был плохим (хорошим) мэром* («лицом, занимавшим пост мэра») или *выдвинуть NN в мэры* («на должность мэра»), ведь в обоих случаях речь идет о лице, связанном (в прошлом или возможном будущем) с должностью мэра, а не о самой должности, что не слишком четко различает законодатель.

СЛОВА, ОБОЗНАЧАЮЩИЕ ИМУЩЕСТВЕННЫЕ И ФИНАНСОВЫЕ ОТНОШЕНИЯ КАК ЕДИНИЦЫ ЛЕКСИЧЕСКОЙ СИСТЕМЫ ЯЗЫКА И КАК ЮРИДИЧЕСКИЕ ТЕРМИНЫ

В законодательном материале среди слов, принадлежащих к обозначению имущественно-финансовых отношений, оказалось немало таких, которые не выступают в качестве строгих юридических терминов. Среди них: *баланс, безвозмездный и бесплатный*, выступающие в качестве полных синонимов и противопоставления *бескорыстному* как «лишенному выгоды, материальной пользы», *взнос, сбор, пошлина*, противопоставленные *налогу* (см. ниже), *доход, расход, затраты, смета, плата, оплата, продажа, субсидировать, счет*.

Кроме того, ряд слов, относящихся к рассматриваемой сфере, имеют в общем употреблении и как юридические термины почти совпадающие значения. Это *аукцион*, определяемый в юриспруденции как «продажа с публичных торгов, при которой продаваемый товар или имущество приобретаются лицом, предложившим наибольшую цену». А также *платежное поручение*, понимаемое юристами как «расчетный документ, содержащий письменное указание плательщика банку о перечислении с его счета определенной суммы на счет получателя», толковый словарь С.И. Ожегова у слова *поручение* такого значения не выделяет.

Весьма характерно, на первый взгляд, несущественное различие в определении значения слова *таможня*, которая у юристов «государственный орган, через который должны ввозиться в страну и вывозиться с ее территории все импортируемые и экспортируемые товары, а также багаж, почтовые отправления и другие грузы», а в общем употреблении «учреждение, ведающее контролем за ввозом из-за границы и вывозом за границу товаров и взиманием пошлин и сборов». Иными словами, в

наивном сознании *таможня* – это прежде всего место, где необходимо платить, в то время как в юридическом представлении это прежде всего «государственный орган», без участия которого невозможно перемещение через границу любых материальных объектов. В наивном сознании принадлежность органа, равно как и точный перечень объектов его компетенции явно подавлены функциями фискальными.

Более точно определены в законодательстве терминологические значения слов *доверенность* и *договор*. Первое характеризуется не только по сути, совпадающей с общеупотребительным значением слова, но также по порядку оформления и, что особенно важно, по сроку действия. Слово *договор*, филологически толкуемое как «соглашение о взаимных обязательствах», в гражданском праве понимается как «соглашение двух или более лиц об установлении и прекращении гражданских прав и обязанностей, разновидность сделки». Отмечается также, что в юриспруденции слово *договор* неоднозначно, поскольку оно может обозначать и гражданское правоотношение, возникшее из договора, и документ, в котором изложено содержание договора, заключенного в письменной форме.

Более серьезно в обсуждаемой сфере расходятся в общем и специальном, юридическом употреблении такие слова и словосочетания как *банк*, *бухгалтерский учет*, *бюджет*, *владение*, *имущество*, *налог*, *сделка*.

Согласно толковому словарю С.И. Ожегова *банк* – «крупное кредитное учреждение», иными словами, в наивном сознании это то учреждение, которое, во-первых, характеризуется сферой деятельности и, во-вторых, размером. Юридическое определение гораздо более точно разъясняет, какие именно виды деятельности позволяют кредитной организации называться *банком*: «наличие исключительного права осуществлять в совокупности следующие банковские (! – Д.М.) операции:

привлечение во вклады денежных средств физических и юридических лиц, размещение указанных средств от своего имени и за свой счет на условиях возвратности, платности, срочности, открытие и ведение банковских счетов физических и юридических лиц». Широко распространенное, особенно среди людей старшего поколения, именование отделений банков *сберегательной кассой* (ср. *касса взаимопомощи, черная касса*) акцентирует в названии лишь одну функцию банка, «полезную» для населения, функцию сбережения денег, вне зависимости от уровня инфляции и стабильности всей системы финансов. Именно к этому призывала мощная рекламная кампания советских времен, от которой сохранились даже прецедентные высказывания типа «*Кто куда, а я – в сберкассу*», «*Брось кубышку – заведи сберкнижку*», «*В сберкассе деньги накопил – путевку на курорт купил*», «*Надежно, выгодно, удобно хранить деньги в сберегательной кассе*» и т.п.

Та же детальность и точность отличает юридическое понимание *бухгалтерского учета* от филологического, поскольку в первом речь идет не просто о «счетоводстве и учете», но о «производимом на основе хозяйственной документации **сплошном, непрерывном и взаимосвязанном** (выделено мною – Д.М.) отражении хозяйственной деятельности предприятия в **стоимостном выражении**» (выделено мною – Д.М.).

Слово *бюджет* в наивном сознании это, во-первых, «смета доходов и расходов государства, предприятия или лица на определенный срок», где под словом *смета* понимается «исчисление предстоящих доходов и расходов», и, во-вторых, «что-то средства к существованию, доходы и расходы». В юридической терминологии речь идет лишь о *бюджете государственном*, определяемом как «форма образования и расходования денежных средств для обеспечения функций органов государственной власти». Это определение заслуживает серьезного вни-

мания. Получается, что *государственный бюджет* – это форма образования доходов и расходов. Отказавшись от критики не очень ясной формулировки *форма образования*, сделаем весьма вероятное допущение, что таким образом обозначаются способы и источники получения доходов, а также перечисляются траты. При этом приложением трат выступают не очень ясные *функции органов государственной власти*. Видимо, главнейшая функция органов государственной власти – это самосохранение, достойное материальное обеспечение и даже увеличение. Наверное, авторы формулировки не хотели сказать то, что они сказали, и формулировка, касающаяся объектов трат, должна быть сокращена до *обеспечения функций государственной власти*, в том числе и обеспечение функционирования самих органов этой власти. При такой постановке вопроса на первый план выходит вопрос о перечне тех функций государственной власти, которые, помимо ее собственного содержания (статья расходов на содержание государственного, административно-управленческого аппарата) должны быть обеспечены. Защита от внешней угрозы, поддержание общественного порядка, социальное обеспечение населения, содержание системы образования и здравоохранения? Составляют ли эти сферы *функции государственной власти*, и какова необходимая и достаточная степень их *обеспечения*? Именно эти вопросы остаются совершенно неясными при определении юридического термина *государственный бюджет*.

В связи с этим специального внимания заслуживает широко распространившееся в последние годы прилагательное *внебюджетный* (*фонд, ставка, сотрудник* и т.п.), относящееся к сфере, которая должна обеспечиваться государственной властью (за счет *бюджета*), но в действительности обеспечивается ею настолько плохо, что требует привлечения еще *внебюджетных средств*, превращая, таким образом, соответствующую область из предмета обеспечения усилиями государст-

венной власти, в такую область, где «спасение утопающих – дело рук самих утопающих». Только почему эта область продолжает считаться *бюджетной*, т.е. такой, поддержание которой является функцией государственной власти, или, как написано в Энциклопедическом юридическом словаре, функцией органов государственной власти? (См. также о словах *бюджетник, работник бюджетной сферы*)

Те же неясности в отношении круга обязанностей, которые берет на себя государство, и качества их выполнения отражены в слове *налог*, семантизируемом в толковом словаре С.И. Ожегова как «установленный (кем? – Д.М.) обязательный платеж, взимаемый с граждан и юридических лиц», где слово *платеж* просто «уплачиваемая сумма». Иными словами, в наивном сознании *налог* – это денежная сумма, не очень понятно, за что и на что собираемая с граждан и юридических лиц. Зато правовое толкование, кажется, вносит в этот вопрос ясность, определяя *налог* как «обязательный индивидуальный безвозмездный (две последние очень важные характеристики в филологическом толковании отсутствуют) платеж, взимаемый с организаций и физических лиц в форме отчуждения принадлежащих им на праве собственности, хозяйственного ведения или оперативного управления (в наивном сознании это не различается) денежных средств, в целях обеспечения деятельности государства и/ или муниципальных образований».

Разумеется, слова *деятельность государства и/ или муниципальных образований* лучше чем ничего, однако они мало что проясняют конкретно и уже тем более не дают возможности для контроля над тем, насколько эффективно (и честно!) использован «обязательный индивидуальный безвозмездный платеж, взимаемый... в форме отчуждения денежных средств». Возникающий в общественном сознании вопрос о принципиальном отличии обсуждаемой ситуации от *рэкета* (слово, сравнительно недавно появившееся в русском языке), без сомнения,

провоцируется, в частности, и размытостью формулировок относительно целей использования отчуждаемых денежных средств.

Весьма запутанные отношения характеризуют положение слов *собственность, владение и имущество* в общем употреблении, с одной стороны, и в юриспруденции, с другой.

Юристы понимают *собственность* как «право конкретных лиц на определенные объекты (имущество), вводимое, как правило, к трем полномочиям: праву владения, праву пользования и праву распоряжения имуществом». Иными словами, *владение* является лишь одной из частей полномочий собственника, заключающейся в «фактическом обладании вещью, создающем для обладателя возможность непосредственного воздействия на вещь». Таким образом, *владельцем* вещи может быть и не ее собственник (см. выше), а арендатор, перевозчик переданных ему для транспортирования вещей, хранитель имущества и т.п.

Имуществом юристы называют три несколько различных, но взаимосвязанных понятия: 1) «совокупность вещей и материальных ценностей, состоящих в собственности физического или юридического лица», 2) первое значение с добавлением имущественных прав на получение вещей или имущественного удовлетворения от других лиц (актив), 3) второе значение без учета имущественных обязанностей, характеризующих положение их носителя. Таким образом, юридическая наука требует различать имущество, находящееся в собственности субъекта, и имущество на которое в данный момент не распространено право владения, зато распространяются другие права, включаемые в право собственности. При этом учитываются как права, увеличивающие имущество субъекта, так и обязанности, это имущество уменьшающие. Остается только пожалеть, что каждый из этих трех случаев понимания содержания слова *имущество* не имеет специального тер-

мина, закрепляющего формально это абсолютно понятное различие в содержании.

Итак, в юриспруденции четко определено понятие *собственности*, частным составляющим которой является *владение*, и понятие *имущество*, которое может быть интерпретировано тремя разными способами.

Совсем не то в общеупотребительном языке, где *владение* может обозначать и «наличие в своей собственности», и «недвижимое имущество, участок». *Собственность* может обозначать и «имущество, принадлежащее кому-либо», и «принадлежность с правом распоряжения». *Имущество* в толковом словаре С.И. Ожегова толкуется как «то, что находится в чьей-либо собственности, принадлежит кому-то».

Совершенно очевидно, насколько наивное сознание отстало от тех ясных дефиниций, которые дает юридическая наука столь важным для точного и глубокого осмысления имущественных отношений понятиям. Можно лишь пожалеть о том, что разнообразные совпадения формы выражения различных понятий, консервируя отставание наивного сознания, мешает ему двигаться в направлении более точного именовании различных и избегать одного и того же именовании сущностей различных.

В заключение рассмотрим еще одно слово из списка, значение которого в языке юристов не полностью совпадает с общеупотребительным. Речь идет о слове *сделка*, которое в гражданском праве определяется как «действия граждан и юридических лиц, направленные на установление, изменение или прекращение гражданских прав и обязанностей». В силу чрезвычайно широкого значения слова законодательство дает классификацию *сделок* по разным основаниям (в частности, по количеству участников, допуская двух и многосторонние и односторонние сделки), определяет правила заключения сделок, требования к субъектам

соответствующих действий, порядок отмены сделок, совершенных с нарушением законодательства и т.п. В общеупотребительном языке *сделка* понимается значительно уже, как «договор о выполнении чего-нибудь». При этом слово *сделка* имеет в современном русском языке коннотацию неодобрительности, толковый словарь С.И. Ожегова выделяет и второе значение «неблаговидный предосудительный сговор». В наивном сознании *сделка* противопоставлена тому, что следовало бы делать по совести, по любви, по нравственности (*сделка с совестью, это не брак по любви, а просто сделка*). В этом отношении общеупотребительно слово *сделка* противопоставлена нейтральным словам *договор* или *соглашение*. Эти же коннотации у слова *сделка* представлены и в политическом дискурсе (*мюнхенская сделка* о сдаче Чехословакии Гитлеру) или *политическая сделка* (о компромиссном соглашении между субъектами, к которым автор относится отрицательно).

СЛОВА, ОБОЗНАЧАЮЩИЕ ДОКУМЕНТЫ КАК ЭЛЕМЕНТЫ ЛЕКСИЧЕСКОЙ СИСТЕМЫ ЯЗЫКА И КАК ЮРИДИЧЕСКИЕ ТЕРМИНЫ

В юриспруденции слово *документ* выступает как однозначное и семантизируется как «материальный объект с информацией, закрепленной созданным человеком способом для ее передачи во времени и в пространстве. В автоматической информационно-поисковой системе – любой объект, внесенный в память системы». Не станем углубляться в сложный вопрос о том, всякая ли информация, «закрепленная созданным человеком способом для ее передачи во времени и пространстве», выступая в форме материального объекта, становится *документом* в юридическом смысле этого слова. Обратим внимание на то, что в наивном сознании *документ* – это либо «письменное свидетельство о чем-то», либо «бумага, подтверждающая какой-нибудь факт или право на что-то, а также удостоверяющая личность предъявителя» (последнее значение в толковом словаре С.И. Ожегова расчленяется на два).

В анализируемом материале у ряда слов и словосочетаний юристы выделяют значение «документ» как образующее их единственное значение: *платежное поручение, доверенность* (см. об этих словах в разделе, посвященном имущественным и финансовым отношениям), а также *акт коммерческий*, понимаемый в праве как «документ, составляемый в случае обнаружения в пункте назначения недостачи, повреждения или порчи груза». Заметим, что слово *акт* в наивном сознании соотносится не только с ситуацией перевозки, но и со многими другими ситуациями: *акт о задержании, акт о протечке, подписать акт о передаче дел* и т.п. Толковый словарь русского языка, выделяя у слова *акт* значение «документ, удостоверяющий что-то», отмечает у него ряд других значений: 1) «единичное действие, а также поступок, проявле-

ние действия»; 2) «часть пьесы»; 3) «закон, постановление государственных органов или общественных организаций (что абсолютно невозможно с юридической точки зрения! – Д.М.)»; 4) «в учебных заведениях – торжественное собрание, посвященное какому-либо событию».

В то же время встретились такие слова и словосочетания, у которых значение «документ» вступает наряду с иными. Это слово *договор* (см. в разделе, посвященном имущественным и финансовым отношениям), а также словосочетание *акт дипломатический*, трактуемое как 1) «выраженное в письменной форме (документ? – Д.М.) официальное выступление..., имеющее целью вызвать определенные желательные для адресанта (инициатора, отправителя) правовые, политические, экономические и другие последствия» и 2) «выступления..., выражающиеся в различного рода дипломатических акциях (не *актах!* – Д.М), де-маршах и других действиях».

Последние примеры отчетливо показывают, что право в принципе различает, с одной стороны, сами действия, отношения, сущности и т.п., а с другой – их материальные, обычно письменные подтверждения, формальное закрепление. В наивном сознании такому противопоставлению соответствуют афоризмы типа: *Не продается вдохновенье, но можно рукопись продать* (А.С. Пушкин), *вещественные знаки не вещественных отношений* (И.А. Гончаров), или даже *без бумажки ты бумажка, а бумажкой – человек*. В то же время у таких представленных в анализируемом материале слов как *кодекс, конституция, устав* ни юридические, ни толковые словари не выделяют значения «документ». Впрочем, в юридическом толковании слова *конституция* содержится не только указание на содержательный характер и верховенствующую роль представленных в ней положений, но и говорится о том, что «в материальном смысле конституция представляет собой **писанный акт** (выделено мной – Д.М.), совокупность актов или конституционных

обычаев...», хотя это значение не выделяется как самостоятельное (ср., например, *договор*). В общеупотребительном языке значение «написанный документ, текст» представлено в таких, например, выражениях, как *давать клятву, положив руку на Конституцию* (на материальный объект, представляющий собою текст Конституции). Сравним с такой же многозначностью слов *евангелие, библия* или словосочетания *священное писание*.

Точно таким же образом не отражается ни толковыми словарями, ни юридическими источниками аналогичная двузначность слова *кодекс*, трактуемого в праве однозначно как «систематизированный законодательный акт (без определения «писанный» в отличие от *конституции* – Д.М.), в котором содержатся нормы какой-либо отрасли права». В толковом словаре С.И. Ожегова *кодекс* – это 1) «свод законов»; 2) «совокупность правил, убеждений»; 3) «старинная рукопись». Следовательно, оказывается неотмеченным то значение слова, которое выступает в таких, например, случаях, как *купить уголовный кодекс, посмотреть в гражданском кодексе*, где речь явно идет о материальных объектах (книгах, брошюрах), содержащих соответствующий текст.

Такое же небрежение в отношении обсуждаемого значения «текст» проявляют источники обоих типов и к слову *устав*, трактуя его как однозначное «свод правил», лишь с более подробной детализацией в праве по сравнению с обычными толковыми словарями.

Такая общая непоследовательность в разграничении двух разных сущностей особенно досадна на фоне законодательно оформленного требования, согласно которому закон вступает в силу лишь после опубликования текста закона, дипломатический представитель начинает свою миссию лишь после вручения верительной грамоты и т. п.

В обыденном сознании получение различных уровней образования, степеней и званий, например, связывается не столько со сдачей экзаме-

нов, защитой дипломных работ и диссертаций, сколько с получением соответствующих документов.

Рассмотрение достаточно широкого круга слов в числе и не фигурирующих в анализируемом материале и имеющих значение «документ» либо в качестве единственного, либо в качестве неединственного, показало, что в связи с нашей темой словам в соответствующих источниках явно «не повезло». Многие из них – *заказ, отчет, план, проект, смета, счет, требование* (из анализируемого материала), а также *аттестат, диплом, квитанция, паспорт, справка* – отсутствуют в Энциклопедическом юридическом словаре. В том же источнике у таких, например, словосочетаний, как *трудовой договор (контракт)* или *сберегательная книжка* вовсе не отмечается значение «документ». Этим значением, как единственным, характеризуются *расписка, трудовая книжка*, а также *книжка АТА и книжка МДП и свидетельство о происхождении*.

С другой стороны, толковый словарь С.И. Ожегова, например, не выделяет значения «документ» у слов *план* и *отчет*, хотя для последнего фигурируют в качестве примеров *финансовый отчет* с пояснением в скобках «документ (! – Д.М.) об израсходовании средств» и *взять деньги под отчет* с пояснением в скобках «с последующим представлением отчета» (в форме документа, называемого *авансовый отчет* – Д.М.). Сравним, например, широко употребительное требование *сдать отчеты* (планы, сочинения, изложения, контрольные работы и т.п.), где речь идет заведомо о материальных объектах, представляющих собою соответствующие писанные тексты.

Наименования действий как элементы лексической системы языка и как юридические термины

Законодательный материал содержит множество существительных, образованных от глаголов и, по крайней мере, в одном из своих значений представляющих результат синтаксической деривации. Как известно, суть синтаксической деривации состоит в том, что в результате деривации меняется лишь принадлежность слова к определенной части речи, а собственное семантическое содержание остается неизменным²⁰. В то же время, как известно, существует немало случаев, когда, например, отглагольные существительные относятся к синтаксической деривации лишь в одном из своих значений, в то время как другое (другие) значение (значения) этих дериватов представляют собой деривацию лексическую, связанную не только с изменением частеречных признаков, но с получением новых семантических характеристик. Сравним, например, *охрана* как существительное от глагола *охранять* и как «группа (людей, кораблей и т.п.), охраняющая что-либо»; *население* как существительное от глагола *селить* и как «населенный пункт, а также вообще место, где кто-либо живет, обитает», и как «принудительное водворение на жительство в отдаленном месте в наказание за что-то»²¹.

Таким образом, для рассматриваемых слов как единиц юридического текста особую важность приобретает вопрос об объеме их значения, а именно вопрос о том, включают ли они в себя только синтаксическую деривацию или и лексическую тоже и, если да, то какую именно.

К сожалению, в юридических текстах такое разграничение почти никогда не проводится, что создает серьезные трудности в семантиче-

²⁰ см. Курилович Е. Очерки по лингвистике. М., 1960. Деривация лексическая и синтаксическая

²¹ см. Ю.Д.Апресян. Избранные труды. Том 1. Лексическая семантика. Синонимические средства языка. М., 1995

ской интерпретации соответствующих текстов. Дело осложняется тем, что обсуждаемые отглагольные существительные становятся предметом юридической терминологии не сами по себе, а лишь как стержневые слова словосочетаний, являющихся юридическими терминами, например, *ликвидация юридического лица, отказ от товара в пользу государства, регистрация избирателей, опубликование (обнародование) закона, финансирование под уступку денежного требования* и т.п.

Рассмотрим сначала те юридические термины, которые в силу семантики общеупотребительных дериватов от глаголов могут в принципе допускать неоднозначное толкование.

Ликвидация юридического лица толкуется юристами как «прекращение юридического лица без перехода прав и обязанностей в порядке правопреемства к другим лицам». Очевидно, что слово *прекращение* в общеупотребительном языке скорее всего указывает на некоторый результат, в то время как общеупотребительное *ликвидация*, образованное от двувидового глагола *ликвидировать* «произвести (-водить) ликвидацию чего-то» скорее всего двузначно, поскольку может обозначать и результат, и процесс. Самое удивительное состоит в том, что Энциклопедический юридический словарь, после того как он истолковал «ликвидацию юридического лица» как «прекращение», т.е. как результат, подробно описывает в той же статье сам процесс, приводящий к «прекращению». Видимо, это процесс тоже называется, как и в общеупотребительном языке, *ликвидацией*, однако, два этих разных явления юристами, как кажется, по крайней мере, в соответствующей номинации не различаются.

В связи с этим нельзя не обратить внимания, что в соответствующем сложном по форме определении юристами допускается синонимическая замена *ликвидация – прекращение*, что косвенно также свидетельствует о плохо осознаваемой необходимости специального обозначения не только «прекращения» и «результата ликвидации», но и процесса (тоже ликвидация?), приводящего к такому результату.

Подобные же вопросы о необходимости разграничивать результат и процесс возникают также и в связи с синонимичными юридическими терминами *реорганизация юридического лица* и *преобразование юридического лица*. Кроме того, самый факт полной синонимии – обозначение одного и того же понятия разными формальными средствами – не относится к числу терминологических удач. При этом сказывается, что частным случаем реорганизации (преобразования) юридического лица является «прекращение или иное изменение его деятельности». В общеупотребительном языке, как известно, значение слов *прекращение*, с одной стороны, и *преобразование* и *реорганизация*, с другой, находятся в отношениях взаимного исключения.

Точно таким же образом, как кажется, следует различать процесс и результат для таких «совмещенных» юридических понятий как, например, *приватизация государственной и муниципальной собственности, регистрация избирателей, регистрация гражданства*.

Несколько более сложно устроены юридические термины, имеющие в качестве стержневого слово *отказ*. *Отказ от наследства* и *отказ от товара в пользу государства* (см. в соответствующем разделе о семантике слова *государство* и привилегированности того, что за ним скрывается), обозначают такое действие, одномоментность которого подразумевается, а результат возникает немедленно после его совершения. Зато *отказ от права собственности* понимается именно как действие, поскольку «не влечет прекращение прав и обязанностей собственника в отношении имущества до приобретения прав на него другим лицом», т.е. не только не достигает немедленного результата, но оставляет само это достижение в принципе проблематичным.

Точно таким же образом только действие (действия), но не результат обозначает такой юридический термин как *обеспечение доказательств*, обозначающий процедуру обеспечения до суда доказательств,

по поводу которых лицо может сомневаться, будет ли их получение затруднено или вовсе невозможно впоследствии. Несколько менее ясно семантическое содержание термина *обеспечение иска*, трактуемое юристами как «совокупность мер (действий! – Д.М.), обеспечивающих реальность исполнения (направленность на результат, но не его достижение! – Д.М.) будущего судебного или арбитражного решения и выступающего как одна из гарантий (? – Д.М) интересов истца».

В то же время обследованный материал дает и такие примеры, в которых отглагольные существительные следует однозначно понимать как обозначение результата соответствующего действия. К таким случаям относится *опубликование (обнародование) закона* – «доведение закона до всеобщего сведения путем напечатания его в определенном издании», хотя, быть может, с точки зрения работника издательства и типографии эта номинация относится и к процессу, однако же подавляющее большинство читателей закона будут здесь видеть только результат. По-видимому, сюда же относятся и *гарантии процессуальные* – «система правовых средств (не действий! – Д.М.), установленных законом для осуществления и отправления правосудия...» и *гарантия банковская* как «один из способов (не действий! – Д.М.) обеспечения и исполнения обязательств». Явно на результат ориентирован и термин *финансирование под уступку товара*.

Несколько не повезло в Энциклопедическом юридическом словаре термину *охрана труда*, трактуемому там как «совокупность законодательных актов (см. раздел о документах), организационных, технических, гигиенических и лечебно-профилактических мероприятий (действий! – Д.М) и средств, обеспечивающих безопасность, сохранение здоровья и работоспособности человека в процессе труда». Конечно, в этом терминологическом словосочетании отсутствует имеющееся у слова *охрана* в общеупотребительном языке значение «группа субъектов», однако здесь представ-

лена другая многозначность: 1) действия, направленные на обеспечение безопасности, сохранение здоровья и безопасности работника в процессе труда; 2) правовые отношения, обеспечивающие безопасность работника в процессе труда; 3) свод соответствующих документов.

Другие, представленные в исследованном материале отглагольные существительные, образованные по синтаксической деривации, не выступают ни в качестве самостоятельных юридических терминов, ни в качестве их частей. Это обстоятельство позволяет предполагать, что во всех иных случаях значения соответствующих существительных определяются так же, как и в общеупотребительном языке.

Справедливости ради следует отметить, что существующие толковые словари русского языка весьма непоследовательно выделяют у отглагольных существительных значение собственно действия и значение результата такого действия, а в некоторых случаях просто включают отглагольные существительные в статью, посвященную производящему глаголу. В ряде случаев, посвящая соответствующему отглагольному существительному отдельную статью, толковые словари ограничиваются в семантизирующей части отсылкой к производящему глаголу. Очевидно также, что противопоставление «действие – результат» тесно связано с проблемами видовой принадлежности производящих глаголов. Все эти вопросы, к сожалению, не имеющие ни в теоретической русистике, ни в лексикографической практике общепринятых решений, далеко выходят за пределы данного курса.

Таким образом, существующее в обсуждаемой области юридическая терминология не имеет прочной опоры на филологическую традицию, хотя сам характер юридических понятий, как кажется, должен стимулировать более точную семантизацию терминологических словосочетаний с отглагольным существительным в качестве основного слова.

ПРАВИЛА СОСТАВЛЕНИЯ И ПОНИМАНИЯ ТЕКСТОВ

Итак, в процессе **рецептивной речевой деятельности** в административно-правовой сфере (преимущественно при чтении различного рода юридических документов от Конституции РФ до повестки в суд, значительно реже – при аудировании) возникает следующие принципиальные трудности (1, 2) и облечения (3, 4, 5, 6).

1. Существование отдельных слов и словосочетаний, являющихся юридическим терминами, имеющими точное и единственно значение. При этом соответствующие термины обычно никак не выделяются в текстах по сравнению с «обычными» словами и свободными словосочетаниями.

Примерами являются следующие термины (слова и словосочетания):

- президент,
- паспорт,
- аудит,
- налог,
- конституционный суд.

Они не имеют омонимов и всегда обозначают только то, что указано в вышеприведенном списке.

При этом однако следует иметь в виду, что описанное выше соотношение между формой и содержанием терминов является несколько идеализированным. На самом деле в текстах административно-правовой сферы нередко такие случаи, когда автор того или иного текста употребляет указанные выше слова и словосочетания не в их терминологическом, но в несколько сдвинутом по воле автора значении.

Наиболее распространенные «сдвиги» такого типа следующие:

- учреждение (в значении организация),
- договор (в значении договоренность),
- заработная плата (в значении любые деньги, полученные за работу).

Представьте себе, что случилось бы, если бы подобные «сдвиги» позволяли себе, например, инженеры (при строительстве мостов) или медики (при назначении лекарств). Это означает необходимость совместной работы филологов и юристов по совершенствованию соответствующей терминологии. А человек, действующий в административно-правовой сфере, должен быть готов к принципиальной возможности различных осмыслений одной и той же ситуации и относиться к этому так, как он относится к прогнозу погоды, понимая, что современная наука (уже не филология и юриспруденция) просто не в состоянии дать прогноз, точность которого равна 100%.

2. Существование не-терминов, но слов, которые, не являясь общеупотребительными, встречаются лишь в текстах административно-правовой системы.

Эти слова, например, следующие:

- муниципальный округ,
- счетная палата,
- исковая давность.

Их не найти во многих словарях русского языка, они представлены лишь в специальном русском юридическом словаре и/или в **словарях иностранных слов**.

Если речь идет о рецепции устной речи **аудирование**, то следует помнить о том, что профессионалы произносят некоторые слова не так, как это принято в обычной речи. Применительно к административно-

правовой сфере это причастие от глаголов осудить и возбудить, где профессионалы предпочитают делать ударение на корне (*дело возбУждено, осУжденный, подал апелляцию*).

Не будет в текстах этой сферы и слов, принадлежащих разговорной речи, или содержащих оценку, отрицательную, как, например, в *бумажомаратель, писака, прислужник*, или положительную, как в *сподвижник, ангельский* и т.п. Понимание того, чего «не может быть», не столько помогает при **рецептивной речевой деятельности**, сколько важно при **продуктивной** (см. ниже).

5. В текстах административно-правовой сферы обычно много **причастных** и **деепричастных оборотов**, а также **сложно-подчиненных предложений**, вводимых союзами *если, после того как* и подобных. Знание этих синтаксических особенностей должно обеспечить соответствующую готовность к пониманию текста.

6. Многие тексты административно-правовой сферы содержат внутри себя соответствующую рубрикацию, либо членящую текст и его части на однородные фрагменты (например, *Это положение не распространяется на 1) участников ВОВ, 2) детей в возрасте до 16 лет, 3) граждан старше 80 лет, 4) матерей 3 и более детей и т.д.*), либо выделяющую главное положение и несколько подчиненных ему частей (например, статьи Уголовного Кодекса, в которых определяется состав преступления, а в подчиненных частях – отягчающие признаки), либо использующую обе техники (например, так организовано изложение в Конституции РФ, где весь текст содержит общие положения и отдельные разделы, расчлененные на статьи). Умение ориентироваться в рубрикации помогает понять содержательную иерархичность текста, отделять общие положения от их конкретизации в форме других положений, а также в форме исчерпывающего перечисления например «Формирование целевого капитала и использование дохода от целевого капита-

ла могут осуществляться в целях использования в сфере образования, науки, здравоохранения, культуры, физической культуры и спорта (за исключением профессионального спорта), искусства, архивного дела, социальной помощи (поддержки)».

Продуктивная речевая деятельность в административно-правовой деятельности для человека, который не является, например, депутатом Государственной Думы или профессиональным юристом, сводится к написанию заявлений, жалоб, автобиографии и пр.

В этой работе пишущий (гораздо реже – говорящий) может следовать конкретным образцам (см. образцы различного рода заявлений). Если же случай, с которым человек столкнулся, не укладывается точно в рамки представленных образцов, можно создавать необходимый текст самостоятельно, соответственно модифицируя наиболее подходящий имеющийся. Можно попытаться создать и свой собственный, имея в виду следующие принципы, определяющие эту работу:

1. Четкое обозначение того, что именно Вы хотите (представление сведений, возмещение убытков,).
2. Точное обозначение адресата Вашего заявления, которого Вы полагаете способным удовлетворить Ваше желание.
3. Ясное изложение всего относящегося к Вашему делу, и только того, что к этому делу относится (ничего лишнего!).

Из этих общих положений вытекают и средства, касающиеся отбора соответствующих языковых средств:

1. Употребляйте только слова, принадлежащие к нейтральному стилю речи (избегайте слов и фразеологических единиц, принадлежащих разговорной речи).

2. Употребляя термины и другие слова, принадлежащие только административно-правовой сфере, будьте уверены, что имеете в виду именно такое значение, какое они у работников административно-правовой сферы имеют.

3. Стремитесь организовать свой текст логически целесообразно, для чего, в частности, пользуйтесь союзными сложными предложениями (союзы позволяют установить характер связи между событиями), а также вводными словами типа: *во-первых, во-вторых, итак, следовательно*, а также цифровой рубрикацией.

6. ПРИМЕРЫ ВОПРОСОВ ДЛЯ САМОПРОВЕРКИ

- 1) В чем отличия общеупотребительного русского языка от языка административно-правовой сферы
- 2) Что такое арго?
- 3) Что является предметом изучения диалектологии?
- 4) Какие стили изложения материала вам известны и в чем их отличие?
- 5) Какой стиль изложения материала наиболее подходит для языка административно-правовой сферы, а какой – для языка общественной деятельности?
- 6) Дайте определение рецептивной речевой деятельности?

7. ПРИМЕРЫ ЗАДАНИЙ И УПРАЖНЕНИЙ

1) Изложите текст доступным языком.

Новые подходы к ответственности

Если юридическое лицо неоднократно или грубо нарушает исключительные права на результаты интеллектуальной деятельности и на средства индивидуализации, суд может принять решение о ликвидации такого юридического лица по требованию прокурора.

Одним из видов защиты введено требование к нарушителю исключительного права о публикации решения суда о допущенном нарушении с указанием действительного правообладателя.

С другой стороны существенно сокращен размер ответственности автора за неисполнение или ненадлежащее исполнение авторских договоров – она ограничена суммой реального ущерба, причиненного другой стороне, если договором не предусмотрен меньший размер ответственности автора, а в случае нарушения автором договора авторского заказа, автор обязан вернуть заказчику аванс, а также уплатить ему неустойку, если она предусмотрена договором. При этом общий размер указанных выплат также ограничен суммой реального ущерба, причиненного заказчику.

Кроме того, на исключительное право, принадлежащее не самому автору, а другому лицу, и на право использования произведения, принадлежащее лицензиату, может быть обращено взыскание. При этом в случае заключения договора о залоге исключительного права залогодатель вправе в течение срока действия этого договора использовать результат интеллектуальной деятельности и распоряжаться исключительным правом без согласия залогодержателя, если договором не предусмотрено иное.

2) Кому был адресован данный текст? Изложите текст таким образом, чтобы он стал понятен Вашей бабушке.

Если вы сомневаетесь, правильно ли вам рассчитали плату за жилье и коммунальные услуги, обратитесь с письменным заявлением к начальнику ЖЭКа.

В заявлении укажите просьбу сообщить вам письменно расценки на предоставляемые услуги и жилье в расчете на одного человека. Одновременно направьте запрос в районную (городскую) администрацию с просьбой указать нормативные, установленные местными органами самоуправления, расценки по оплате за жилье и коммунальные услуги. После получения ответов сравните указанные суммы (они должны быть одинаковы), пересчитайте их исходя из количества проживающих и имеющихся льгот или субсидий. Если полученная сумма не совпадает с указанной представителями ЖЭКа, сообщите им об этом, мотивируя свои расчеты (возможно, у них неверные данные о количестве жильцов). В качестве профилактической меры можно также сообщить, что вы, намерены отстаивать свои права даже в судебном порядке, и предполагаете тогда взыскать и моральный вред и расходы за услуги адвоката. Вероятнее всего после этого анализ расчетов сделают более внимательно.

Если же вы проживаете в Товариществе собственников жилья (ТСЖ), то там расчеты производятся несколько иначе. Минимальные расценки вы также сможете узнать в администрации, однако размер платежа устанавливается решением общего собрания, на котором присутствует не менее 75% жильцов, и таким же количеством принимается решение о размере платежей. Это связано с тем, что ТСЖ самостоятельно принимает на работу дворников, уборщиц, вахтеров, электриков, сантехников, оплачивает свет в подъездах и на улице, заработную плату бухгалтеру и председателю. За счет ТСЖ также производятся все аварийные и ремонтные работы.

Однако вы имеете право проверить размер и правильность начисления через ревизионную комиссию, которая является избираемой и обязана проводить проверки по требованию жильцов и предоставлять им информацию.

Проживающие в ТСЖ граждане не лишаются права на субсидии, установленные некоторым категориям граждан на основании законодательства.

- 3) Изложите факты, описанные в статье, максимально полно и развернуто, но без оценочных и эмоциональных слов.

Вчера президент России Владимир Путин в Георгиевском зале Большого Кремлевского дворца дал прием для иностранных дипломатов, работающих в Москве, и передал сигнал для их столиц. Специальный корреспондент Ъ АНДРЕЙ Ъ-КОЛЕСНИКОВ считает сигнал тревожным.

На вчерашний прием в Москве кроме дипломатов пришла, кажется, половина руководящего состава российского МИДа. Столько сотрудников этого ведомства не увидишь на встречах Владимира Путина с российскими дипломатами, работающими в Москве. Вчерашнее мероприятие проводилось в первый раз и было задумано как дополнение к этим встречам, которые проходят раз в год в здании МИДа. Теперь они, к общему удовлетворению, будут чередоваться.

В график президента эта встреча была записана давно и формально никакого отношения к выборам в Госдуму не имела. Но встреча первого номера федерального списка «Единой России» с людьми, которая проходит за четыре дня до выборов в Госдуму, обречена была стать предвыборной. Никто из журналистов ее по-другому не воспринимал и даже попытки такой, по-моему, не предпринимал. Было интересно только, что именно скажет Владимир Путин избирателю. Не тому, конечно, который голосует за рубежом и к тому же чаще всего, увы, сердцем, а не бюллетенем. А тому избирателю, который является пророком в своем отечестве и который еще не уверен в том, что «Единая Россия» не наберет свои 70% без его голоса.

На вчерашнюю встречу пришли чуть ли не все члены правительства России во главе с его председателем Виктором Зубковым. Первый вице-премьер Дмитрий Медведев на вопрос, в каком качестве здесь он, если приглашали послов, сказал:

– Да я тоже посол.

Я не поверил своим ушам и уж было даже подумал, что в судьбе первого вице-преьера за четыре дня до выборов произошли необратимые изменения, а никто и не знает, что он уже и правда посол. В руках была мегановость. Оставались детали: выяснить, какой страны он теперь посол. Наверняка предложили выбрать любую.

– Я посол доброй воли, – закончил Дмитрий Медведев и прошел к столу.

Так что эту новость следовало «засолить». И все-таки посол оказался пряным.

На столе стояла водка «Юрий Долгорукий», неплохое французское вино, а также салат с брезаоло и, с подавляющим численным перевесом, традиционные кремлевские закуски: рыба белая и красная, тарталетки с икрой и колбасное ассорти. На горячее были припасены запеченные артишоки с филе цыпленка и утка, запеченная в беконе. Участь десерта была уготована в этот вечер шоколадному муссу.

Не казался озабоченным вошедший незадолго следом за Дмитрием Медведевым министр финансов России Алексей Кудрин. А имел полное право казаться, первой новостью вчера везде стояла информация о том, что министр финансов попросил свидания со своим замом Сергеем Сторчаком (см. стр. 5). Но Алексей Кудрин держал удар – и за себя, и за того парня.

Впрочем, вице-премьер не казался и человеком, который получил это свидание. Я спросил его, в каком состоянии это дело.

– Процедура оказалась непростая, – нехотя признался министр финансов. – Но у меня ведь нет причин не получить его. То есть ему уже, очевидно, не дали этого свидания в те сроки, о которых он просил.

Алексей Кудрин попросил разрешения не отвечать на следующий вопрос: о перспективах этого дела. Впрочем, говорил он так, словно уже достаточно отчетливо представляет их себе. У меня вообще сложилось впечатление, что такая встреча нужна ему для того, чтобы посмотреть в глаза своему заму и спросить его: «Ты ведь этого не делал, правда?».

То есть в этой ситуации моральная поддержка нужна скорее Алексею Кудрину – прежде всего для того, чтобы оказать коллеге любую другую.

Владимир Путин, задержавшись на четверть часа, задержал желающих приступить к салату с брезаоло еще на столько же, произнеся продолжительную речь. Начало его речи, было на мой взгляд, дискуссионным.

– Мы идем по пути демократического развития, – сообщил президент.

Дипломаты крайне внимательно слушали президента России. Впрочем, глазами они поедали все же не его, а брезаоло, то есть в меру подкопченное мясо.

– Мы знаем ценность подлинной демократии, – уверенно продолжил президент, – и заинтересованы в проведении честных, максимально прозрачных и открытых выборов без организационных недочетов и технических накладок. Уверены, что и в этот раз они будут именно такими.

Слабость его позиции состояла только в том, что ему сейчас приходилось убеждать в этом иностранных дипломатов.

Президент говорил про необходимость единых для всех правил игры в международных делах и про то, что «для нас пространство СНГ – не шахматная доска, на которой разыгрываются геополитические игры».

Возможно, именно последние митинги оппозиции и арест Гарри Каспарова (см. стр. 6) навеяли президенту России «шахматные» сравнения в его речи. Действительно, бессмертная попытка члена Общественной палаты Анатолия Карпова попасть на свидание к лидеру «Объединенного гражданского фронта» Гарри Каспарову с журналом «64» под мышкой подобна яркому факелу, осветившему тусклое информационного пространство позавчерашнего дня и, без сомнения, имеет все шансы войти если и не в новейшую историю мировых шахмат, то уж точно в новейшую историю политической борьбы в России.

– Но чтобы продвинуться вперед, – рассказывал Владимир Путин дипломатам, – нужны открытые честные дебаты (это соображение, надо понимать, не относится к «Единой России», принципиально отказавшейся от дебатов в предвыборной кампании. – А.К.), прямой диалог. Без них не выйти на состоятельные и реалистичные подходы к решению острых вопросов, с которыми сталкивается мир в эпоху глобализации. Именно к такой дискуссии я и призывал, выступая на международной конференции в Мюнхене в феврале этого года.

Интересно, что наблюдатели, анализировавшие эту речь, нашли в ней все что угодно, кроме призывов к дискуссии. Получается, плохо искали. Или вообще не там.

– Мы свой выбор, – заявил президент, – давно сделали. Мы считаем, что только вместе можно найти адекватные ответы на угрозы современной эпохи, и главной из них, безусловно, остается международный терроризм. Убежден: сегодня ни одну региональную проблему нельзя решить с помощью силы, с помощью, образно говоря, меча – будь то Косово, Иран, Судан...

Он из великодушия, очевидно, не упомянул в этом ряду Южную Осетию, Абхазию и Приднестровье.

– А наш вклад в облегчение долгового бремени развивающихся стран – уже около \$12 млрд, – заметил он.

За одним из столов собрали послов в основном из этих стран. Они, я обратил внимание, перенесли эту фразу не моргнув глазом. Только один из них, убежденный афроамериканец, смущенно потупился и даже нервно шаркнул ногой, проведя неровный полукруг под столом, и я подумал, что одной из развивающихся стран облегчили долговое бремя, кажется, побольше, чем другим.

– Важным партнером для России является Европейский союз, – продолжал президент. – Мы понимаем переживаемые ЕС сложности и убеждены: жизнь все расставит по своим местам.

То есть он сочувствует Евросоюзу в том, что Польша пока еще блокирует подписание соглашения о партнерстве и сотрудничестве между Россией и ЕС и желает ему пережить эти трудности, к которым Россия, как лишний раз стало понятно вчера, не имеет никакого отношения.

Владимир Путин признался: все, чем президент России может, похоже, помочь Европе, так это «сыграть конструктивную роль в обеспечении цивилизационной совместимости Европы».

– Растущий интерес к такой работе проявляют и российские неправительственные организации, – заявил он. – Надеемся, что и нашим НПО для работы в Европе, в Северной Америке, в Соединенных Штатах, других государствах мира будут созданы такие же комфортные условия, какими пользуются их коллеги в России.

Есть, правда, опасение, что при таком подходе российские НПО долго за рубежом не протянут.

– Уважаемые дамы и господа! – президент на мгновение поднял глаза и оторвался от текста речи, чтобы оглядеть и тех и других и снова прильнуть к нему глазами, ибо намерен был произнести фразу, в которой важна была каждая запятая

– В заключение хочу отметить: мы сделали все, чтобы избавить Россию от внутренних потрясений, твердо поставить ее на путь эволюционного развития. И, я вынужден повториться, мы не допустим, чтобы этот процесс корректировался извне. – Президент, если бы была возможность, повторился бы, кажется, и еще раз, потому что перед выборами ничто так не делает Россию «Единой», как хорошая внешняя угроза. – Со своей стороны, наша страна намерена последовательно продвигать позитивную, объединительную повестку дня современных международных отношений. Это – главный сигнал, который я бы просил донести до ваших столиц.

Послы сигнал уловили и налегли кто на брезаоло, а кто на тарталетки. У них был выбор.

- 4) Исходя из требований к заполнению формуляров, напишите короткий текст, который был бы понятен соседу, желающему подать жалобу в ЕС. Суть жалобы соседа: слишком длительное рассмотрение его дела в Российских судах

💡 **Европейская конвенция о защите прав человека и основных свобод, ст. 6**

💡 **Информация о том, как подать жалобу в Европейский суд**

- 5) Определите – является текст официальным, публицистическим или научным. Попробуйте изложить указанный факт в двух недостающих стилях.

Согласно законопроекту российские некоммерческие организации смогут предоставлять гранты только в том случае, если они включены в перечень, утверждаемый Правительством Российской Федерации. Во-первых, для составления любого перечня, а тем более перечня юридических лиц, необходимы критерии, известные тем, кто в этот перечень может/должен быть включен. Правительство РФ имеет опыт составления различных перечней. Тому пример Перечень иностранных и международных организаций, гранты которых не учитываются в целях налогообложения в доходах российских организаций – получателей грантов, утвержденный постановлением Правительства РФ от 24 декабря 2002 г. № 923.

Однако ни разу не были ни опубликованы, ни иным образом обнародованы параметры, которым должна соответствовать организация, желающая попасть в «правительственный» список. Из этого следует, что трудно ожидать, во-первых, объективности при составлении списка, во-вторых, его полноты, а в -третьих, быстрого его появления и утверждения для того, чтобы хотя бы включенные в перечень «счастливчики» могли выдавать гранты. Первые две проблемы, на мой взгляд, очень трудно разрешимы: в нынешних политических условиях возможность быть включенным в список может подразумевать лояльность власти, а ведь большинство реально работающих некоммерческих организаций, в частности, реализующих программы грантовой помощи, придерживаются истинно демократических ценностей. Кроме того, в России с каждым годом становится все больше фондов местных сообществ, корпоративных фондов, фондов, оперирующих сравнительно небольшими средствами, но очень адресно представляющими гранты.

Есть большие опасения, что эти фонды, принципиально не афиширующие свою деятельность, или не успевшие о себе заявить, могут оказаться забытыми. (а для включения в перечень, уже утвержденный, могут потребоваться годы, тем более, если так и не будет четких критериев для его наполнения). Конечно, все эти организации смогут продолжать свою деятельность, смогут продолжать финансировать важные и полезные культурные и социальные программы, однако эти средства уже, во-первых, не будут называться грантом, а во-вторых, будут облагаться налогом на прибыль, ставка которого сейчас равна 24%. Т.е. почти четверть средств будет уходить в бюджет: хорошо, если на поддержку медицины и образования, а то так – на содержание депутатов и чиновников. Вероятно, вопрос, кому такое положение выгодно, не стоит обсуждения.

- б) Максимально полно сформулируйте вопрос, на который отвечает юрист.

Да. В соответствии со статьей 177 Трудового кодекса РФ гарантии и компенсации связанные с обучением предоставляются работнику при получении образования данного уровня впервые. В РФ в соответствии со ст. 27 Закона РФ «Об образовании» устанавливаются следующие образовательные уровни (образовательные цензы): основное общее образование; среднее (полное) общее образование; начальное профессиональное образование; среднее профессиональное образование; высшее профессиональное образование; послевузовское профессиональное образование. Таким образом, отказ в предоставлении отпуска правомерен.

Ответ: Директор отказывает мне в предоставлении отпуска по учебе, ввиду того, что я получаю второе высшее образование. Прав ли он?

- 7) В данном тексте выделите слова, которые Вам не знакомы. Не глядя в словарь попробуйте максимально полно понять содержание текста и переписать его максимально кратко.

Какие права имеет работник, совмещающий работу с обучением в ВУЗе?

На учетный отпуск и с сохранением среднего заработка. Законодатель устанавливает особые гарантии и компенсации работникам, совмещающим работу с обучением.

Согласно ст. 173 ТК РФ «Работникам, направленным на обучение работодателем или поступившим самостоятельно в имеющие государственную аккредитацию образовательные учреждения высшего профессионального образования независимо от их организационно-правовых форм по заочной и очно-заочной (вечерней) формам обучения, успешно обучающимся в этих учреждениях, работодатель предоставляет дополнительные отпуска с сохранением среднего заработка для: прохождения промежуточной аттестации на первом и втором курсах соответственно – по 40 календарных дней, на каждом из последующих курсов соответственно – по 50 календарных дней (при освоении основных образовательных программ высшего профессионального образования в сокращенные сроки на втором курсе – 50 календарных дней); подготовки и защиты выпускной квалификационной работы и сдачи итоговых государственных экзаменов – четыре месяца; сдачи итоговых государственных экзаменов – один месяц. Работникам, обучающимся по заочной форме обучения в имеющих государственную аккредитацию образовательных учреждениях высшего профессионального образования, один раз в учебном году работодатель оплачивает проезд к месту нахождения соответствующего учебного заведения и обратно.

Работникам, обучающимся на заочной и очно-заочной (вечерней) форме обучения в имеющих государственную аккредитацию образовательных учреждениях высшего профессионального образования на период десять учебных месяцев перед началом выполнения дипломного проекта (работы) или сдачи государственных экзаменов устанавливается по их желанию рабочая неделя, сокращенная на 7 часов. За время освобождения от работы указанным работникам выплачивается 50% среднего заработка по основному месту работы, но не ниже минимального размера оплаты труда. По соглашению сторон трудового договора сокращение рабочего времени производится путем предоставления работнику одного свободного от работы дня в неделю либо сокращения продолжительности рабочего дня в течение недели». Следует учитывать, что успешно обучающимся считается тот, у которого нет задолженности за предыдущий курс (семестр) и к началу сессии у него сданы все зачёты, выполнены контрольные, курсовые по всем предметам, которые выносятся на сессию. Кроме того, высшее учебное заведение должно иметь государственную аккредитацию. В случае если работник проходит обучение в высшем учебном заведении, не имеющем аккредитации, гарантии и льготы предоставляются в соответствии с коллективным договором и трудовым договором. Все льготы предоставляются на основании справки-вызова из учебного заведения и только по основному месту работы. Неоплачиваемые отпуска работникам, поступающим в высшие учебные заведения, предоставляются на основании справки-вызова, в которой указывается срок вступительных экзаменов, независимо от того, имеет ли учебное заведение государственную аккредитацию или нет.

Надо помнить, что все гарантии и льготы работников, совмещающих работу с обучением, предоставляются только при получении образования соответствующего уровня впервые. Работнику, совмещающему работу с обучением одновременно в двух образовательных учреждениях, компенсации предоставляются только в связи с обучением в одном из них (работник сам выбирает в каком, извещая работодателя о выборе письменным заявлением). К дополнительным отпускам могут присоединяться ежегодные оплачиваемые отпуска, которые предоставляются как до начала учебного отпуска, так и после него (ст. 177 ТК РФ).

8. ПРИМЕРЫ ЗАДАНИЙ ДЛЯ САМОСТОЯТЕЛЬНОЙ РАБОТЫ

1) Напишите заявление о приеме на работу.

 Что такое заявление и как его заполнить

2) Выпишите из статьи 582 ГК РФ слова, являющиеся одновременно юридическими терминами и общеупотребительными словами.

Статья 582. Пожертвования

1. Пожертвованием признается дарение вещи или права в общеполезных целях. Пожертвования могут делаться гражданам, лечебным, воспитательным учреждениям, учреждениям социальной защиты и другим аналогичным учреждениям, благотворительным, научным и образовательным учреждениям, фондам, музеям и другим учреждениям культуры, общественным и религиозным организациям, иным некоммерческим организациям в соответствии с законом, а также государству и другим субъектам гражданского права, указанным в статье 124 настоящего Кодекса.

2. На принятие пожертвования не требуется чье-либо разрешения или согласия.

3. Пожертвование имущества гражданину должно быть, а юридическим лицам может быть обусловлено жертвователем использованием этого имущества по определенному назначению. При отсутствии такого условия пожертвование имущества гражданину считается обычным дарением, а в остальных случаях пожертвованное имущество используется одаряемым в соответствии с назначением имущества.

Юридическое лицо, принимающее пожертвование, для использования которого установлено определенное назначение, должно вести обособленный учет всех операций по использованию пожертвованного имущества.

4. Если законом не установлен иной порядок, в случаях, когда использование пожертвованного имущества в соответствии с указанным жертвователем назначением становится вследствие изменившихся обстоятельств невозможным, оно может быть использовано по другому назначению лишь с согласия жертвователя, а в случае смерти гражданина-жертвователя или ликвидации юридического лица – жертвователя по решению суда.

5. Использование пожертвованного имущества не в соответствии с указанным жертвователем назначением или изменение этого назначения с нарушением правил, предусмотренных пунктом 4 настоящей статьи, дает право жертвователю, его наследникам или иному правопреемнику требовать отмены пожертвования.

6. К пожертвованиям не применяются статьи 578 и 581 настоящего Кодекса.

3) Перепишите фрагмент приведенного ниже текста юридическим языком.

Волк прибежал к домику бабушки и постучал три раза.

- Кто там? – спросила бабушка слабым голосом.*
- Это я, твоя внучка Красная Шапочка, – ответил Волк.*
- Входи, детка.*

Волк ворвался в домик и, прежде чем бабушка успела опомниться, в один миг проглотил ее. Потом нацепил бабушкин чепчик, улегся на ее кровать и натянул по уши одеяло. Вскоре к домику подошла Красная Шапочка и, ничего не подозревая, постучала в дверь.

– Бабушка, это я, твоя Красная Шапочка! Я принесла тебе настойку из лесных ягод, варенье и пирог.

– Дверь открыта! – прорычал хриплым голосом Волк. Красная Шапочка вошла в дом и, увидев бабушку, очень удивилась.

– Бабушка, какой у тебя грубый голос!

– Конечно грубый, ведь я больна, – прохрипел Волк. – Подойди ближе, дитя мое.

Красная Шапочка поставила корзинку с гостинцами на пол и боязливо приблизилась. Уж очень странно выглядела сегодня бабушка.

– Ой, бабушка, какие у тебя большие руки!

Волк поскорее спрятал лохматые лапы под одеяло.

– Это чтобы покрепче обнять тебя, Красная Шапочка! Подойди-ка поближе.

– Но бабушка, почему у тебя такие большие уши?

– Чтобы лучше слышать тебя, Красная Шапочка. Ну, сядь ко мне.

– Ой, бабушка, почему у тебя такие большие глаза?

– Чтобы лучше видеть тебя, Красная Шапочка, – нетерпеливо буркнул Волк.

– Ой, бабушка, – закричала Красная Шапочка, пятясь назад, – почему у тебя такие большие зубы?

– Чтобы скорее съест тебя! – прорычал Волк, выскочил из-под перины, щелкнул зубами и проглотил девочку вместе с ее красной шапочкой. Потом он улегся обратно в кровать и захрапел.

К счастью, мимо проходил лесник. Он уже издали заметил, что случилось что-то неладное: двери домика были распахнуты настежь, и оттуда доносился громкий храп. Лесник снял с плеча двустволку и подкрался к окну. Он чуть не вскрикнул, увидев развалившегося на бабушкиной кровати волка с вздувшимся брюхом. Не раздумывая, лесник вбежал в дом, выхватил из-за пояса охотничий нож и мгновенно распорол волку брюхо. Оттуда выскочила Красная Шапочка, а за ней и бабушка. Ох, как темно было в брюхе у волка! Страшно даже подумать, что бы было, не приди храбрый и находчивый лесник вовремя...

4) Напишите заявление в ЖЭК о том, что вас залили соседи, не используя абсцентной лексики и жаргона.

5) Перепишите статью 241 УПК РФ доступным языком.

Статья 241. Гласность

1. Разбирательство уголовных дел во всех судах открытое, за исключением случаев, предусмотренных настоящей статьей.

2. Закрытое судебное разбирательство допускается на основании определения или постановления суда в случаях, когда:

1) разбирательство уголовного дела в суде может привести к разглашению государственной или иной охраняемой федеральным законом тайны;

2) рассматриваются уголовные дела о преступлениях, совершенных лицами, не достигшими возраста шестнадцати лет;

3) рассмотрение уголовных дел о преступлениях против половой неприкосновенности и половой свободы личности и других преступлениях может привести к разглашению сведений об интимных сторонах жизни участников уголовного судопроизводства либо сведений, унижающих их честь и достоинство;

4) этого требуют интересы обеспечения безопасности участников судебного разбирательства, их близких родственников, родственников или близких лиц.

2.1. В определении или постановлении суда о проведении закрытого разбирательства должны быть указаны конкретные, фактические обстоятельства, на основании которых суд принял данное решение. (часть 2.1 введена Федеральным законом от 08.12.2003 N 161-ФЗ)

3. Уголовное дело рассматривается в закрытом судебном заседании с соблюдением всех норм уголовного судопроизводства. Определение или постановление суда о рассмотрении уголовного дела в закрытом судебном заседании может быть вынесено в отношении всего судебного разбирательства либо соответствующей его части.

4. Переписка, запись телефонных и иных переговоров, телеграфные, почтовые и иные сообщения лиц могут быть оглашены в открытом судебном заседании только с их согласия. В противном случае указанные материалы оглашаются и исследуются в закрытом судебном заседании. Данные требования применяются и при исследовании материалов фотографирования, аудио- и (или) видеозаписей, киносъемки, носящих личный характер.

5. Лица, присутствующие в открытом судебном заседании, вправе вести аудиозапись и письменную запись. Проведение фотографирования, видеозаписи и (или) киносъемки допускается с разрешения председательствующего в судебном заседании. (в ред. Федерального закона от 08.12.2003 N 161-ФЗ)

6. Лицо в возрасте до шестнадцати лет, если оно не является участником уголовного судопроизводства, допускается в зал судебного заседания с разрешения председательствующего.

7. Приговор суда провозглашается в открытом судебном заседании. В случае рассмотрения уголовного дела в закрытом судебном заседании на основании определения или постановления суда могут оглашаться только вводная и резолютивная части приговора.

- б) Напишите 10 вопросов на уточнение и понимание данного выступления. Проверьте, однозначны ли в тексте ответы на ваши вопросы.

Выдержка из выступления Путина в Мюнхене 10 Февраля 2007 г.

Итак. Известно, что проблематика международной безопасности – много шире вопросов военно-политической стабильности. Это устойчивость мировой экономики, преодоление бедности, экономическая безопасность и развитие межкультурного диалога. Такой всеобъемлющий, неделимый характер безопасности выражен и в ее базовом принципе: «безопасность каждого – это безопасность всех». Как сказал еще в первые дни разгоравшейся Второй мировой войны Франклин Рузвельт: «Где бы ни был нарушен мир, мир повсюду оказывается в опасности и под угрозой». Эти слова продолжают сохранять актуальность и сегодня. Об этом, кстати, свидетельствует и тема нашей конференции, которая здесь написана: «Глобальные кризисы – глобальная ответственность».

Всего лишь два десятилетия назад мир был идеологически и экономически расколот, а его безопасность обеспечивали огромные стратегические потенциалы двух сверхдержав.

Глобальное противостояние отодвигало на периферию международных отношений и повестки дня крайне острые экономические и социальные вопросы. И как всякая война – «война холодная» оставила нам и «неразорвавшиеся снаряды», образно выражаясь. Имею в виду идеологические стереотипы, двойные стандарты, иные шаблоны блокового мышления.

Предлагавшийся же после «холодной войны» однополярный мир – тоже не состоялся. История человечества, конечно, знает и периоды однополярного состояния и стремления к мировому господству. Чего только не было в истории человечества.

Однако что же такое однополярный мир? Как бы не украшали этот термин, он в конечном итоге означает на практике только одно: это один центр власти, один центр силы, один центр принятия решения.

Это мир одного хозяина, одного суверена. И это в конечном итоге губительно не только для всех, кто находится в рамках этой системы, но и для самого суверена, потому что разрушает его изнутри.

И это ничего общего не имеет, конечно, с демократией. Потому что демократия – это, как известно, власть большинства, при учете интересов и мнений меньшинства.

Кстати говоря, Россию, нас – постоянно учат демократии. Но те, кто нас учат, сами почему-то учиться не очень хотят.

Считаю, что для современного мира однополярная модель не только неприемлема, но и вообще невозможна. И не только потому, что при единоличном лидерстве в современном – именно в современном мире – не будет хватать ни военно-политических, ни экономических ресурсов. Но что еще важнее – сама модель является неработающей, так как в ее основе нет и не может быть морально-нравственной базы современной цивилизации.

Вместе с тем все, что происходит сегодня в мире, и сейчас мы только начали дискутировать об этом – это следствие попыток внедрения именно этой концепции в мировые дела – концепции однополярного мира.

7) Составьте тезисно свое выступление для первоклассников о государственно-правовом устройстве РФ.

8) Составьте список своих персональных данных и на его основе попросите кого-нибудь написать вашу биографию. А впоследствии проверьте, достаточно ли информации вы предоставили.

9) Напишите, в чем отличия между тайной частной жизни и тайной личной жизни. Какое понятие вам кажется более широким.

10) Изучите номер журнала «Отечественные записки» № 2 (23) (2005).
Тема номера: Общество в зеркале языка

<http://www.strana-oz.ru/?numid=23&article=1031>

9. ТЕМЫ РЕФЕРАТОВ, КУРСОВЫХ РАБОТ, ЭССЕ

1. Русский язык и российское законодательство: проблема толкования.
2. Юридическая терминология и общеупотребительные слова – различие значений.
3. Этимология юридических терминов.
4. Русский язык в сфере общественных отношений.
5. Русский язык и административная реформа.
6. Проблема перевода текстов, содержащих правовые реалии, отличные от реалий российской жизни.
7. Комментирование законодательства с точки зрения правоприменения и с точки зрения семантической однозначности текста.
8. Правила составления стилистически и лексически грамотного и юридически правильного текста в различных сферах общественной жизни.

10. ПРИМЕРЫ ТЕСТОВЫХ ЗАДАНИЙ

1) Меня лишили права собственности на квартиру.

- Меня лишили права там жить
- Меня лишили права туда приходить
- Меня лишили права ее сдавать
- Меня лишили права ее продать

2) Свободно искать, получать, распространять информации любым законным способом это (ссылка на конституцию):

- Свобода действий
- Свобода слова
- Свобода СМИ
- Свобода выражения мнения

3) Сделка

- Является юридическим термином
- Является общеупотребительным словом
- Является словом сниженной лексики
- Не является словом

4) Из предложенного списка слов выберите то, которое является исключительно юридическим термином

- обстоятельство
- условие
- нарушение
- форс-мажор
- ответственность

5) Впишите слово:

«Дарение вещи или права в общепользовательных целях это ...»

- пожертвование

6) Близкие родственники – это...

- мама, папа, брат, сестра
- мама, папа, сын, собака
- мама, папа, брат, сестра, бабушка, дедушка, сын, дочь
- мама, папа, бабушка, дедушка, двоюродный брат, двоюродная сестра
- мама, папа, брат, сестра, бабушка, дедушка

11. ОСНОВНЫЕ ПОНЯТИЯ

СОВРЕМЕННЫЙ РУССКИЙ ЯЗЫК

Ведущая научная дисциплина при подготовке филологов-русистов; ее задача – научное описание русского литературного языка на современном этапе его развития и функционирования языковых единиц в речи. Содержанием курса являются: 1) звуковая структура слова (фонетика); 2) правила произношения (орфоэпия); 3) способы буквенной передачи звукового состава на письме и правила написания слов (графика и орфография); 4) значение и употребление слов (лексика); 5) устойчивые по составу и надежные по смыслу словесные комплексы (фразеология); 6) структура слова и правила словопроизводства (словообразование); 7) формы и грамматические категории слов (морфология); 8) употребление слов в разных условиях языкового общения, видах и жанрах (стилистика). Эта дисциплина реализуется в виде курса лекций, спецкурсов, семинарских и практических занятий. Обеспечена большим числом учебников и учебных пособий.

ГРАММАТИКА

- Система способов словообразования, морфологических категорий и синтаксических конструкций какого-либо языка. // разг. Правильность образования и употребления языковых форм и конструкций.

- Раздел лингвистики, связанный с изучением и описанием законов языка, включающий словообразование, морфологию и синтаксис. // Учебник, книга, содержащие такое описание грамматического строя языка.

ЭКОНОМИКА

- Совокупность производственных отношений, соответствующих определенной ступени развития производительных сил.

- Состояние хозяйства страны или его части. // Структура и финансово-материальное состояние какой-л. области хозяйственной деятельности.

- Раздел научной дисциплины, изучающий функциональные или отраслевые аспекты экономических отношений.

МАТЕРИАЛОВЕДЕНИЕ

- Научная дисциплина, изучающая материалы (1), используемые в какой-либо области производства, деятельности.

- Учебный предмет, содержащий теоретические основы данной дисциплины.

ПОЛИТИКА

- Деятельность органов государственной власти и государственного управления, отражающая общественный строй и экономические отношения. // разг. События и вопросы внутригосударственной и международной общественной жизни.

- Направление деятельности государства или каких-либо социальных групп в той или иной области в определенный период.

- перен. разг. Образ действий, направленных на достижение чего-либо, поведение, определяющее отношения с людьми.

ДИАЛЕКТОЛОГИЯ

Раздел лингвистики, в котором изучаются диалекты.

РАЗГОВОРНАЯ РЕЧЬ

Особая стилистическая однородная функциональная система (разновидность устной литературной речи), противопоставляемая книжной речи как некодифицированная и кодифицированная формы литературного языка. Основная форма реализации разговорной речи – произносимая, устная речь. Р. р. характеризуется особыми условиями функционирования, такими как отсутствие предварительного обдумывания высказывания и предварительного отбора языкового материала, непосредственность речевого общения между его участниками, непринужденность речевого акта, связанная с отсутствием официальности в отношениях между ними и в самом характере высказывания. Р. р. присущи заметные особенности на всех уровнях языковой системы – в фонетике (произношении), лексике, морфологии и синтаксисе. Анализ Р. р., проводимый в 70–80-х гг., показал, что непринужденная устная речь характеризуется особенностями системно-языкового характера и что ее правильнее было бы называть «разговорный язык». Р. р. может являться объектом овладения при обучении устной иноязычной речи.

АРГО

Язык какой-либо социально замкнутой группы лиц, характеризующийся специфичностью используемой лексики, своеобразием ее употребления, но не имеющий собственной фонетической и грамматической системы.

НАУЧНЫЙ СТИЛЬ РЕЧИ

Это стиль, который обслуживает научную сферу общественной деятельности. Он предназначен для передачи научной информации в подготовленной и заинтересованной аудитории.

Научный стиль имеет ряд общих черт, общих условий функционирования и языковых особенностей, проявляющихся независимо от характера наук (естественных, точных, гуманитарных) и жанровых различий (монография, научная статья, доклад, учебник и т.д.), что дает возможность говорить о специфике стиля в целом. К таким общим чертам относятся: 1) предварительное обдумывание высказывания; 2) монологический характер высказывания; 3) строгий отбор языковых средств; 4) тяготение к нормированной речи.

ОФИЦИАЛЬНО-ДЕЛОВОЙ СТИЛЬ РЕЧИ

Это стиль документов разных жанров: международных договоров, государственных актов, юридических законов, постановлений, уставов, инструкций, служебной переписки, деловых бумаг и т.д. Но, несмотря на различия в содержании и разнообразие жанров, официально-деловой стиль в целом характеризуется общими чертами. К самым важным из них относятся:

- 1) точность, исключающая возможность инотолкований;
- 2) языковой стандарт.

Эти черты находят свое выражение а) в отборе языковых средств (лексических, морфологических и синтаксических); б) в оформлении деловых документов.

ПУБЛИЦИСТИЧЕСКИЙ СТИЛЬ РЕЧИ

Это речевая деятельность в области политики во всем многообразии ее значений. Основные средства публицистического стиля рассчитаны не только на сообщение, информацию, логическое доказательство, но и на эмоциональное воздействие на слушателя (аудиторию).

Характерными особенностями публицистических произведений являются актуальность проблематики, политическая страстность и образность, острота и яркость изложения. Они обусловлены социальным назначением публицистики – сообщая факты, формировать общественное мнение, активно воздействовать на разум и чувства человека.

Публицистический стиль представлен множеством жанров:

- 1) газетные: очерк, статья, фельетон, репортаж;
- 2) телевизионные: аналитическая программа, информационное сообщение, диалог в прямом эфире;
- 3) ораторские: выступление на митинге, тост, дебаты;
- 4) коммуникативные: пресс-конференция, встреча «без галстука», телемосты;
- 5) рекламные: очерк, объявление, плакат, лозунг.

ТЕРМИНОЛОГИЯ

Совокупность терминов, употребляемых в какой-либо области науки, техники, искусства и т.п.

ЯЗЫК ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Язык художественных произведений, содержащих в своем составе все языковые единицы, входящие в систему данного языка, современного авторам произведений той или иной эпохи. Язык художественных произве-

дений – это та сфера, где проявляется двуединая диалектическая природа языка, где функционируют языковые единицы литературного языка и живой разговорной речи. В связи с этим тексты художественных произведений являются объектом изучения лингвистики, а также литературоведения.

Основной категорией в сфере лингвистического изучения художественной литературы обычно признается понятие индивидуального стиля (своеобразной, исторически обусловленной, сложной, но представляющей собой структурное единство системы средств и форм словесного выражения в ее развитии). Академик В.В. Виноградов так формулирует понятие индивидуального стиля писателя. Это система индивидуально-эстетического использования свойственных данному периоду развития художественной литературы средств художественно-словесного выражения, а также система эстетически-творческого подбора, осмысления и расположения различных речевых элементов (Виноградов В.В. О языке художественной литературы; М. 1980, с. 167).

ПРЕДМЕТНАЯ КОМПЕТЕНЦИЯ

Совокупность знаний, навыков, умений, формируемых в процессе обучения той или иной дисциплине. П. к., приобретаемая в процессе изучения языка как учебного предмета и характеризующая определенный уровень владения языком, включает следующие виды компетенции: лингвистическую (языковую), речевую, коммуникативную, страноведческую, а также и профессиональную, если изучающий язык приобретает также знания, навыки, умения, необходимые для его профессиональной деятельности на изучаемом языке.

ОБЩЕСТВЕННОЕ ОБЪЕДИНЕНИЕ

По определению ФЗ «Об общественных объединениях» от 14 апреля 1995 г., добровольное, самоуправляемое, некоммерческое формирование, созданное по инициативе граждан, объединившихся на основе общности интересов для реализации общих целей, указанных в уставе общественного объединения. О. о. могут создаваться в одной из следующих организационно-правовых форм: общественная организация; общественное движение; общественный фонд; общественное учреждение; орган общественной самодеятельности. О. о. приобретает права юридического лица в случае его регистрации

ОБЩЕСТВЕННАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ

Основанное на членстве общественное объединение, созданное для защиты общих интересов и достижения уставных целей объединившихся граждан (ФЗ «Об общественных объединениях» от 14 апреля 1995 г.). Членами О. о., в соответствии с ее уставом, могут быть физические и юридические лица – общественные объединения, если иное не установлено ФЗ «Об общественных объединениях и законами об отдельных видах общественных объединений». Высший руководящий орган О. о. – съезд (конференция) или общее собрание. Постоянно действующим руководящим органом О. о. является выборный коллегиальный орган, подотчетный съезду.

ОБЩЕСТВЕННОЕ ДВИЖЕНИЕ

Не имеющее членства массовое общественное объединение, преследующее социальные, политические и иные общественно полезные цели, поддерживаемые участниками общественного движения (ФЗ «Об общественных объединениях» от 14 апреля 1995 г.). Высший руководящий орган

О. д. – съезд (конференция) или общее собрание. Постоянно действующим руководящим органом О. д. является выборный коллегиальный орган, подотчетный съезду.

ФОНД

По гражданскому законодательству РФ, фонд – не имеющая членства некоммерческая организация, учрежденная гражданами и (или) юридическими лицами на основе добровольных имущественных взносов, преследующая социальные, благотворительные, культурные, образовательные или иные общественно полезные цели. Имущество, переданное Ф. его учредителями (учредителем), является собственностью Ф. Учредители не отвечают по обязательствам созданного ими Ф., а Ф. – обязательствам своих учредителей. Ф. использует имущество для целей, определенных в его уставе (см. также Фонды).

ЮРИДИЧЕСКОЕ ЛИЦО

По гражданскому законодательству РФ, Ю. л. – это организация, которая имеет в собственности, хозяйственном ведении или оперативном управлении обособленное имущество и отвечает этим имуществом по своим обязательствам, может от своего имени приобретать и осуществлять имущественные и личные неимущественные права, нести обязанности, быть истцом и ответчиком в суде. Должно иметь самостоятельный баланс или смету. Согласно ГК РФ подразделяются на коммерческие организации и некоммерческие организации. Ю. л. наделено определенной правоспособностью (см. Правоспособность юридического лица). Действует на основании устава, либо учредительного договора и устава, либо только учредительного договора. В случаях, предусмотренных законом, Ю. л., не яв-

ляющееся коммерческой организацией, может действовать на основании общего положения об организациях данного вида. Приобретает гражданские права и принимает на себя гражданские обязанности через свои органы, действующие в соответствии с законом, иными правовыми актами и учредительными документами. В предусмотренных законом случаях Ю. л. может приобретать гражданские права и принимать на себя гражданские обязанности через своих участников. Существование Ю.л. прекращается путем его реорганизации или ликвидации.

ЯДРО

Это лексическая единица или несколько единиц, семантически наиболее простые и содержащие общее значение Семантического поля в его «чистом» виде, центр (яд «обволакивающих» ядро «слоёв» – специализированных классов единиц с семантически более сложными значениями: (пере)давать – дарить, преподносить, презентовать... ('дарение'), продавать, сбывать, уступать... ('продажа'), сообщать (по радио), транслировать, телеграфировать... ('информирование по каналам связи') и др.

ПЕРЕФИРИЯ

Это все вторичные наименования, входящие своими первичными значениями в смежные семантические поля и реализующие семантику данного поля в специфических контекстуальных условиях

ЗАЯВЛЕНИЕ

Документ, адресованный должностному лицу учреждения или предприятия, в котором заявитель излагает свою просьбу к нему, например, о приеме на работу или на учебу, об освобождении от занимаемой должности, о предоставлении очередного отпуска, о предоставлении какой-нибудь

услуги: установке домашнего телефона или подключении к сети Интернет и т.д.

Заявление является личным документом, оформляется на чистом листе бумаги и подписывается лично человеком, подающим заявление. На заявлении оформляются следующие реквизиты:

- адресат,
- данные об авторе заявления (фамилия, имя, отчество, занимаемая должность, если автор уже является сотрудником предприятия, или полный домашний адрес и телефон, если автор не является сотрудником предприятия, к руководителю которого он обращается с заявлением),
- наименование вида документа,
- дата,
- текст,
- отметка о наличии приложения (если имеются прилагающиеся документы),
- подпись.

РЕЦЕПТИВНЫЕ ВИДЫ РЕЧЕВОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Виды речевой деятельности, связанные с восприятием речи – устной (слушание) и письменной (чтение). Р. в. р. д. характеризуются вероятностным прогнозированием. При восприятии информации, выраженной лингвистическими средствами, происходит синтезирование звуков (артикулом) или графем в слове благодаря слухомускульным или зрительно-мускульным ощущениям, звукобуквенным и смысловым связям, соотнесение слов с понятиями и установление связей между понятиями по грамматической структуре, раскрытие содержания высказывания и замысла отправителя речи. В лингвистическом отношении аудирование и чтение опираются на опознавательную функцию языкового знака. При овладении иностранной ре-

чью на начальном этапе оправдывает себя опережающее развитие аудитивных навыков. Аудирование и чтение, представляя соответственно восприятие устной и письменной речи, протекают в разных условиях и как виды речевой деятельности имеют существенные различия. Аудирование по сравнению с чтением – более трудный способ получения информации. Текучесть и необратимость устного сообщения делают невозможным ретроспективный анализ, вследствие чего в принимаемой информации могут возникать невосполнимые пробелы. В противоположность этому читающий может неоднократно возвращаться к непонятным местам текста, перечитывать их, анализировать, делать паузы в чтении, чтобы осмыслить прочитанное. Опыты показали, что коэффициент утомляемости при аудировании выше, чем при чтении. Восприятие устной речи сопровождается более интенсивной мобилизацией внутренних ресурсов, чем чтение, значительно действеннее проявляется прогнозирование, языковая догадка, переход от одной дозы информации к другой, активность памяти.

АУДИРОВАНИЕ (от лат. *audire* слышать).

Рецептивный вид речевой деятельности; смысловое восприятие устного сообщения. А. состоит из восприятия языковой формы и понимания содержания высказывания. При обучении иностранному языку конечной целью является выработка таких аудитивных умений, при наличии которых не расчленялась бы форма и содержание высказывания. В процессе А. следует различать словесное и предметное понимание. Словесное понимание опирается на речевой опыт учащихся, предметное – на их жизненный опыт и знание ситуаций общения. К условиям, определяющим трудности восприятия речи на слух, относят однократность и кратковременность предъявления информации, понимание речи незнакомых людей, индивидуальные особенности голоса и речи, наличие/отсутствие зрительной опоры. Трудность А. состоит также

в том, что оно представляет собой сочетание аналитико-синтетических операций по распознаванию языковой формы и извлечения содержания. Лингвистические трудности звучащего текста относятся к фонетике, лексике, грамматике. Фонетические трудности А. вызываются: 1) расхождением между написанием и произношением; 2) несовпадением в членении звучащего и графического текста; 3) ассимилятивными явлениями речевого потока (см. ассимиляция); 4) несовпадением в разных языках темпоральных характеристик гласных, согласных звуков, слогов, синтагм; 5) несовпадением дифференциальных признаков фонем в иностранном и родном языках; 6) фонематичностью и подвижностью ударения. К лексическим трудностям относятся распознавание омофонов, паронимов, парных понятий (открывать – закрывать, восток – запад, много – мало), непривычные сочетания, идиоматизмы, цифры, имена собственные, реалии. Имеет свои особенности восприятие и понимание диалогической и монологической речи. Самым легким видом А. является понимание устной монологической речи преподавателя, когда слушающий видит говорящего и слышит обращенную к нему речь. Самый сложный вид А. – понимание устной диалогической речи, когда слушающий не участвует в акте общения. Слушание и понимание обеспечиваются механизмами кратковременной памяти, долговременной памяти, вероятностного прогнозирования и осмысления, выделения смысловых опор. Функционирование механизмов А. осуществляется благодаря основному слуховому анализатору и дополнительным: речедвигательному и зрительному. Основными источниками информации для обучения А. являются речь обучающего, аудитивные и аудиовизуальные средства обучения. Полное, точное и быстрое понимание речи возможно на этапе автоматизации всех этапов процесса А.: восприятия звуковой формы, узнавания ее элементов, синтеза содержания на их основе. В обучении это достигается путем подготовительных и речевых упражнений. Аудитивные упражнения могут комбинироваться с упражнениями по другим видам речевой деятельности и преследовать ком-

плексные цели. С учетом реальных условий общения с носителями языка необходимым этапом обучения А. является умения добиваться понимания партнера с помощью переспроса, просьбы повторить, пояснить, выразить свою мысль иначе.

ПРОДУКТИВНЫЕ ВИДЫ РЕЧЕВОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Виды речевой деятельности, с помощью которых обеспечивается выражение мыслей в устной (говорение) и письменной (письмо) формах. Основное сходство говорения и письма состоит в том что оба вида речевой деятельности служат для передачи информации. Говорение материально воплощается в звуках и обеспечивается действием речедвигательного и слухового анализаторов и соответствующих стереотипов единиц языка разных уровней от звуков до ритмомелодических моделей предложений. Письмо реализуется в графических знаках при участии зрительного и рукодвигательного анализаторов как основных, речедвигательного и слухового как вспомогательных. Говорение и письмо по-разному ориентированы на реципиентов. Говорение предназначено главным образом для непосредственной передачи информации (контактное общение), письмо – для передачи мыслей на расстояние с временным интервалом (дистантная речь). Говорение реализуется в форме диалогической и монологической речи, письмо – в форме монологической речи.

СЛОЖНО-ПОДЧИНЕННОЕ ПРЕДЛОЖЕНИЕ

Сложноподчиненным называется сложное предложение, части которого связаны подчинительными союзами или относительными (союзными) словами. Подчинительная связь между частями сложноподчиненного предложения выражается в синтаксической зависимости одной части от другой. Часть сложноподчиненного предложения, синтаксически зависи-

мая от другой, подчиняющей части, называется придаточной частью. Часть сложноподчиненного предложения, подчиняющая себе придаточную, называется главной частью.

12. ОБЯЗАТЕЛЬНАЯ ЛИТЕРАТУРА

12.1. Нормативные документы

1. Европейская Конвенция о защите прав и основных свобод человека и гражданина (Римская).
2. Конституция Российской Федерации.
3. Закон Российской Федерации «О средствах массовой информации».
4. Закон Российской Федерации «Об авторском праве и смежных правах».
5. Федеральный закон «О рекламе».
6. Федеральный закон «Об информации, информационных технологиях и защите информации».
7. Федеральный закон «О порядке освещения деятельности органов государственной власти в государственных средствах массовой информации».
8. Федеральный закон «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации».
9. Закон РФ «О государственной тайне».
10. Гражданский кодекс Российской Федерации (ст. 138, 139, 150-152, 1099 — 1101).
11. Уголовный кодекс Российской Федерации (ст. 129, 130, 137, 138, 140, 144, 146, 237, 242, 280, 282, 283, 297, 298, 354).
12. Кодекс об Административных правонарушениях Российской Федерации (гл. 5, 13, 19).
13. Концепция формирования и развития единого информационного пространства России и соответствующих государственных информационных ресурсов, одобренная решением Президента Российской Федерации от 23 ноября 1995 г.

14. Доктрина информационной безопасности, утвержденная Президентом Российской Федерации 9 сентября 2000 г.

12.2. Комментированные сборники нормативных актов

1. Законодательство Российской Федерации о средствах массовой информации. / Научно-практический комментарий проф. М.А. Федотова — М.: Центр «Право и СМИ», 1999.
2. Комментарий к Закону РФ о СМИ / Научный редактор проф. В.Н.Монахов; авторы-составители Г.Ю. Арапова, А.А. Глисков, Д.Г. Шишкин — М.: «Галерея», 2001.
3. Конституционное обустройство России: общественная экспертиза 2000 — М.: Изд. Союза журналистов России, 2000.
4. Конституция Российской Федерации: Научно-практический комментарий / Под ред. акад. Б.Н. Топорнина. — М.: Юристъ, 1997.
5. Правовая защита прессы и книгоиздания: Сб. нормативных актов — М.: Юристъ, 1997.

12.3. Учебники и учебные пособия

1. Современный русский язык / Под ред. В.А. Белошапковой. – М., 1989.
2. Современный русский язык / Под ред. Е.И. Дибровой. – М., 1998.
3. Современный русский язык / Под ред. П.П. Шубы. Минск, 1998.
4. Русская грамматика: в 2 т. / Под ред. Н.Ю. Шведовой. – М., 1980.
5. Лабораторные работы по современному русскому языку. – М. Высшая школа, 1985.

6. *Откупщиков Ю.В.* К истокам слова. Рассказы о науке этимологии. – М., 1986.
7. *Немченко В.Н.* Основные понятия словообразования в терминах. Красноярск, 1998.
8. *Улуханов И.С.* Словообразовательная семантика в русском языке. – М., 1977.
9. *Розенталь Д.Э.* Справочник по правописанию и литературной правке. – М.: Книга, 1985.
10. *Федотов М.А.* Правовые основы журналистики. // Труды по интеллектуальной собственности. – М.: ИМПЭ, 2001. – Т. IV.
11. *Трошкин Ю.В.* Права человека: Нарушение и защита прав человека и прессы. Учебное пособие. – М., 1997.

13. ДОПОЛНИТЕЛЬНАЯ ЛИТЕРАТУРА

1. Augst I., Faigel P. Von der Reihung zur Gestaltung: Unters zur Ontogenese der schriftliche Fachigkeiten von 13-23 Jahren. Franf. a. M., Zang 1986.
2. Baumgarten A. Wissenschaft und Sprache // Rechtsphilosophie auf dem Wege, 1987.
3. Bergmann C. Sermantische Destruktion als Metode der Manipulation // Sprachen in Konflikt: zur Rolle der Sprachen in sozialen, politische und militarische Auseinandersetzung. Berlin-NewYork, 1995.
4. Bix B. Law: Language and legal determinacy. Oxford, 1993.
5. Brochamp H. Die Tatvollendung bei den Beleidigungsdelikten. Inaug Diss...Munster. 1967.
6. Busse D. Juristische Semantik: Grundlagen Interpretationstheorie in sprachwissenschaftliche Sicht. Berlin, 1993.
7. Cover R.M. Narrative, violence, and the law: The essays of Robert Cover / Ed. by Minov M. et. al. – Ist paperback ed. – Ann Arbor: Univ. Of Michigan press, 1995.
8. Endros A. Rechtsprechung und Computer in der neunzieger Jahren: Am Beispiel von Begriff und Typologie der Korpersehaft des off Rechts – B. etc.: Springer- Verl. 1998, 19, 129s. (Informatik – Fachber. Vol. 174).
9. Gardners S. Stalking //Law quart. Rev. L., 1998, vol. 114. Jan. P. 33-39. Оскорбление действием: анализ судебной практики (Источник: Правоведение и политика, 1998, №9).
10. Gibbons I. Language and the law. N.Y. Longman, 1994.
11. Grasnick W. Uber Schuld, Strafe und Sprache: Systematische Studien zu den Grundlagen der Punktstrafen – und Spielraumtheoie – Tubingen 1987.

12. Helberg-Hirn T. Запретные темы и устное слово // *Studia slavica finlandensia*. Т.11. Helsinki. 1994.
13. Jolan L.M. The language of judges. Chicago; L., The univ. of Chicago-press 1993.
14. Language and the law. XIV. Longman, 1994.
15. Law, language, and narrative structure// *Law and literature*. N.Y., L, 1996.
16. Fillmore Ch.J. Of generativity // *The Goals of Linguistic Theory* Peters S (ed). Prentice-Hall, 1972.
17. Kienner H. Zur Juristensprache // *Verstandlichkeit. Verstehenbarkeit. Ubersetzbarkeit*. Neubert A. und Ruziska 1975.
18. Ricœur P. Zu einer Hermeneutik des Rechts, Argumentation und Interpretation // *Deutsche Zeitschrift für Philosophie*. Jg.42. H.3. Berlin, 1994.
19. Sprachen in Konflikt: zur Rolle der Sprachen in sozialen, politische und militärische Auseinandersetzung. Berlin-NewYork, 1995.
20. Tenckhoff I. Die Bedeutung des Ehrbegriffs für die Systematik der Beleidungstatbestände. B., 1974.
21. Wennstrom B. The lawyer and language / Transl. By Carroll R., Harrison D., Uppsala: Uppsalauniv., 1994.
22. Абрамова Е.Н. Техника составления векселя // *Проблемы юридической техники*. Сборник статей под ред. В.М. Баранова. Нижний Новгород, 2000.
23. Аверьянова Т.В. Интеграция и дифференциация научных знаний как источник и основа новых методов судебной экспертизы. М.: Академия МВД РФ, 1994.
24. Актуальные проблемы права СМИ: Материалы российско-американской конференции / Под ред. Г.В. Винокурова, А.Г. Рихтера, В.В. Чернышова. М., "Право и СМИ", 1997.

25. Александров А.С. Юридическая техника – судебная лингвистика – грамматика права // Проблемы юридической техники. Сборник статей под ред. В.М. Баранова. Нижний Новгород, 2000.
26. Александров А.С. Техники доказывания в русском уголовно-процессуальном дискурсе // Законотворческая техника современной России: состояние, проблемы, совершенствование: Сборник статей: В 2т./ Под ред. В.М. Баранова.- Нижний Новгород, 2001.- т.2.
27. Алексеев С.С. Государство и право. Москва, 1966.
28. Алексеев С.С. Общая теория права: Курс в 2-х т. Т.2. Москва, 1982.
29. Алексеев С.С. Право: азбука – теория – философия: Опыт комплексного исследования. Москва, 1999.
30. Алешко Д.Э. "Интернет-парламент: Сосед, так че приходил то?". <http://www.elections.ru/cgi-bin/ip/show.cgi?101/101.htm>.
31. Аллен Дж.Р., Перро Р. Выявление коммуникативного намерения, содержащегося в высказывании // НЗЛ- Вып.17.- М.,1986.
32. Алпатов В.М. 150 языков и языковая политика 1917-1997. Социолингвистические проблемы СССР и постсоветского пространства. Москва, РАН, Институт востоковедения. 1997.
33. Алтунян А. Апология демагогии. <http://www.elections.ru/cgi-bin/ip/show.cgi?101/101.htm>.
34. Американское диффамационное право и судопроизводство. Обзор законодательства и практики судебной защиты чести и достоинства // Законодательство и практика СМИ. №1, 1997.
35. Аналитический обзор результатов мониторинга нарушений, связанных с деятельностью средств массовой информации в Российской Федерации (октябрь – декабрь 1995 г.). М., 1996.
36. Андреев В.В. Национальный вопрос: Проблемы языковой политики // Политическое управление: теория и практика. Москва, 1997.

37. Андреева В.Н. " Пожизненное лишение свободы" – новый термин в российском уголовном законодательстве // Законотворческая техника современной России: состояние, проблемы, совершенствование: Сборник статей: В 2т./ Под ред. В.М. Баранова.- Нижний Новгород, 2001.- т.2.
38. Андреева Г. Конституционная терминология и основные понятия, связанные с институтом монархии // Право и жизнь, №13. 1998.
39. Анисимов А.Л. Гражданско-правовая защита чести, достоинства и деловой репутации по законодательству Российской Федерации: Уч. пос. для студентов высш. уч. зав.. М.: Владос, 2001.
40. Анисимов А.Л. Честь, достоинство, деловая репутация: гражданско-правовая защита. М., 1994.
41. Антоненко Т.А. Словесность в юриспруденции: Курс лекций. Р.-на-Дону, 1999.
42. Антонов В.П. О востребованности культуры речи в системе воспитания языковой личности // Теоретические и прикладные аспекты речевого общения: Вестн. Российской риторич. Ассоциации. Вып. 1 (8). Красноярск-Ачинск, 1997.
43. Антонов В.Г. Правовая логика: формирование и определимость правовых модальностей // Волгоградский юридический институт МВД России. Волгоград, 1998.
44. Апт Л.Ф. Анализ составления словарных статей юридического тезауруса // Советское государство и право. – 1977, №12.
45. Апт Л.Ф. Правовые дефиниции в законодательстве // Проблемы юридической техники. Сборник статей под ред. В.М. Баранова. Нижний Новгород, 2000.
46. Арапова Г. Дело IV. Курск. // Гласность -2000: Доклад, комментарии, очерки / Под ред. К. Симонова. – М., Изд-во Галерея, 2001.
47. Арбатский Л.А. Толковый словарь русской брани. М.,2000.

48. Аргументация в публицистическом тексте: Жанрово-стилистический аспект. Свердловск, 1992.
49. Ароцкер Л.Е. Тактика и этика судебного допроса. Москва, 1999.
50. Артемюк Н.Д. Пособие по юридическому переводу. Москва. Ин-т международных отношений (ун-т). МИД РФ.- М.: НВИ- Варяг, 1998.
51. Арутюнова Н.Д. Речеповеденческие акты и истинность // Человеческий фактор в языке: коммуникация, модальность, дейксис. Москва, 1992.
52. Аспекты речевой конфликтологии / Под ред С.Г. Ильенко.- СПб, 1996.
53. Бодуэн де Куртене. Блатная музыка. // Избранные работы по общему языкознанию. Москва, 1963.
54. Бабаев В.К., Баранов В.М., Толстик В.А. Теория права и государства в схемах и определениях. Москва, 1998.
55. Бабаева Э.У. К проблеме отождествления личности по признакам письменной речи // Правоведение. №5, 1968.
56. Базылев В.Н. Конфликтные ситуации в сфере политико-правовой коммуникации // Юрислингвистика-2: русский язык в его естественном и юридическом бытии. Барнаул, АГУ, 2000.
57. Базылев В.Н. Политический "театр" и "театральная" политика // Политический дискурс в России -4: Материалы рабочего совещания (Москва, 22 апреля 2000года) // Под ред. В.Н.Базылева и Ю.С. Сорокина.-М.: Диалог- МГУ, 2000.
58. Базылев В.Н. "История болезней": Александр Лебедь и Валерия Новодворская // // Политический дискурс в России -4: Материалы рабочего совещания (Москва, 22 апреля 2000года) // Под ред. В.Н.Базылева и Ю.С. Сорокина.-М.: Диалог- МГУ, 2000.
59. Базылев В.Н. О российских культурных комплексах: филологический эскиз // Политический дискурс в России -5: Материалы посто-

- янно действующего семинара (Москва, 22 апреля 2001 года) // Под ред. В.Н.Базылева, Ю.А.Сорокина, Е.Ф.Тарасова – М., 2001.
60. Баранов А. Российская политика sub specie перспективы импичмента президента Ельцина. <http://www.elections.ru/cgi-bin/ip/show.cgi?101/101.htm>.
 61. Баранов В.М., Александров А.С. Риторика и право // Юрислингвистика-3: проблемы юрислингвистической экспертизы: Межвуз. сб. науч. тр./ Под ред. Н.Д. Голева. Барнаул, АГУ, 2002
 62. Баранов В.М. О правовой демагогии. Нижегородские юридические записки. Сборник научных трудов. Вып. 3. Нижний Новгород, 1997.
 63. Баранов В.М., Сырых В.М. Законотворческие ошибки: понятие и типология // Законотворческая техника современной России: состояние, проблемы, совершенствование: Сборник статей: В 2т./ Под ред. В.М. Баранова.- Нижний Новгород, 2001.- т.1.
 64. Баранов П.П., Иванов Г.И., Костенко М.А. Роль эквивалентных преобразований текстов нормативно-правовых актов в законодательной технике // Законотворческая техника современной России: состояние, проблемы, совершенствование: Сборник статей: В 2т./ Под ред. В.М. Баранова.- Нижний Новгород, 2001.- т.1.
 65. Баркалова О.Н. Соотношение диалога и монолога в устной и письменной речи в гражданском судопроизводстве. Автореферат диссертации кандидата филолог. наук. М., 1989.
 66. Баркалова О.Н. Некоторые аспекты соотношения устной и письменной речи в гражданском судопроизводстве. М., 1989.
 67. Барт Р. Война языков // Барт Р. Избранные работы. Семиотика. Поэтика. М., 1994.
 68. Башиева З.В., Смирнова Н.П. Культура речи в юриспруденции. 1998.

69. Безлепкина Б.Т. Судебно-правовая защита прав и свобод граждан в отношениях с государственными органами и должностными лицами. М., 1997.
70. Беликов В. Рецензия на книгу Мокиенко В.М. Словарь русской бранной лексики // Русистика сегодня. №3, 1996.
71. Белявский А.В. Защита чести и достоинства граждан и организаций в советском праве: Автореф. дис. ... канд. юр. наук. М., 1966.
72. Белянин В.П., Бутенко И.А. Живая речь (словарь разговорных выражений). Москва, 1994.
73. Белянин В.П. Языковые средства выражения иронии в русском языке // Вестник Центра российской культуры. №3.1996.
74. Белянин В.П. Ирония в речевом поведении русских // Тезисы докладов и сообщений научно-метод. конф. "Современный русский язык: описание и преподавание"- Будапешт, 1996.
75. Белянин В.П. Идеологический язык: социальное и психологическое// Евразия на перекрестке языков и культур. Типология языков и культур. М.,1999.
76. Белянин В.П. А я девочка, раскинувшая мозгами (о текстах современных рок-музыкантов)// Московский комсомолец в Орле. №17. 30 декабря 1999.
77. Белянин В.П. Основы психолингвистической диагностики (Модели мира в литературе).- М., 2000.
78. Белянин В.П. Имена и эмоции в политическом тексте// www.psycho.ru
79. Белянин В.П. Как журналисты играют с именами // www.psycho.ru
80. Белянин В.П. Патопсихолингвистический анализ идеологического текста// www.psycho.ru
81. Белянин В.П. Психолингвистика и жизнь// www.psycho.ru

82. Белянин В.П. Психолингвистический аспект вербальной угрозы// [www. psycho.ru](http://www.psycho.ru)
83. Бердашкевич А. Русский язык как объект правоотношений // Российская юстиция, 2000, №4, С. 28-29 (консультант Комитета Государственной Думы РФ по образованию и науке)
84. Береговская Э.М. Молодежный сленг: формирование и функционирование // ВЯ, 1996, №3.
85. Бережная Т.Н. Современная американская риторика как теория и практика манипулирования общественным сознанием. Автореферат кандидатской диссертации. Москва, 1986.
86. Бернацкая А.А. Проблемы экологии языка в современной Германии // Теоретические и прикладные аспекты речевого общения. Науч.-метод. Бюл. Вып. 2. Красноярск-Ачинск, 1997.
87. Блюменкранц М.А. Введение в философию подмены. Москва, 1994.
88. Бляхман Б.Я. Лингвистическое конструирование юридических понятий в Конституции Российской Федерации и проблемы адекватного толкования // Юрислингвистика-1: проблемы и перспективы. Барнаул, АГУ, 1999.
89. Богин Г.И. Филологическая герменевтика. Калинин, 1982.
90. Богодухова Е.Д. Материалы средств массовой информации как объект экспертного психолого-криминалистического исследования. // Веб-сайт: www.expertizy.narod.ru
91. Бодуэн де Куртене И.А. "Блатная музыка" В.Ф . Трахенберга // Бодуэн де Куртене И.А. Избранные труды по общему языкознанию. Т.2. М., 1963.
92. Бойко А.И. Язык проекта УК: проблемы лингвистической культуры // Право и культура: проблемы взаимосвязи. Ростов-на-Дону, 1996.

93. Бойко Л.М. Совершенствование законодательной техники в условиях ускорения социально-экономического развития советского общества. Ташкент, 1988.
94. Бойко Л.М. Теоретические проблемы законодательной техники: Проблемы совершенствования современного законодательства. Москва, 1997.
95. Бойцов А.И. Толкование уголовного закона // Вестник ЛГУ. Сер.6. Вып.3. Ленинград, 1991.
96. Борисов Ю., Борисова А. Словесное порно // Аргументы и факты. №41, 1998.
97. Борисова С.А., Карнаухова М.В. К вопросу о семантическом пространстве политического дискурса // Политический дискурс в России -4: Материалы рабочего совещания (Москва, 22 апреля 2000года) // Под ред. В.Н.Базылева и Ю.С. Сорокина.-М.: Диалог- МГУ, 2000.
98. Бочарова Т. Кто есть ху? // Законодательство и практика СМИ. № 6, 1998.
99. Бровкина Ю.Ю. Юрислингвистические аспекты рекламной коммуникации // Юрислингвистика-3: проблемы юрислингвистической экспертизы: Межвуз. сб. науч. тр./ Под ред. Н.Д. Голева. Барнаул, АГУ, 2002
100. Бродская И. Конфиденциальные сведения: способы использования. Правовой смысл понятия "разглашение" // Законодательство и практика СМИ. № 7-8 (59-60), 1999
101. Бродская И. Современное состояние законодательства РФ о защите чести и достоинства // Законодательство и практика СМИ. № 5 (56), 1999.
102. Брушлинская Н.В. Реальное эхо виртуального насилия (по следам выступлений "Московского комсомольца"). // Международная кон-

- ференция "Журналистика в 2000году: Реалии и прогнозы развития". М., МГУ, 2001.
103. Бублик И.Ф. Семиотика вербальной агрессии // Человеческий фактор в правоохранительных системах. Материалы международной научно-практической конференции "Языки мозга и тела человека: проблемы и практическое использование в деятельности органов внутренних дел". Орел, 1996.
104. Бугаец А.А. Клевета и оскорбление: почему молчит Уголовный кодекс // Юрислингвистика-2: русский язык в его естественном и юридическом бытии. Барнаул, АГУ, 2000.
105. Будина Е.В., Третьякова В.С. Речевое поведение учителя с установкой на конфликт // Проблемы лингвистического образования школьников. Материалы науч.-практич. конф. Екатеринбург, 28-29 марта 2000. Екатеринбург, 2000.
106. Буй В. Русская заветная идиоматика. Веселый словарь крылатых выражений. Москва, 1995.
107. Букреев В.И. Этика и право. Москва, 1998.
108. Булгакова Л.Н., Захаренко И.В., Красных В.В. "Пиар": миф или реальность, или Кто кем виляет // Политический дискурс в России -4: Материалы рабочего совещания (Москва, 22 апреля 2000года) // Под ред. В.Н.Базылева и Ю.С. Сорокина.-М.: Диалог- МГУ, 2000.
109. Булгакова Н.Е. К вопросу о классификации языковых ярлыков в диахронии (20-е – 90-е годы XX века) // Теоретические и прикладные аспекты речевого общения. Вестник России. Риторическая ассоциация. Вып. 1 (8). Красноярск, 1989.
110. Булгакова Н.Е. Словесные ярлыки как фактор языкового насилия (лингвоэкологический аспект) // Теоретические и прикладные аспекты речевого общения. Научно-методический бюллетень. Вып.2. Красноярск-Ачинск, 1997.

111. Булыгина Е.Ю., Стексова Т.И. Проявление языковой агрессии в СМИ // Юрислингвистика-2: русский язык в его естественном и юридическом бытии. Барнаул, АГУ, 2000.
112. Булыгина Т.В., Шмелев А.Д. Приемы языковой демагогии. Апелляция к реальности как демагогический прием // Языковая концептуализация мира (на материале русской грамматики). Москва, 1997.
113. Бурукина О.А. Гендерная конвергенция в политическом дискурсе // Политический дискурс в России -4: Материалы рабочего совещания (Москва, 22 апреля 2000года) // Под ред. В.Н.Базылева и Ю.С. Сорокина.-М.: Диалог- МГУ, 2000.
114. Быков В. Русская феня. Словарь современного интержаргона асоциальных элементов. Смоленск, 1994.
115. Быкова О.Н. Языковое манипулирование // Теоретические и прикладные аспекты речевого общения. Вестник российской риторической ассоциации. Вып. 1 (8). Красноярск, 1999.
116. Быкова О.Н. К вопросу о языковом манипулировании в средствах массовой информации // Теоретические и прикладные аспекты речевого общения: Научно-методический бюллетень Красноярского государственного университета. Вып.6. Красноярск-Ачинск, 1998.
117. Бэрн Р., Ричардсон Д. Агрессия. С-Петербург, 1997.
118. Вайнрих Х. Лингвистика лжи // Язык и моделирование социального взаимодействия. Москва, 1957.
119. Варахобин В.В., Вольчик В.В., Асеев Д.К. Образцы хозяйственных договоров. Москва, 1998.
120. Васильев А.Д. Слово в телеэфире. Очерки новейшего словоупотребления в российском телевидении. Красноярск, 2000. (Очерк "Триумфальный марш субстандартной лексики: иллюзия свободы", с.110-129).

121. Васильева О.И. Взаимосвязь агрессивного побуждения и отношения к телевизионной рекламе// Проблемы медиапсихологии: Материалы секции "Медиапсихология" Международной научно-практической конференции "Журналистика в 2000 году: реалии и прогнозы развития" М., МГУ, 2001.
122. Васильковский А. Беспредел // Литературная газета, 12 января, 1990.
123. Васьковский Е.В. Руководство к толкованию и применению законов. Москва, 1997.
124. Вежбицка А. Антитоталитарный язык в Польше: механизмы языковой самообороны // ВЯ, 1993, №4.
125. Венгров А.Б. Теория государства и права. Москва, 1998.
126. Вендлер З. Факты в языке // Философия. Логика. Язык. М., 1997.
127. Вепрева И.Т. "Мы их в сортире замочим", или Штрихи к риторическому портрету В.В. Путина // Политический дискурс в России -4: Материалы рабочего совещания (Москва, 22 апреля 2000 года)// Под ред. В.Н.Базылева и Ю.С. Сорокина.-М.:Диалог- МГУ, 2000.
128. Верховский А., Михайловская Е., Прибыловский В. Политическая ксенофобия. Радикальные группы. Представления политиков. Роль церкви. Москва, 1999.
129. Вешняковская Е. Можно ли украсть слово? // Наука и жизнь, 1997, №11.
130. Виноградов В.В. Проблемы авторства и теория стилей. – М. 1961.
131. Виноградов В.В. Проблемы культуры речи и некоторые задачи русского языкознания // Виноградов В.В. Проблемы русской стилистики. – М., 1981.
132. Виноградова Т.Ю. Основы моделирования публичной речи в суде (вопросы теории и практики публичных выступлений по уголовным делам). Казань, КГУ, 1993.

133. Винокуров Г. Сила закона или нравственный императив // Законодательство и практика СМИ. №10, 1996.
134. Власенко Н.А. Жаргоны в праве: пределы и техника использования // Проблемы юридической техники. Сборник статей под ред. В.М. Баранова. Нижний Новгород, 2000.
135. Власенко Н.А. Правовые понятия и нормотворчество // Подготовка и принятие законов в правовом государстве. Москва, 1998.
136. Власенко Н.А. Правила законодательной техники в нормативных правовых актах субъектов Российской Федерации // Законотворческая техника современной России: состояние, проблемы, совершенствование: Сборник статей: В 2т./ Под ред. В.М. Баранова.- Нижний Новгород, 2001.- т.1.
137. Власенко Н.А. Язык права. Иркутск, 1997.
138. Власов Ю.М. Пропаганда за фасадом новостей (информационные материалы прессы на службе буржуазной пропаганды). М., Изд-во МГУ, 1996.
139. Воеводин Л.Д. Юридическая техника в конституционном праве // Вестник МГУ. Сер. 11. Право, №3, 1997.
140. Воинов А. Юридический аспект защиты чести и достоинства. Теория и практика // Законодательство и практика СМИ. №1, 1997.
141. Волгин И. Печать бездарности. Пуризм и вопросы языкознания. Литературная газета, 25 августа 1993.
142. Волков А.А. Риторика для юристов (Теория аргументации) М., 1996.
143. Волкова Н.А. Современный молодежный жаргон как лингво-экологическая проблема. Тезисы докладов Всероссийской межвузовской научной конференции "Речь города". Омск, 1995.
144. Волошина Т.А. Латинские юридические выражения // Сереро-кавказский юридический вестник. №3, 1997.
145. Вольф Е. М. Функциональная семантика оценки. М., 1985.

146. Вопленко Н.Н., Шириков А.С., Пишина С.Г. Законодательная техника и эффективность толкования права // Законотворческая техника современной России: состояние, проблемы, совершенствование: Сборник статей: В 2т./ Под ред. В.М. Баранова.- Нижний Новгород, 2001.- т.1.
147. Вопросы реализации федерального закона "О наименованиях географических объектов" Постановление правительства Российской Федерации // Российская газета 24 декабря 1997; продолжение 4 марта 1998.
148. Воркачев В.В. Зависть и ревность: К семантическому представлению моральных чувств в естественном языке // Известия АН. Серия литературы и языка.- 1998.-Т57.- №3.
149. Ворожейкин И.Е. и др. Конфликтология. М., 2000.
150. Всеобщая декларация прав человека. Принята и провозглашена резолюцией Генеральной Ассамблеи ООН от 10 декабря 1948 г. // Международное гуманитарное право в документах. М., 1996.
151. Гаврилов Э. О литературном псевдониме // Законодательство и практика СМИ. № 12 (52), 1998.
152. Галиева Д.А. К проблеме изучения концептуальных типов значений слов // Вестник Уф. юр. ин-та (МВД России). – Уфа, 1999.
153. Галиева Д.А. О сопоставительном описании концептуального поля "Закон и Право" (на материале русского и английского языков) // Функционирование русского языка в условиях активного билингвизма и полилингвизма: Материалы научного семинара. Уфа, БашГУ, 1999.
154. Галиева Д.А. Концептуальное поле "Право и закон" как основа учебного идеографического профессионально ориентированного словаря: Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. Уфа, 2000.

155. Галяшина Е.И. Использование специальных лингвистических знаний в судопроизводстве // Цена слова: Из практики лингвистических экспертиз текстов СМИ в судебных процессах по искам о защите чести, достоинства и деловой репутации // Под ред. проф. М.В. Горбаневского. 2-е изд., испр. и доп. – М.: Галерея, 2002.
156. Галяшина Е.И., Комиссаров А.Ю., Боровиков Д.С., Шашкин С.Б. Правовые и методологические аспекты установления факта предварительной подготовки письменных и устных текстов // Криминалистика. 21 век. Материалы научно-практической конференции 26-28 февраля 2001года. М., 2001
157. Герменевтический анализ: филологические аспекты понимания: Учебное пособие. / Под общей ред. Н.В. Халиной. – Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 1998.
158. Глаголев Н.В. Ложная информация и способы ее выражения в тексте // Филологические науки. №4, 1987.
159. Гласность -2000: Доклад, комментарии, очерки / Под ред. К. Симоннова. – М., Изд-во Галерея, 2001.
160. Гловицкая М.Я. Типовые механизмы искажения смысла при передаче чужой речи // Лики языка: К 45-летию науч. деятельности Е.А. Земской. М.,1998.
161. ГЛЭДИС нам поможет (Интервью Г. Трофимовой с М.В. Горбаневским) // Дружба (орган Российского университета дружбы народов), 7 декабря 2001 г., №20 (1186).
162. Годердзишвили Ц.М. Эволюция государственно-правового оформления статуса языков в истории России и Советского государства // Вестник МГУ. Серия 11: Право, №6, 1992.
163. Голев Н.Д. "Герой капиталистического труда" – оскорбительно ли это звание? (о двух стратегиях прагматического анализа текста как

- объекта юрислингвистической экспертизы) // Юрислингвистика-1: проблемы и перспективы. Барнаул, АГУ, 1999.
164. Голев Н.Д. На стыке языка и права (несколько тезисов по юрислингвистике) // Актуальные проблемы филологии. Тезисы докладов / Под ред. В.А. Пищальниковой. Барнаул, АГУ, 1998.
165. Голев Н.Д. Суггестивное функционирование внутренней формы слова в аспекте ее взаимоотношения с языковым сознанием // Языковые единицы в семантическом и лексикографическом аспектах. Вып.2. Новосибирск, 1998.
166. Голев Н.Д. Юридический аспект языка в лингвистическом освещении // Юрислингвистика-1: проблемы и перспективы. Барнаул, АГУ, 1999.
167. Голев Н.Д. Юридизация естественного языка как юрислингвистическая проблема // Юрислингвистика -2: русский язык в его естественном и юридическом бытии: Межвуз. сб. науч. тр. Барнаул, АГУ, 2000.
168. Голев Н.Д., Лебедева Н.Б. Речевой жанр ссоры и конфликтные сценарии (на материале рассказов В.М. Шукшина) // Юрислингвистика-2: русский язык в его естественном и юридическом бытии. Барнаул, АГУ, 2000.
169. Голев Н.Д. Юрислингвистика // Формат: Орган журналистов и полиграфистов. 2002, №1 (5).
170. Голев Н.Д. Юрислингвистика-2 // Формат: Орган журналистов и полиграфистов. 2002, №2 (6).
171. Голев Н.Д. Юрислингвистика в социальном пространстве современной России // Человек культуры: Русский язык в современном мире. Материалы Всероссийского симпозиума . Бийск, 2001.
172. Голев Н.Д., Пищальникова В.А. Еще раз о глубине лингвистической экспертизы текстов, вовлеченных в юридическую сферу (на мате-

- риале судебного разбирательства) // Юрислингвистика-2: русский язык в его естественном и юридическом бытии. Барнаул, АГУ, 2000.
173. Голев Н.Д. Об объективности и легитимности источников лингвистической экспертизы // Юрислингвистика-3: проблемы юрислингвистической экспертизы: Межвуз. сб. науч. тр./ Под ред. Н.Д. Голева. Барнаул, АГУ, 2002
174. Голев Н.Д., Лебедева Н.Б. Три лингвистические экспертизы по одному делу (к вопросу о вариативности презумпций экспертов) // Юрислингвистика-3: проблемы юрислингвистической экспертизы: Межвуз. сб. науч. тр./ Под ред. Н.Д. Голева. Барнаул, АГУ, 2002
175. Голик Ю.В., Энгвер Н.Н. Герменевтика: юридический и филологический аспекты // Юрислингвистика-1: проблемы и перспективы. Барнаул, АГУ, 1999.
176. Голева Т.С. Русский язык. Научный стиль речи. Юридический профиль. Академия управления МВД России. М., 1997. 302 с.
177. Голик Ю.В., Энгвер Н.Н. Национальный вопрос: проблемы языковой политики // Политическое управление: теория и практика. Москва, 1997.
178. Головина С.Ю. Роль понятий в изучении трудового права // Российский юридический журнал. №3. Екатеринбург, 1997.
179. Горбачева Е.В. Лингвистические средства как интеллектуальный компонент информативно-правовых систем // Правовая информатика. Вып.2. Москва, 1997.
180. Горбачева Т. Праздник вербальной свободы (по поводу иностранных заимствований в русском языке) // Независимая газета, 2000, 28 октября.
181. Горелова И.А. Коммуникативно-правовая деятельность и ее воплощение в тексте (эротетико-логический анализ процессуальной доку-

- ментации) // Юрислингвистика-2: русский язык в его естественном и юридическом бытии. Барнаул, АГУ, 2000.
182. Горбаневский М.В. Выбор слова, суды и экспертиза // Профессия – журналист. 2001, №9. – С.48-53.
 183. Горбаневский М.В., Караулов Ю.Н., Шаклеин В.М. Не говори шершавым языком: О нарушениях норм литературной речи в электронных и печатных СМИ. М., 1999.
 184. Грачев М.А. Арго и менталитет русских деклассированных элементов // Лексика, грамматика, текст в свете антрополингвистической лингвистики. Екатеринбург, 1995.
 185. Грачев М.А. Язык из мрака. Блатная музыка и феня. Нижний Новгород, Флокс, 1992.
 186. Греймас А. Договор вердикции // Язык. Культура. Философия. Вильнюс, 1986.
 187. Григорьев В.П. Культура языка и языковая политика // Русская речь, №1, 1990.
 188. Григорьев М.С. "Спецтехнологии в избирательных кампаниях // www.psycho.ru
 189. Григорян Э.А., Панькин В.М. Лингвисты и политики (полемические заметки) // Русский язык как государственный. Материалы международной конференции (Челябинск, 5-6 июня 1997г.). Москва-Челябинск, 1997.
 190. Григорян Э.А., Харисова Л.Р. Формы государственного устройства и национально-языковая политика // Русский язык как государственный. Материалы международной конференции (Челябинск, 5-6 июня 1997г.). Москва-Челябинск, 1997
 191. Гридина Т.А., Третьякова В.С. Принципы лингвокогнитивного анализа конфликтного высказывания // Юрислингвистика-3: проблемы

- юрислингвистической экспертизы: Межвуз. сб. науч. тр./ Под ред. Н.Д. Голева. Барнаул, АГУ, 2002
192. Грось Л. Еще раз о свободе мнения и защите чести и достоинства // Российская юстиция. №9, 1998.
193. Грось Л. Защита деловой репутации // Хозяйство и право. 1996, №12.
194. Грязин И. Текст права: опыт методологического анализа конкурирующих теорий. Таллин, 1983.
195. Губаева Т.В. Грамматико-стилистические особенности юридических терминов (процессуальные документы). Автореферат кандидатской диссертации. Баку, 1994.
196. Губаева Т.В. Моделирование речевых ситуаций допроса // Проблемы педагогической лингвистики. Казань, 1989.
197. Губаева Т.В. Правовой статус судебной лингвистической экспертизы // Цена слова: Из практики лингвистических экспертиз текстов СМИ в судебных процессах по искам о защите чести, достоинства и деловой репутации // Под ред. проф. М.В. Горбаневского. 2-е изд., испр. и доп. – М.: Галерея, 2002. mivigo@dol.ru
198. Губаева Т.В. Прагматика речевого общения в правовой сфере // Разновидности текста в функционально-стилевом аспекте. Пермь, 1994.
199. Губаева Т.В. Практический курс русского языка для юристов. Учебное пособие для вузов по специальности "Правоведение". Казань, 1990.
200. Губаева Т.В. Словесность в юриспруденции. Учебник для студентов вузов, обучающихся по направлению и специальности "юриспруденция". Казань, 1995.
201. Губаева Т.В., Пиголкин А.С. Лингвистические правила законодательной техники // Проблемы юридической техники. Сборник статей под ред. В.М. Баранова. Нижний Новгород, 2000.

202. Губаева Т.В., Шакирова Д.И. Принцип определенности правовой нормы и лингвистическая экспертиза законопроектов // Юрислингвистика-3: проблемы юрислингвистической экспертизы: Межвуз. сб. науч. тр./ Под ред. Н.Д. Голева. Барнаул, АГУ, 2002
203. Гудков Н.А., Трофимов А.В. Технология принятия и реализации управленческого решения. Домодедово, 1998.
204. Гудков Д.Б. Функционирование прецедентных феноменов в политическом дискурсе российских СМИ // Политический дискурс в России -4: Материалы рабочего совещания (Москва, 22 апреля 2000года) // Под ред. В.Н.Базылева и Ю.С. Сорокина.-М.: Диалог- МГУ, 2000.
205. Гузнов А.Г. и др. Современный законодательный процесс: основные институты и понятия. Смоленск, 1995.
206. Гусейнов Г.Ч. Ложь как состояние сознания // Вопросы филологии. №11, 1989.
207. Гусейнов Г.Ч. Речь и насилие // Век XX-й и мир, №8, 1998.
208. Гуц Е.Н. Ненормативная лексика в речи современного городского подростка (в сфере концепции языковой личности). Автореферат кандидатской диссертации. Казань, 1994.
209. Давид Р., Жоффре-Спинози К. Основные правовые системы современности. М.: Межд. Отн., 1996.
210. Давыдов Г. Очищение: В защиту русского языка // Литературная Россия , 1995, : октября (№40).
211. Даньковский Х. Словесная агрессия // Наука и жизнь. №6, Москва, 1995.
212. Девкин В.Д. Псевдоэкспрессия // Общие и частные проблемы функционирования стилей. М., 1986.
213. Дегтева Е.В. Ягубова М.А. Оценочное слово в языке газеты // Вопросы стилистики. Вып. 28. Антропоцентрические исследования. Саратов, 1999.

214. Дело № 1. Грачев против В.Поэгли. Ст. 131 УК РСФСР. М., 1996.
215. Дементьев В.В. Ирония как система коммуникативных интенций // Проблемы теории и практики изучения русского языка. М., Пенза, 1998, вып. 1.
216. Дементьев В.В. Косвенная ссора в русской и польской речевых культурах // Язык и общество. Вып. 10. Саратов, 1995.
217. Дементьев В.В. Непрямая коммуникация и ее жанры. Саратов. 2000.
218. Демьянков В.З. Событие в семантике, прагматике и в координатах интерпретации текста // Изв. АН СССР. ОЛЯ. 1983. №4
219. Денисов С.А. Типичные приемы законодательной техники, используемые в интересах групп управленцев // Законотворческая техника современной России: состояние, проблемы, совершенствование: Сборник статей: В 2т./ Под ред. В.М. Баранова.- Нижний Новгород, 2001.- т.1.
220. Дённенхаус С. Под флагом искренности (лицемерие и лесть как специфические явления речевого жанра "притворство") // Жанры речи – 2. Саратов, 1999.
221. Дмитриев А.В., Кудрявцев В.П., Кудрявцев С.В. Юридическая конфликтология. Ч. 1. Введение в общую теорию конфликтов. М., 1993.
222. Дмитриев А., Латынов В. Брань как второй государственный язык // Общая газета, 16-22 февр., 1995.
223. Добромыслов В.А. К вопросу о языке рабочего подростка. Москва-Рязань, 1932.
224. Доказательство и понимание/ Отв. ред. М.В. Попович. Киев, 1981.
225. Документы и делопроизводство / Сост. М.Т. Лихачева. Москва, 1991.
226. Доровских Е.М. Право и национальный язык: регулирование языковых отношений Российской Федерации (из серии: Отечественный и зарубежный федерализм). Москва, РАН, 1996.

227. Дорожкина Т.Н. Речевой имидж политического лидера // Социологические исследования. №8, 1997.
228. Доронина С.В. Инвективная функция насмешки и проблемы ее экспертной оценки // Юрислингвистика-3: проблемы юрислингвистической экспертизы: Межвуз. сб. науч. тр./ Под ред. Н.Д. Голева. Барнаул, АГУ, 2002
229. Доценко Е.Л. Психология манипуляции. Феномены, механизмы и защита. Москва, МГУ, 1996.
230. Драма российского закона / Под ред. В.П. Казимирчук. Москва, 1996.
231. Дубровский Д.М. Обман. Философско-психологический анализ. Москва, 1994.
232. Дымарский М.Я. Где находится порог языкового конфликта // Аспекты речевой конфликтологии / Под ред С.Г. Ильенко.- СПб, 1996.
233. Емельянова О.Н. Стилистическая помета в толковом словаре русского языка: к постановке проблемы // Теоретические и прикладные аспекты речевого общения. Вестн. Российск. Риторич. Ассоциации. Вып. 1 (8). Красноярск-Ачинск, 1999.
234. Енгальчев В.Ф. Юридическая психоллингвистика // Прикладная юридическая психология.- М., 2001.
235. Енгальчев В.Ф. Авторство анонимного текста // www.psycho.ru
236. Ениколопов С.Н. Средства массовой информации и насилие // Проблемы медиапсихологии: Материалы секции "Медиапсихология" Международной научно-практической конференции "Журналистика в 2000 году: реалии и прогнозы развития" М., МГУ, 2001.
237. Енина Л.В. Катартический характер речевой агрессии в сверхтексте лозунгов и источники ее смягчения // Вопросы стилистики. Вып. 28. Антропоцентрические исследования. Саратов, 1999.

238. Енина Л.В. Портрет митингующего, написанный им самим // Политический дискурс в России -4: Материалы рабочего совещания (Москва, 22 апреля 2000года) // Под ред. В.Н.Базылева и Ю.С. Сорокина.-М.: Диалог- МГУ, 2000.
239. Ермаков Ю.А. Манипуляция личностью: смысл, приемы, последствия. Екатеринбург, 1995.
240. Еременко С. Специфика анализа политического языка. <http://www.elections.ru/cgi-bin/ip/show.cgi?101/101.htm>.
241. Ермолаев А.К. О лингвистической экспертизе текстов (квалификация половой принадлежности их автора) // Юрислингвистика-3: проблемы юрислингвистической экспертизы: Межвуз. сб. науч. тр./ Под ред. Н.Д. Голева. Барнаул, АГУ, 2002
242. Ермошин Г. Государственно-правовые аспекты языковых отношений // Российская юстиция. №3, 1998.
243. Ермошин Г. Язык судопроизводства: правовые вопросы и решения // Российская юстиция. №9, 1998.
244. Ершова Е.Б. Терминология уголовного права (лексико-семантический и функциональный аспекты). Автореферат кандидатской диссертации. Ленинград, 1990.
245. Ефанова Л.Г. К названию закона о вероисповедании // Юрислингвистика-2: русский язык в его естественном и юридическом бытии. Барнаул, АГУ, 2000.
246. Ждакаев С. "С языка слетает – на воротах не виснет" // Известия, 21 ноября, 1995.
247. Жельвис В.И. Бранный тезаурус как орудие классовой борьбы // Политический дискурс в России: Материалы рабочего совещания. М., 1998.
248. Жельвис В.И. Инвектива: опыт тематической и функциональной классификации // Этнические стереотипы поведения.

249. Жельвис В.И. Инвективная стратегия как национально-специфическая характеристика // Этнопсихоллингвистика. Москва, 1988.
250. Жельвис В.И. Поле брани: сквернословие как социальная проблема. Москва, 1997.
251. Жельвис В.И. Проблемы проникновения табуированной обсценной лексики в текст художественного произведения // Художественный текст: проблемы изучения. Москва, 1990.
252. Жельвис В.И. Психоллингвистическая интерпретация инвективного воздействия. Автореферат докторской диссертации. Москва, 1992.
253. Жельвис В.И. Эмотивный аспект речи. Психоллингвистическая интерпретация речевого воздействия. Учебное пособие. Ярославль, 1990.
254. Жельвис В.И. Слово и дело: юридический аспект сквернословия // Юрислингвистика-2: русский язык в его естественном и юридическом бытии. Барнаул, АГУ, 2000.
255. Желтухина М.Р. Комическое в политическом дискурсе. Автореферат диссертации кандидата филологических наук, Волгоград, 2000.
256. Жеребкин В.И. Логический анализ понятий права. Киев, 1976.
257. Жеребин В.С. Правовая конфликтология. Владимир, 1998.
258. Живое слово русского Севера. Архангельск, 1998.
259. Журавлев В.К. Экология русского языка и культуры // Русский язык и современность. Проблемы и перспективы развития русистики. Всесоюз. Науч. конф. М., 20-23 мая 1991. Доклады. Ч. 1. М., 1991.
260. Закон: создание и толкование / Под ред. А.С. Пиголкина. Москва, 1998.
261. Законотворческая техника современной России: состояние, проблемы, совершенствование: Сборник статей: В 2т. / Под ред. В.М. Баранова.- Нижний Новгород, 2001.

262. Законы и практика СМИ в Европе, Америке и Австралии. М., 1995.
263. Залевская В.В. "Конфликтогенный" текст как источник судебных исков к СМИ // Человек – коммуникация – текст. Вып.2 ч.1. Барнаул, АГУ, 1998.
264. Замотаев А. Основные понятия и термины местного самоуправления // Городское управление. №6, 1997.
265. Заяц И.В. Использование лингвистических познаний при расследовании преступлений: Автореф. дисс. ... канд. юр. наук. Саратов, 2000.
266. Заяц И.В. Правовая лингвистика в системе профессиональной подготовки юристов // Вестник Саратовской государственной академии права. Саратов: СГАП, 1999, №4.
267. Заяц И.В. Проблемы использования вербальной формы фиксации доказательства // Вестник Саратовской государственной академии права. – Саратов: СНАП, 1999, №3.
268. Златоустова Л.В. Универсальное, групповое и индивидуальное в речи (лингвокриминалистический аспект) // Русский язык: исторические судьбы и современность: Международный конгресс исследователей русского языка: Труды и материалы. М., 2001.
269. Знаков В.В. Правда и ложь в сознании русского народа и современной психологии понимания.
270. Зозуля Т.М. Из истории терминов обязательного права в русском и украинском языках XVI-XVII вв. // Николаевский ГПУ. Рукопись депонирована в ГНТБ Украины 02.03.95; №579-УК95. Реферат депонирован в ИНИОН РАН №113р-95 от 10.05.95. Николаев, 1995.
271. Золотарев В. Конституция и свобода слова // Медиа и право. №2, 1996.
272. Зубарев В.С., Крысин Л.П. Язык и стиль обвинительного заключения. Москва, 1976.

273. Зубов В. Правовая культура УК РФ // Российская юстиция УК РФ. 1998, №6.
274. Ивакина Н.Н. Культура судебной речи. Учебное пособие. Москва.; БЕК, 1995.
275. Ивакина Н.Н. Порядок слов в правовых документах // Советская юстиция, №2, 1991.
276. Ивакина Н.Н. Профессиональная речь юриста. Учебное пособие. Москва.; БЕК, 1997.
277. Ивакина Н. Русский язык российского права. // Российская юстиция. 2000, №7. С.26-28 (помечено, автор – филолог, г. Красноярск).
278. Иваненок Ю. Правовая защита деловой репутации юридических лиц// Российская юстиция. 2000. №10.
279. Иваницкий В. Фундаментальный лексикон // Знание – сила. №3, 1994.
280. Иванова З.Н. Речевая агрессия в произведениях Э. Лимонова // Теоретические и прикладные аспекты речевого общения. Научно-методический бюллетень. Красноярск-Ачинск, 1997.
281. Ивин А.А. Логика норм. М., 1973.
282. Ивин А.А. Основания логики оценок. М., 1970.
283. Ильенко С.Г. К поискам ориентиров речевой конфликтологии // Аспекты речевой конфликтологии / Под ред С.Г. Ильенко.- СПб, 1996.
284. Ильин М.С. Импичмент в прессе. <http://www.elections.ru/cgi-bin/ip/show.cgi?101/101.htm>.
285. Исаков В.Б. Язык права // Юрислингвистика-2: русский язык в его естественном и юридическом бытии. Барнаул, АГУ, 2000.
286. Иссерс О.С. Коммуникативные стратегии и тактики русской речи. Омск, 1999.

287. Иссерс О.С. Свобода слова: две стороны медали (оскорбление в зеркале юриспруденции и лингвистики) // Юрислингвистика-1: проблемы и перспективы. Барнаул, АГУ, 1999.
288. Истина и закон: Судебные речи известных адвокатов XI – начала XX в. Т.2: Коварные лабиринты. Уральская гос.юрид.академия. В 4т.Екатеринбург, 1994.
289. Казанцев В., Коршунов Н. В каких случаях компенсируется моральный вред // Российская юстиция. №2, 1998.
290. Как слово наше отзовется // Российская юстиция, №4, 1998; №5, 1998; №6 1998, №7, 1998 (обзор книги "Понятия чести и достоинства....")
291. Калинина Н.А. Лингвистическая экспертиза законопроектов в Государственной Думе // Подготовка и принятие законов в правовом государстве. Москва, 1998.
292. Калинина Н.А. Лингвистическая экспертиза законопроектов: опыт, проблемы и перспективы (на примере работы Правового управления Аппарата Государственной Думы Федерального собрания РФ). Москва, 1997.
293. Капленко В.Н. Инвективность открытая и скрытая // Юрислингвистика-3: проблемы юрислингвистической экспертизы: Межвуз. сб. науч. тр./ Под ред. Н.Д. Голева. Барнаул, АГУ, 2002
294. Кара-Мурза Е.С. Экспертизы рекламных текстов // Цена слова: Из практики лингвистических экспертиз текстов СМИ в судебных процессах по искам о защите чести, достоинства и деловой репутации // Под ред. проф. М.В. Горбаневского. 2-е изд., испр. и доп. – М.: Галерея, 2002.
295. Каримова Р.А. Текстовое представление в СМИ смысла "сопротивление / несопротивление власти" // Политический дискурс в России -

- 4: Материалы рабочего совещания (Москва, 22 апреля 2000года) // Под ред. В.Н.Базылева и Ю.С. Сорокина.-М.: Диалог- МГУ, 2000.
296. Каримова Р.А. Политдискурс: реализация характерных образов сознания// Политический дискурс в России -5: Материалы постоянно действующего семинара (Москва, 22 апреля 2001 года) // Под ред. В.Н.Базылева, Ю.А.Сорокина, Е.Ф.Тарасова – М., 2001.
297. Керимов Д.А. Законодательная техника. Москва, 1998.
298. Керимов Д.А. Культура и техника законотворчества. М., 1991.
299. Керимов Д.А. Кодификация и законодательная техника. Ленинград, 1962.
300. Кестер-Тома З. Стандарт, субстандарт, нонстандарт // Русистика – Russistik. 1993. № 2.
301. Киреева Е.С. Психопоэтика и политическая психолингвистика: к вопросу о "новоязе" современного политдискурса // Политический дискурс в России -5: Материалы постоянно действующего семинара (Москва, 22 апреля 2001 года) // Под ред. В.Н.Базылева, Ю.А.Сорокина, Е.Ф.Тарасова – М., 2001.
302. Кисенишский И.М. Судебные речи по уголовным делам (процессы, защиты, законность). М., 1991.
303. Кислова Е.П. Региональная политика: текстовая реализация двух стратегий речевого поведения // Политический дискурс в России -5: Материалы постоянно действующего семинара (Москва, 22 апреля 2001 года) // Под ред. В.Н.Базылева, Ю.А.Сорокина, Е.Ф.Тарасова – М., 2001.
304. Кирилин К.А. Опровержение и ответ как механизм реализации информационных прав личности: "де-юре" и "де-факто" // Юрислингвистика-3: проблемы юрислингвистической экспертизы: Межвуз. сб. науч. тр./ Под ред. Н.Д. Голева. Барнаул, АГУ, 2002

305. Клемперер В. Язык III рейха. Записная книжка филолога. Москва, 1998.
306. "Клонирование" СМИ: хороший результат при минимуме затрат // Законодательство и практика СМИ. № 11 (51), 1998.
307. Клушина Н.И. Мифологизация речевых средств в языке современной газеты // Русская речь, 1996, №5.
308. Клушина Н.И. Языковые механизмы формирования оценки СМИ // Публицистика и информация в современном обществе / Под ред. Солганика Г.Я. М., 2000.
309. Ключанова И.Э. Семиотический фетишизм в межкультурном общении // Политический дискурс в России -4: Материалы рабочего совещания (Москва, 22 апреля 2000 года) // Под ред. В.Н.Базылева и Ю.С. Сорокина.-М., :Диалог- МГУ, 2000.
310. Клямкин И.М. Социально-политическая риторика в постсоветском обществе: политическо-социальный переход общества // Полис, №4, 1995.
311. Кобяков Д. Бессмертный дар. Повесть о словах. Барнаул, 1973.
312. Ковалев Е.А., Шевчук В.Д. Защита чести, достоинства и деловой репутации в суде // Именем закона, 1995.
313. Ковалев Ю.В. О полевой структуре социально-политического общения // Политический дискурс в России -4: Материалы рабочего совещания (Москва, 22 апреля 2000 года) // Под ред. В.Н.Базылева и Ю.С. Сорокина.-М., :Диалог- МГУ, 2000.
314. Ковалев Ю.В. Публичная политическая речь: устно-разговорная и книжно-письменная? // Политический дискурс в России -5: Материалы постоянно действующего семинара (Москва, 22 апреля 2001 года) // Под ред. В.Н.Базылева, Ю.А.Сорокина, Е.Ф.Тарасова – М., 2001.
315. Коган В.М. К вопросу о формализации отрасли права // Вопросы кибернетики и права. Москва, 1967.

316. Колбасов О.С. Терминологические блуждания в эпологии // Государство и право. 1999 № 10, с. 27-37.
317. Колдин В.Я. Экспертиза как инструмент права // Проблемы юридической техники: Сборник статей / Под ред. В.М. Баранова.- Нижний Новгород, 2000.
318. Колесков С. Puzzle в языке политики. <http://www.elections.ru/cgi-bin/ip/show.cgi?101/101.htm>.
319. Комиссаров А.Ю. К вопросу о криминалистический экспертизе речи // Вопросы криминалистики и экспертно-криминалистические проблемы: Сб. науч. тр. М.: ОКЦ МВД РФ, 1997.
320. Колесников Н.П., Корнилов Е.А. Поле русской брани: Словарь бранных слов и выражений в русской литературе (от Н.С. Баркова и А.С. Пушкина до наших дней). – Ростов-наДону, 1996.
321. Колодкин Б.В. Буржуазное манипулирование сознанием молодежи капиталистических стран средствами массовой информации и пропаганды. Автореферат кандидатской диссертации. Киев, 1987.
322. Колысько Т. Лед тронулся? // Семья, №7, 1990.
323. Комиссаров А.Ю. К вопросу о криминалистический экспертизе речи // Вопросы криминалистики и экспертно-криминалистические проблемы: Сб. науч. тр. М.: ОКЦ МВД РФ, 1997.
324. Комлев Н.Г. Доведет ли язык до Киева? Судьба языкового и общественного союза // Книжное обозрение, 18 августа 1998; продолжение 25 августа 1998
325. Комлев Н.Г. Лингво-семантические мотивы возникновения и разрешения межперсонального конфликта // Тез. VI всесоюз. симп. по психолингвистике и теории коммуникации. М., 1978.
326. Кормилицына М.А. Есть ли у журналиста право на ошибку? Речевая культура журналистов // Русский язык и культура общения для государственных служащих. Саратов, 1998.

327. Корневский Ю. Можно ли обойтись без политики в судебных прениях // Социальная законность. №5, 1976.
328. Королева И.И. Имя человека не есть пустой звук // Русская речь. №6, 1997.
329. Костомаров В.Г. Языковой вкус эпохи. Из наблюдений над речевой практикой масс-медиа. М., 1994.
330. Кострова М.Б. Язык нормы права. Докторская диссертация (юр. науки). Уфа.
331. Кострова М.Б. Оценочная лексика в уголовном законе: уголовно-правовой, уголовно-процессуальный и криминалистический аспекты // Юрислингвистика-3: проблемы юрислингвистической экспертизы: Межвуз. сб. науч. тр./ Под ред. Н.Д. Голева. Барнаул, АГУ, 2002
332. Косцинский К. Существует ли проблема жаргона // Вопросы литературы, №5, 1968.
333. Кочубей Н.Ю. Лингвистические средства пропагандистского воздействия (на материале правовой прессы Франции). Автореферат кандидатской диссертации. Киев, 1989.
334. Крагер М.Д. Лексический анализ статей А. Проханова. <http://www.elections.ru/cgi-bin/ip/show.cgi?101/101.html>.
335. Крейдлин Г.Е. Таксономия, норма, оценка // Знак. М., 1994.
336. Кречетов Д.В. Честь и достоинство (исторический аспект) // Юрислингвистика-2: русский язык в его естественном и юридическом бытии. Барнаул, АГУ, 2000.
337. Кротов Я. Оборотни в мире слов // Московские новости. 20 декабря 1992.
338. Круг П. Диффамация в российском законодательства // Законодательство и практика СМИ. №2, 1994.
339. Круковский В.И. Функционально-прагматические особенности французского законодательного дискурса. Рукопись деп. В ГНТБ

- Украины № 108-УК96 от 20.12.1995. Реферат деп. В ИНИОН РАН № 42 Р-96 от 24.01.1996. Киев, КГЛУ, 1996.
340. Крусс В.И. Юридическая техника – юридическая герменевтика – конституционный порядок // Проблемы юридической техники : Сборник статей / Под ред. В.М. Баранова.- Нижний Новгород, 2000.
341. Крысин Л.П. Эвфемизмы в современной русской речи // Русский язык конца 20 столетия (1985-1995). М., 1996.
342. Крюкова Е.А. Основные проблемы языка и стиля законодательных актов // Представительная власть – 21 век: законодательство, комментарии, проблемы. 2000, №1.
343. Крюкова Е.А. О средствах достижения точности выражения правовых норм // Представительная власть – 21 век: законодательство, комментарии, проблемы. 2000, №4.
344. Крюкова Е.А. Язык формальной логики и язык законодательных актов // Юрислингвистика-3: проблемы юрислингвистической экспертизы: Межвуз. сб. науч. тр./ Под ред. Н.Д. Голева. Барнаул, АГУ, 2002
345. Крюкова Е.А. Особенности и универсальность использования скобок как средства достижения точности выражения норм права // Юрислингвистика-3: проблемы юрислингвистической экспертизы: Межвуз. сб. науч. тр./ Под ред. Н.Д. Голева. Барнаул, АГУ, 2002
346. Куайан У.О. Референция и модальность // Новое в зарубежной лингвистике. В.13. 1982.
347. Куватов Э.Ф. Воздействие правовой демагогии на юридическую технику // Проблемы юридической техники. Сборник статей под ред. В.М. Баранова. Нижний Новгород, 2000.
348. Кудрявцев М. Способы защиты чести, достоинства, доброго имени и деловой репутации в современном российском праве // Законодательство и практика СМИ. № 9-10, 1998.

349. Кузнецов Б.А. Защита чести и достоинства (опыт, проблемы, стратегия и тактика защиты). М., 1996.
350. Кузнецова Е.А. Интерпретация юридического текста (факта) как проблема точки зрения (к проблеме субъективности) // Юрислингвистика-3: проблемы юрислингвистической экспертизы: Межвуз. сб. науч. тр./ Под ред. Н.Д. Голева. Барнаул, АГУ, 2002
351. Кузьмина С.С. Национальный язык судопроизводства: правовое положение переводчика в уголовном процессе. Конспект лекций. Генеральная прокуратура РФ, Институт повышения квалификации прокураторско-следственных работников. Москва, 1996.
352. Кульман А.Д. Методы и приемы семантической обработки информации в буржуазной пропаганде. Автореферат кандидатской диссертации. Москва, 1979.
353. Куницын А.Р. Образцы заявлений и жалоб в суд. Москва, 1999.
354. Купина Н.А. Агитационный дискурс: крутые сценарные повороты // Политический дискурс в России -5: Материалы постоянно действующего семинара (Москва, 22 апреля 2001 года) // Под ред. В.Н.Базылева, Ю.А.Сорокина, Е.Ф.Тарасова – М., 2001.
355. Купина Н.А., Енина Л.В. Три ступени речевой агрессии // Речевая агрессия и гуманизация общения в средствах массовой информации. Екатеринбург, УрГУ, 1997.
356. Лаврушин В.И. Социально-психологические основания предвыборной технологии манипулирования массовым сознанием в провинциальном городе // Политический дискурс в России -5: Материалы постоянно действующего семинара (Москва, 22 апреля 2001 года) // Под ред. В.Н.Базылева, Ю.А.Сорокина, Е.Ф.Тарасова – М., 2001.
357. Лазарев В.В., Липень С.В. Теория государства и права. Москва, 1998.
358. Лазарева Э.А. Реклама // Речевая агрессия и гуманизация общения в средствах массовой информации. Екатеринбург, УрГУ, 1997.

359. Лаптева О.А. Живая русская речь с телеэкрана. Разговорный пласт телевизионной речи в нормативном аспекте. Сегед, 1990; то же 3-е изд. М., 2001.
360. Лебедева Н.Б. Об аспектах юрислингвистики // Актуальные проблемы филологии. Тезисы докладов. Барнаул, 1998.
361. Лебедева Н.Б. О метаязыковом сознании юристов и предмете юрислингвистики (к постановке проблемы) // Юрислингвистика-2: русский язык в его естественном и юридическом бытии. Барнаул, АГУ, 2000.
362. Лебединская В.А. Шельмование противника как риторический прием // Тезисы докладов научной конференции " Риторика в развитии человечества и общества". Пермь, 1992.
363. Левин Ю.И. Об обценных выражениях русского языка // Russian Linguistics. №10, 1988.
364. Лейчик В.М. Идентификация личности по речевому стилю // www.psycho.ru
365. Леонтьев А.А., Шахнарович А.М., Базов В.И. Речь в криминалистике и судебной психологии. Москва, 1997.
366. Личность, речь и юридическая практика. Сборник статей. 1999.
367. Лобачева, Г.В. Представление россиян о монархии: лексико-семантический аспект / Под ред. Авруса А.Н., Федюниной С.М.. Саратов, СГТУ, 1988.
368. Логический анализ языка: Образ человека в культуре и языке. Москва, 1999.
369. Логический анализ языка: Знание и мнение. М., 1988.
370. Локов И.В. Защита чести и достоинства граждан и организаций в гражданском судопроизводстве: Авторф. дисс. ... канд. юр. наук. Л., 1989.

371. Лукашевич В.Г. Тактика общения следователя с участниками отдельных следственных действий. Киев, 1984.
372. Лукин В.А. Слово "истина" и идея тождества // Известия Академии наук СССР. Сер. лит. и яз. Т.2 №1, 1993.
373. Лунев П.А. От свободы хамства к свободе слова // Журналист, №1, 1992.
374. Любимов А.П. Законодательные требования для проведения экспертизы законопроектов // Представительная власть – 21 век: законодательство, комментарии, проблемы. 2000, №1.
375. Любимов А.П. Практика использования терминов "лоббизм", "лоббистская деятельность в нормативных правовых актах и иных официальных документах в Российской Федерации // Представительная власть – 21 век: законодательство, комментарии, проблемы. 2000, №4.
376. Любимов Н.А. К вопросу о правовой коммуникации в законотворчестве // Юрислингвистика-3: проблемы юрислингвистической экспертизы: Межвуз. сб. науч. тр./ Под ред. Н.Д. Голева. Барнаул, АГУ, 2002
377. Любимова Л.М. А.Ф.Кони – судебный оратор (из истории русского судебного красноречия) // Высшая школа: гуманитарные науки и гуманитаристические основы образования и воспитания. Ч.5 Лингвистика. Чита, 1996.
378. Мазур Т. В. Профессионально-ориентированная риторическая подготовка студентов-юристов в вузе: Автореф. дисс. ... канд. пед. наук. М., МПГУ, 2001.
379. Мазур Т.В. Судебные прения по уголовным делам в суде I инстанции как речевое событие // Уч. зап. Якутского фмлиала Академии труда и социальных отношений (сб. статей). Вып. 2. Якутск, 1997.

380. Майданова Л.М. Качество общения через средства массовой информации // Речевая агрессия и гуманизация общения в средствах массовой информации. Екатеринбург, УрГУ, 1997.
381. Майданова Л.М. Агрессивность и речевая агрессия // Речевая агрессия и гуманизация общения в средствах массовой информации. Екатеринбург, УрГУ, 1997.
382. Майданова Л.М. Агрессивные положительные портреты // Речевая агрессия и гуманизация общения в средствах массовой информации. Екатеринбург, УрГУ, 1997.
383. Майданова Л.М. Модели газетного номера с точки зрения речевой агрессии // Речевая агрессия и гуманизация общения в средствах массовой информации. Екатеринбург, УрГУ, 1997.
384. Майданова Л.М. Отражение фрустрирующих ситуаций // Речевая агрессия и гуманизация общения в средствах массовой информации. Екатеринбург, УрГУ, 1997.
385. Майданова Л.М. Тексты-воззвания // Речевая агрессия и гуманизация общения в средствах массовой информации. Екатеринбург, УрГУ, 1997.
386. Майданова Л.М. Портреты-обличения // Речевая агрессия и гуманизация общения в средствах массовой информации. Екатеринбург, УрГУ, 1997.
387. Майданова Л.М. , Амиров В.М., Федотовских Т.Г. Агитационные тексты // Речевая агрессия и гуманизация общения в средствах массовой информации. Екатеринбург, УрГУ, 1997.
388. Майданова Л.М., Соболева Е.Г. Источники смягчения речевой агрессии // Речевая агрессия и гуманизация общения в средствах массовой информации. Екатеринбург, УрГУ, 1997.

389. Макаренко В.А., Погадаев В.А. Языковая ситуация и языковая политика в юго-восточной Азии Вестник Московского университета. Сер.13. Востоковедение. 1999, №2.
390. Макловский Т., Кляйн М., Щиплов А. Жаргон-энциклопедия московской тусовки. М., 1997.
391. Максимов М. Язык судебных документов // Советская юстиция, №16, 1997.
392. Максимович К.А. Терминология церковно-канонического и гражданского права в древнейшем славянском переводе "Пандектов" Никона Черногорца. Автореферат кандидатской диссертации. Москва, РАН, Институт русского языка им. В.В.Виноградова, 1996.
393. Малеина М.Н. Защита личных неимущественных прав советских граждан. М., 1991.
394. Малеина М.Н. Защита чести, достоинства и деловой репутации предпринимателя // Законодательство и экономика. 1993, №24.
395. Малеина М.Н. Право на имя // Государство и право. №5, 1998.
396. Малько А.В. Стимулы и ограничения в праве (Теоретико-информационный аспект). Саратов, 1994.
397. Мальцева Р.И. Словарь молодёжного жаргона. КубГУ, 1998.
398. Малышева А.Ж. Дело № 5. Ирина Чернова против УВД Волгограда.- М.:
399. "Галерея", 2000.
400. Мансурова В.Д. Инстанция истины: о соотношении норм языка и права в общественной коммуникации // Юрислингвистика-1: проблемы и перспективы. Барнаул, АГУ, 1999.
401. Марогулова И.Л. Защита чести и достоинства. Москва, 1998.
402. Мартыненко В.В. Модально-временная организация предложений в текстах советского конституционного законодательства. Автореферат диссертации кандидата филолог. наук. Киев, 1989.

403. Марусенко М.А. Атрибуция анонимных и псевдонимных текстов методами прикладной лингвистики // Прикладное языкознание. СПб, 1996.
404. Мастерская практического опыта: примеры судебных дел. выигранных СМИ в 2000 году // Гласность -2000: Доклад, комментарии, очерки / Под ред. К. Симонова. – М., Изд-во Галерея, 2001.
405. Матвеева Т.В. Лексическая экспрессивность в языке. Свердловск, 1986.
406. Матвеева Т.В. Нормы речевого общения как личностные права и обязанности, формируемые в сфере естественной коммуникации // Юрислингвистика-2: русский язык в его естественном и юридическом бытии. Барнаул, АГУ, 2000.
407. Матузов Н.И., Малько А.В. Теория государства и права: Курс лекций. Т.2. Москва, 1997.
408. Международный словарь непристойностей. Путеводитель по скабрёзным словам и неприличным выражениям в русском, итальянском, французском, немецком и английском. М., 1992.
409. Милославская Д.И. Типовые трудности семантической интерпретации юридического текста // Юрислингвистика-2: русский язык в его естественном и юридическом бытии. Барнаул, АГУ, 2000.
410. Мирошников Е.Г. Ясность и точность как требования к языку закона // Проблемы юридической техники: Сборник статей / Под ред. В.М. Баранова.- Нижний Новгород, 2000.
411. Мирошниченко А.А. Толкование речи. Основы лингво-идеологического анализа. Ростов-на-Дону, 1995.
412. Митрохин В. Кобзарь думал по-русски. О нападках на русский язык на Украине // Российская газета, 1998, 17 января.
413. Михальская А.К. Русский Сократ: лекции по сравнительно-исторической риторике. Москва, 1996.

414. Михальчук П.П. Прагматический аспект функционирования форм несовершенного вида в законодательных текстах. Автореферат кандидатской диссертации. Москва, 1993.
415. Мокиенко В.М. Словарь бранной русской лексики (матизмы, обсценизмы, эвфемизмы с историко-этимологическими комментариями). Берлин, Dieter Lenz Verlag, 1995.
416. Мокиенко В.М. Субстандартная фразеология русского языка и некоторые проблемы ее лингвистического изучения // Динамика русского слова. СПб, 1994.
417. Мокиенко В.М. Русская бранная лексика: цензурное и нецензурное // Русистика – Russistik. 1994. № 1-2.
418. Москаленко Т.А. Информационно-поисковый тезаурус Парламентской библиотеки РФ как интегральное лингвистическое средство обработки документов // Правовая информатика. Вып.2. 1997.
419. Москаленко Т.А. Язык законодательства: взаимосвязь основных понятий информационного, правового, лингвистического аспектов исследования // Тезисы докладов на теорет. конф. аспирантов Инст. гос. и права РАН и МГЮА. Москва, 1995.
420. Москаленко Ю. В. Агрессивность в тексте криминальной направленности // Тезисы докладов первой областной конференции Калужского отделения Российского психологического общества , Калуга, 1999.
421. Михальская А.К. Русский Сократ: лекции по сравнительно-исторической риторике. Учебное пособие для студентов гуманитарных факультетов. Москва, 1996.
422. Москалькова Т.Н. Честь и достоинство: как их защитить? Уголовно-правовой аспект. М., 1992.

423. Мульганова Т.Б. Стилистическая принадлежность и жанровые особенности текстов судебно-медицинской экспертизы // Филологический поиск. Вып.2. Волгоград, 1996.
424. Муравьева Н.В. Язык конфликта. М., 2002.
425. Муратов П. Запретные слова // День. №21. 1993.
426. Муромцев Г.И. Юридическая техника: некоторые аспекты содержания понятия // Проблемы юридической техники: Сборник статей / Под ред. В.М. Баранова.- Нижний Новгород, 2000.
427. Мясников М. Язык мой – враг твой (Общее образовательное пространство: реальность и перспективы) // Российская Федерация, №17, 1995.
428. Насилие. Личность. Общество. Тезисы научно-практической конференции. М., ВНИИ МВД России, 2000.
429. Настольная книга по оформлению законов. Кельн, 1991.
430. Наумов В.И. Толкование норм права: Уч. пос. для студентов, аспирантов, преподавателей юр. Факультетов вузов. М., 1998. 76 с. Библ. 73-75.
431. Наумов С.А. Особенности национального политического языка. <http://www.elections.ru/cgi-bin/ip/show.cgi?101/101.htm>.
432. Неволин К.А. Энциклопедия законовещения. С-Петербург, 1997.
433. Некляев С.Э. СМИ в структуре информационно-психологических технологий локального военно-политического конфликта // Проблемы медиапсихологии: Материалы секции "Медиапсихология" Международной научно-практической конференции "Журналистика в 2000 году: реалии и прогнозы развития" М., МГУ, 2001.
434. Нерознак В.П. Современная этноязыковая ситуация в России // Известия Росс. АН. Сер. лит. и яз. 1994, т.53, №2.

435. Никитин А.В. Правовой символ как прием юридической техники // Проблемы юридической техники : Сборник статей / Под ред. В.М. Баранова.- Нижний Новгород, 2000.
436. Николаева Т.М. "Событие" как категория текста и его грамматические характеристики // Структура текста. М., 1980.
437. Николаева Т.Н. "Лингвистическая демагогия" // Прагматика и проблемы интенциональности. Москва, 1998.
438. Николина Н.А. "Скорнение" в современной речи // Язык как творчество. М., 1996.
439. Никольский Л.Б. Языковые конфликты в многонациональных странах // Функционирование языков в многонациональном обществе. М., 1991.
440. Никоноров М.Г. Сборник жаргонных слов и выражений, употребляемых в устной и письменной форме преступным элементом. Москва, 1978.
441. Новости от Интерфакса: Пресненский суд Москва отклонил иск Дмитрия Васильева к НТВ и Евгению Киселеву, назвавшему лидера "Памяти" антисемитом // Законодательство и практика СМИ. № 4 (56), 1999.
442. Новиков В. Ноблесс оближ: о нашем речевом поведении // Новый мир. №1, 1998.
443. Нуждается ли в защите свобода слова. Материалы пресс-конференции // Законодательство и практика. №2, 1994.
444. О толковом толковании // Поиск, 2001, №46 (инф. о Лаборатории юрислингвистики и развитии речи Алтайского госуниверситета)
445. Ованесян Е. Плоды дарованной свободы // Литературная Россия, 4 января 1990.

446. Овчинникова И.Г. Стандарт и индивидуальная вариативность восприятия текста нонсенса// Стереотипность и творчество в тексте. Пермь, 1999.
447. Огорелков И.В. Современное состояние диагностических исследований в автороведении // Криминалистика. 21 век. Материалы научно-практической конференции 26-28 февраля 2001года. М.,2001.
448. Орлова Т.О. Юридическая техника в международных договорах Российской Федерации // Проблемы юридической техники: Сборник статей / Под ред. В.М. Баранова.- Нижний Новгород, 2000.
449. Орлова О.В. К вопросу о роли коммуникативного подхода в лингвистической экспертизе // Юрислингвистика-3: проблемы юрислингвистической экспертизы: Межвуз. сб. науч. тр./ Под ред. Н.Д. Голева. Барнаул, АГУ, 2002
450. Осипов Б.И. Языковые проблемы права и правовые проблемы языка // Юрислингвистика-1: проблемы и перспективы. Барнаул, АГУ, 1999.
451. Осипов Б. И. Речевое мошенничество – вид уголовного преступления? // Юрислингвистика-2: русский язык в его естественном и юридическом бытии. Барнаул, АГУ, 2000.
452. Осмонов А. Уголовная ответственность за оскорбление. Автореферат диссертации кандидата юрид. наук. М., 1972.
453. Осташевский А.В. Метаязыковые аспекты характеристики клеветы и оскорбления. АКД, Краснодар, 1997.
454. Островский А. Пример из практики ведения допроса о защите чести и достоинства: нестандартные ходы // Законодательство и практика СМИ. №1, 1992.
455. Ответим за базар? (Интервью А.Барабаш с проф. Н.Д. Голевым) // Вечерний Барнаул, 7 ноября 2001 г., №172 (1498).

456. Ощепкова Е.С. Идентификация пола по письменному тексту// www.psycho.ru
457. Ощепкова Е.С. Об установлении особенностей автора по тексту // www.psycho.ru
458. Павлова Л.Г. Некоторые вопросы языкового оформления правовой информации в русских нормативных документах // Болгарская русистика. София, №3, 1993.
459. Павлова Л.Г. Риторическое образование юристов: актуальные проблемы и задачи // Северо-кавказский юридический вестник., 1997.
460. Палиева З.И. Лингвистическая экспертиза текста публикации "Прощай билет за 7 лет" в газете "Причулымский вестник" от 15 апреля 2000 г. // Гласность -2000: Доклад, комментарии, очерки / Под ред. К. Симонова. – М., Изд-во Галерия, 2001. – С.86-88.
461. Панкратов В.Н. Манипуляции в общении и их нейтрализация. Практическое руководство. М., Изд. Института психотерапии, 2001.
462. Пантелев Б.Н. Экспертиза текстов массовой информации – необходимое условие подлинного правосудия // Цена слова: Из практики лингвистических экспертиз текстов СМИ в судебных процессах по искам о защите чести, достоинства и деловой репутации // Под ред. проф. М.В. Горбаневского. 2-е изд., испр. и доп. – М.: Галерия, 2002. mivigo@dol.ru
463. Панченко П.Н. Юридическая техника как фактор совершенствования уголовного законодательства // Проблемы юридической техники : Сборник статей / Под ред. В.М. Баранова.- Нижний Новгород, 2000.
464. Панько К.К. Техничко-юридическое качество внутренних свойств уголовного закона // Законотворческая техника современной России: состояние, проблемы, совершенствование: Сборник статей: В 2т./ Под ред. В.М. Баранова.- Нижний Новгород, 2001.- т.2.

465. Паршин П.Б. Краткие предварительные соображения по дискуссиям раздела "Языки политики". 1997.
466. Паршин П.Б. Обзор дискуссий. <http://www.elections.ru/cgi-bin/ip/show.cgi?101/101.htm>.
467. Пендиков И.Г. Особенности правосознания русской интеллигенции // Вестник Омского отделения Академии гуманитарных наук. Омск, 1998, №3.
468. Петелина Р.С., Кулибани М. Лесть и похвала как компоненты социального общения // Вопросы романо-германской и русской филологии(типология, прагматика и словообразование). Сборник научных трудов. Деппонент. Пятигорск, 1991.
469. Петренко В.Ф. Психосемантика сознания. Москва, 1998.
470. Петренко В.Ф. Психосемантика ментальности: коммуникативный аспект // Проблемы медиапсихологии: Материалы секции "Медиапсихология" Международной научно-практической конференции "Журналистика в 2000 году: реалии и прогнозы развития" М., МГУ, 2001.
471. Пиголкин А.С. Законодательная техника и правотворчество // Научные основы советского правотворчества. Москва, 1981.
472. Пиголкин А.С. Подготовка проектов нормативных актов. М., 1968.
473. Пиголкин А.С. Теоретические проблемы правотворчества в СССР. Автореферат докторской диссертации.
474. Пиголкин А.С. Язык закона: черты, особенности // Язык закона. Москва, 1990.
475. Пиголкин А.С., Студеникина М. Всяк сущий в ней язык ... (Анализ республиканских законов о языках) // Народный депутат, №9, 1992.
476. Пишина С.Г. Интерпретационные ошибки, возникающие при осуществлении грамматического способа толкования // Проблемы юриди-

- ческой техники : Сборник статей / Под ред. В.М. Баранова.- Нижний Новгород, 2000.
477. Пищальникова В.А. Психолого-юридическое содержание судебного процесса и судебных речей в суде присяжных заседателей. Баранул, 1998.
478. Плотников В. Деловая репутация как объект гражданско-правовой защиты // Хозяйство и право. №11, 1995.
479. Плотникова С.Н. Неискренность говорящего как лингвистическая проблема // Когнитивный аспект языкового знака 2. Говорящий и наблюдатель. Иркутск, 1999.
480. Подлогин Е.А. Культура следственных действий. Волгоград, 1978.
481. Подчасов А.С. Дезориентирующие заголовки в современных газетах // Русская речь, 2000, №3.
482. Поленина С.В. Законотворчество в Российской Федерации. Москва, 1996.
483. Политический дискурс в России-3. Материалы рабочего совещания 27-28 марта 1999. РАН. Институт языкознания. Москва, Диалог-МГУ, 1999.
484. Политический дискурс в России -4: Материалы рабочего совещания (Москва, 22 апреля 2000 года) // Под ред. В.Н. Базылева и Ю.А. Сорокина .- М.: Диалог-МГУ, 2000.
485. Политический дискурс в России -5: Материалы постоянно действующего семинара (Москва, 22 апреля 2001 года) // Под ред. В.Н.Базылева, Ю.А.Сорокина, Е.Ф.Тарасова – М., 2001.
486. Половова Л.В. Техничко-юридические дефекты законодательных текстов как основания интерпретационной практики // Законотворческая техника современной России: состояние, проблемы, совершенствование: Сборник статей: В 2т./ Под ред. В.М. Баранова.- Нижний Новгород, 2001.- т.1.

487. Полянский Н.Н. О терминологии советского закона // Проблемы социального права. Сборник 5, 1983.
488. Понятие чести и достоинства, оскорбления и ненормативности в текстах права и средств массовой информации. Москва, 1997.
489. Попова Л.А. О защите русского языка как государственного в Челябинской области // Русский язык как государственный. Материалы международной конференции (Челябинск, 5-6 июня 1997г.). Москва-Челябинск, 1997.
490. Поченцов Г. Паблик рилейшнз, или как успешно управлять общественным мнением. Москва, 1998.
491. Право и культура. Ростов-на-Дону, 1996.
492. Придворов Н.А. Институт достоинства личности в советском праве. Автореф. диссертации докт. юр. наук. Харьков, 1986
493. Проблемы юридической техники в уголовном и уголовно-процессуальном законодательстве. Ярославль, 1996.
494. Проблемы информационно-психологической безопасности: Сборник статей и материалов конференции. М., 1996.
495. Проблемы медиапсихологии: Материалы секции "Медиапсихология" Международной научно-практической конференции "Журналистика в 2000 году: реалии и прогнозы развития" М., МГУ, 2001.
496. Проблемы юридической техники. Сборник статей / Под ред. Баранова В.М. Нижний Новгород, 2000.
497. Проблемы языковой жизни Российской Федерации и зарубежных стран = Language problems of the Russian Federation and foreign states: Материалы к 13 Всемир. конгр. социологов / РАН. Отделение лит. и яз.- М., 1994.
498. Прокопорский Г. 1998 год может войти в историю российской журналистики помеченным черной отметкой // Законодательство и практика СМИ. № 11 (51), 1998.

499. Прокофьев Г.С. Анализ юридического текста: некоторые вопросы теории // Вестник МГУ. Сер. 11. Право. №2. Москва, МГУ, 1995.
500. Прокофьев Г.С. Онтологическая и гносеологическая функции языка в правовых нормах // Вестник МГУ, сер.11. Право. 1999, №3. С. 101-110.
501. Пронин Е.И. Психологические проблемы современной журналистики // Проблемы медиапсихологии: Материалы секции "Медиапсихология" Международной научно-практической конференции "Журналистика в 2000 году: реалии и прогнозы развития" М., МГУ, 2001.
502. Пронина М.Г., Романович А.Н. Защита чести и достоинства граждан. М., 1976.
503. Прохожев А.А. Национальная безопасность: к единому пониманию сути и терминов // Безопасность. №9, 1995.
504. Пряничников Е.О. Очерк развития терминологии уголовного и исправительно-трудового законодательства // Труды ВНИИСЗ, №7.
505. Пряничников Е.О. О языке правовых актов // Ученые записки ВНИИСЗ. Вып.6, Москва, 1996.
506. Психолингвистическая экспертная система ВААЛ // www.psycho.ru
507. Психология эмоций: Тексты. М, 1984.
508. Пудина Л. Рассуждения после проигранного иска // Законодательство и практика СМИ. № 6, 1998.
509. Радченко В.Н. Изучение ораторского искусства в США. М., 1991.
510. Ралдугин Н.В. Правовая экспертиза проектов федеральных законов. Москва, 1998.
511. Рао С. Оценка с помощью кавычек (о языке прессы) // Русская речь, 1996, №3.
512. Рапинов А.Р. Логико-психологическая структура лжи и ошибки в свидетельских показаниях // Вопросы борьбы с преступностью. Вып. 37. Москва, 1982.

513. Рафиева Л.К. Гражданско-правовая защита чести и достоинства личности в СССР: Автореф. дисс. ... канд. юр. наук. М., 1996.
514. Рахимов Р.А., Хабибулина Н.И. Государственная идеология и язык закона. С-Петербург, 1999.
515. Рахимов Р.А., Хабибулина Н.И. Проблемы семиотического анализа государственной власти и языка закона // Проблемы юридической техники. Сборник статей под ред. В.М. Баранова. Нижний Новгород, 2000.
516. Рахманин Л.В. Стилистика деловой речи и редактирование служебных документов. М., 1999.
517. Рахманина Т.Н. О формах обнародования нормативных правовых актов в государствах содружества // Сравнительный обзор законодательства государств-участников СНГ. Москва, 1995.
518. Ревазян Г.В. Криминалистическая экспертиза как объект лингвистического анализа // Филологический поиск. Вып.2. Волгоград, 1996.
519. Репина Е.А. Агрессивный текст как вид текста // www.psychology.ru
520. Репина Е.А. О психолингвистическом анализе политических текстов // www.psychology.ru
521. Репина Е.А. Текст как средство негативного воздействия // www.psychology.ru
522. Репина Е.А. Эпатажный текст как вид текста // www.psychology.ru
523. Рецкер Я. Плагиат или самостоятельный перевод? (об одной судебной экспертизе) // Тетради переводчика. М., 1963. С.42-64.
524. Речевая агрессия и гуманизация общения в средствах массовой информации. Екатеринбург, УрГУ, 1997.
525. Рижинашвили И.У. Лингвистические механизмы тенденциозного представления события. С-Петербург, 1994.
526. Розин И.Н. Об оскорблении чести. Томск, 1907.

527. Роман Л.В. Метаязыковая субстанциональность языка судопроизводства и речевые аспекты его реализации. Краснодар, 1998.
528. Романов А.А. Оценка как способ фиксации конфликтности речевого поведения политика // Политический дискурс в России -4: Материалы рабочего совещания (Москва, 22 апреля 2000 года) // Под ред. В.Н.Базылева и Ю.С. Сорокина. -М.:Диалог- МГУ, 2000.
529. Романов А.А., Воеводкин Н.Ю., Романова Л.А. Дискурс как иерархия целевых программ изменения суггестором личностных установок реципиента: Опыт психотерапевтической коммуникации // Динамический дискурс в познавательном и педагогическом процессах.- Липецк, 1999.
530. Романов А.А., Романова Л.А. Специфика воздействия резонансной информации в актах политической коммуникации // Политический дискурс в России -5: Материалы постоянно действующего семинара (Москва, 22 апреля 2001 года) // Под ред. В.Н.Базылева, Ю.А.Сорокина, Е.Ф.Тарасова – М., 2001.
531. Романов А.А., Черепанова И.Ю. Языковая суггестия в предвыборной коммуникации.- Тверь, 1998.
532. Романова Е.Г. Ритуальный характер политической дискуссии // Политический дискурс в России -5: Материалы постоянно действующего семинара (Москва, 22 апреля 2001 года) // Под ред. В.Н.Базылева, Ю.А.Сорокина, Е.Ф.Тарасова – М., 2001.
533. Ромашов Н.Н. Система идеологии русского тоталитарного языка по данным газетных демагогических текстов первых послереволюционных лет. Автореферат кандидатской диссертации. Екатеринбург, УрГУ, 1995.
534. Ругайтесь правильно, или Довольно толковый словарь русской брани // Книжное обозрение. 1999, №21.

535. Русистика: лингвистическая парадигма конца XX века. С-Петербург, 1999.
536. Русская философия права. Москва, 1997.
537. Русский мат. Толковый словарь. / Сост. Т.В. Ахметова. Москва, 1997.
538. Русский язык как государственный. Тезисы докладов конференции. Челябинск, 1998.
539. Рычкалова Л.А. Лингвистические методы анализа звучащей речи в криминалистике // Юрислингвистика-3: проблемы юрислингвистической экспертизы: Межвуз. сб. науч. тр./ Под ред. Н.Д. Голева. Барнаул, АГУ, 2002
540. Рябинин Ю. Какие мы по национальности? (О чистоте русского языка) // Книжное обозрение, №37 (1998, 15 октября).
541. Сабо И. Социалистическое право. Москва, 1964.
542. Савельев В.С. Жанровая система древнерусской юридической письменности. М., 1994.
543. Савельева Л.В. Современная русская социоречевая культура в контексте этнической ментальности // Язык и этнический менталитет. Петрозаводск, 1995.
544. Савельева Л.В. Языковая экология. Русское слово в культурно историческом освещении. Петрозаводск, 1997.
545. Савенкова Л.Б. Приемы убеждения в судебной речи // Известия вузов. Северо-кавказское региональное общество науки, №2, 1997.
546. Савицкий В.М. Язык процессуального закона. Москва, 1991.
547. Савицкий В.М. Язык процессуального закона: Вопросы терминологии. Под ред. Сухарева. АН СССР. Институт гос. и права. М., 1987.
548. Салимовский В.А. Лингвоидеологический анализ дискурса и его место в теории речевой коммуникации // Политический дискурс в России -5: Материалы постоянно действующего семинара (Москва, 22

- апреля 2001 года) // Под ред. В.Н.Базылева, Ю.А.Сорокина, Е.Ф.Тарасова – М., 2001.
549. Сандевуар П. Введение в право. Москва, 1994.
550. Саржина О.В. Русская инвективная лексика в свете межъязыковой эквивалентности (по данным словарей) // Речевое общение. Вып.4 (12). – Красноярск, 2002.
551. Сафин Н.Ш. и др. Судебные прения по уголовным делам: Уч. пособие. Казань, 1992.
552. Свинцов В.И. О дезинформации // Текст как психолингвистическая реальность. Москва, 1982.
553. Свинцов В.И. Полуправда // Вопросы философии. №6, 1990.
554. Седов К.Ф. Типы языковых личностей и строение речевого поведения (о риторике бытового конфликта) // Вопросы стилистики. Вып.26. Язык и человек. Саратов, 1996.
555. Селезнев М., Уорсноп Р. Казнить нельзя помиловать // Российская юстиция, №6, 1995.
556. Сергеев А.П. Право на защиту репутации. Л., 1989.
557. Сергеич П. Искусство речи на суде. Москва, 1998.
558. Сергиева Н.С. Языковая ситуация и "Закон о государственных языках республики Коми" // Русский язык как государственный. Язык как средство идеологического воздействия. Сборник обзоров. Москва-Челябинск, 1997.
559. Сидоров Л.Н. Интерпретация как один из способов понимания (на материале юридических текстов). Автореферат диссертации канд.фил.наук. Москва, РАН, 1995.
560. Символика тюрем: нравы уголовного мира всех стран и народов. Минск, 1996.
561. Скворцов Л.И. Культура языка и экология слова // РР, № 4-5, 1988.

562. Скворцов Л.И. Что угрожает русскому языку? (размышления о состоянии современной речи) // Русский язык в школе, №5. 1994.
563. Скворцов Л.И. Экология слова, или Поговорим о культуре русской речи: Кн. Для учащихся. М., 1996.
564. Скворцов Л.И. Язык, общение и культура (экология и язык) // Русский язык в школе, № 1, 1994.
565. Сквородников А.П. Вопросы экологии русского языка. Учебное пособие. Красноярск, 1993.
566. Сквородников А.П. Лингвистическая экология: теория и практика. Рабочая программа спецкурса для студентов факультета филологии и журналистики. Красноярск, 1999.
567. Сквородников А.П. Об экологии русского языка // Филологические науки, № 5-6, 1992.
568. Сквородников А.П. Языковое насилие в современной российской прессе // Теоретические и прикладные аспекты речевого общения. Научно-методический бюллетень. Вып.2. Красноярск-Ачинск, 1997.
569. Словарь жаргона преступников (блатная музыка) / Сост. С.М. Потопов. Москва, 1927.
570. Словарь обидных слов / Сост. Дуличенко Л.В. Тарту, 2000.
571. Словарь тюремно-лагерно-блатного жаргона: речевой и графический портрет советской тюрьмы. Москва, Края Москвы, 1992.
572. Слово в парламентской речи и культура общения. М., 1995.
573. Слово – дело великое // Русская словесность. 1994, №5.
574. Смолян Г.Л., Зараковский Г.М., Розин В.М. Информационно-психологическая безопасность (определение и анализ предметной области). Препринт, М., Институт системного анализа РАН, 1996.
575. Снегов С.А. Философия блатного языка // Даугава, Рига, №11, 1990.
576. Снегов С.А. Язык, который ненавидит. М.: Просвет, 1994.

577. Соболева А.К. Каноны толкования в праве // Проблемы юридической техники: Сборник статей / Под ред. В.М. Баранова.- Нижний Новгород, 2000.
578. Современный законодательный процесс: Основные институты и понятия. Смоленск, 1995.
579. Соков Л. В языке международной политики – все наоборот! <http://www.elections.ru/cgi-bin/ip/show.cgi?101/101.htm>.
580. Солганик Г.Я. Толковый словарь: язык газеты, радио, телевидения. М., 2002.
581. Соловьева Т.А. Восклицательные предложения в текстах судебного производства // Средства русского языка: структура, семантика, функция. Рукопись деп. В ИНИОН РАН № 50822 от 16.10.1995. Тула, 1995.
582. Соловьева Т.А. Высокая лексика в речах русских юристов второй половины XIX в. // Структурно-семантический анализ единиц. Тула, 1994.
583. Соловых С.Н. Юридическая терминология в договоре дарения // Проблемы юридической техники. Сборник статей под ред. В.М. Баранова. Нижний Новгород, 2000.
584. Солодухина А.О., Солодухин А.А. Юридический диалог: теория и практика, круг проблем. Москва, 1998.
585. Сорокин Ю.А. Статус факта (события) и оценки в текстах массовой коммуникации // Юрислингвистика-2: русский язык в его естественном и юридическом бытии. Барнаул, АГУ, 2000.
586. Сорокин Ю.А. Каким не должен быть суггестивный текст? // Политический дискурс в России -5: Материалы постоянно действующего семинара (Москва, 22 апреля 2001 года) // Под ред. В.Н.Базылева, Ю.А.Сорокина, Е.Ф.Тарасова – М., 2001.

587. Соцууро Л.В. Неофициальное толкование норм российского права. М., 1996.
588. Сперанская А.Н. "Стиль ссоры" // Русская речь. №5, 1993.
589. Сперанская А.Н. Выявление приемов "демагогической риторики" как компонента полемического искусства // Тезисы научной конференции "Риторика в развитии человека и общества". Пермь, 1992.
590. Сперанская А.Н. Оскорбление словом в обыденном и правовом сознании носителей русского языка // Юрислингвистика-1: проблемы и перспективы. Барнаул, АГУ, 1999.
591. Стернин И.А. Проблема сквернословия. Туапсе, 2000.
592. Стриженко А.А. Роль языка в системе средств пропаганды. Томск, 1980.
593. Стриженко А.А. Средства речевого воздействия в буржуазной пропаганде. Автореферат кандидатской диссертации. Москва, 1982.
594. Стриженко А.А. Язык и идеологическая борьба. Иркутск, 1988.
595. Сугачев Л.Н. Ответственность за оскорбление по советскому уголовному праву. Автореферат диссертации канд. юрид. наук. Харьков, 1955.
596. Сугачев Л.Н. Ответственность за оскорбление. М.: юрид. лит., 1966.
597. Суздалев Е.Н. Теория аргументации: перспективы анализа правовых контекстов // Ученые записки юридического факультета. С-Петербург, 1996.
598. Суперанская А.В. За английское слово – штраф: Как правильно говорить по-русски // Учительская газета, 1998, 13 января (продолжение следует)
599. Суслов В.В. Герменевтика и юридическое толкование // Государство и право №6, 1997.

600. Сулова О.Ю. Шизосемиозис коммуникативного пространства в постсовременности // Коммуникации в культуре. Петрозаводск, 1996.
601. Сыпченко С.В. Из опыта судебной лингвистической экспертизы публицистических произведений (о проблемах лингвистической экспертизы как прикладного направления юрислингвистики) // Юрислингвистика-1: проблемы и перспективы. Барнаул, АГУ, 1999.
602. Сыпченко С.В. О типах инвективных текстов как объекте лингвистической экспертизы // Юрислингвистика-2: русский язык в его естественном и юридическом бытии. Барнаул, АГУ, 2000.
603. Сырых В.М. Теория государства и права. Москва, 1998.
604. Сырых В.М. Предмет и система законодательной техники как прикладной науки и учебной дисциплины // Законотворческая техника современной России: состояние, проблемы, совершенствование: Сборник статей: В 2т./ Под ред. В.М. Баранова.- Нижний Новгород, 2001.- т.1.
605. Сырых Е.В. Алогизмы в законе: понятие, виды, методика использования в образовательном процессе // Законотворческая техника современной России: состояние, проблемы, совершенствование: Сборник статей: В 2т./ Под ред. В.М. Баранова.- Нижний Новгород, 2001.- т.1.
606. Татарникова Н.М. Юридический протокол как вторичный речевой жанр // Юрислингвистика-3: проблемы юрислингвистической экспертизы: Межвуз. сб. науч. тр./ Под ред. Н.Д. Голева. Барнаул, АГУ, 2002
607. Телегина Г.В. Язык как инструмент власти: идеи "критической лингвистики" о роли языка в образовании // Социально-экономические проблемы трансформации роли общества. Тюмень, 1998.

608. Тенчов Э.С. Язык уголовного закона // Проблемы юридической техники: Сборник статей / Под ред. В.М. Баранова.- Нижний Новгород, 2000.
609. Теория государства и права / Под ред. В.К. Бабаева. Москва, 1999.
610. Теория государства и права / Под ред. В.М. Карельского, В.Д. Первалова. Москва, 1997.
611. Тихомиров Ю.А. Юридическая коллизия. Москва, 1994.
612. Тихонова Р.И. Заботиться о судьбе русского языка как государственного, беречь другие языки России // Русский язык как государственный. Материалы международной конференции (Челябинск, 5-6 июня 1997г.). Москва-Челябинск, 1997.
613. Тихонравов Ю.В. Основы философии права. Москва, 1997.
614. Толковый словарь уголовных жаргонов. Москва, 1991.
615. Толстик В.А. Техничко-юридические приемы выявления, установления и преодоления формально-логических противоречий // Проблемы юридической техники. Сборник статей под ред. В.М. Баранова. Нижний Новгород, 2000.
616. Тошович Б. Язык в конфликте // Проблемы языковой жизни в Российской Федерации и зарубежных странах. Москва, 1994.
617. Тренин Е.В. О некоторых положениях российского законодательства о языках // Российский юридический журнал. №4, 1995.
618. Третьякова В.С. Прагматика речевого конфликта // Проблемы лингвистического образования школьников: Материалы науч.-практ. конф. Екатеринбург 25-26 марта 1999 г. Екатеринбург, 1999.
619. Третьякова В.С. Конфликт глазами лингвиста // Юрислингвистика-2: русский язык в его естественном и юридическом бытии. Барнаул, АГУ, 2000.
620. Трубицина Л.В. Средства массовой информации и психологическая травма// Проблемы медиапсихологии: Материалы секции "Медиап-

- сихология" Международной научно-практической конференции "Журналистика в 2000 году: реалии и прогнозы развития" М., МГУ, 2001.
621. Трубников П.Я. Судебная защита чести и достоинства // Социалистическая законность. 1989, №6.
622. Туманян Э.Г. Законы о языках и возможность их реализации // Язык в контексте общественного развития. Москва, 1994.
623. Убийко В.И. О типологии политических дискурсов в их прагматической обусловленности // Политический дискурс в России -4: Материалы рабочего совещания (Москва, 22 апреля 2000года) // Под ред. В.Н.Базылева и Ю.С. Сорокина.-М.:Диалог- МГУ, 2000.
624. Убийко В.И. Концептосфера современного политического дискурса// Политический дискурс в России – 5: Материалы постоянно действующего семинара (Москва, 22 апреля 2001 года) // Под ред. В.Н.Базылева, Ю.А.Сорокина, Е.Ф.Тарасова – М., 2001.
625. Устинов В.С. Техника конструирования дефиниций в уголовном законодательстве // Законотворческая техника современной России: состояние, проблемы, совершенствование: Сборник статей: В 2т./ Под ред. В.М. Баранова.- Нижний Новгород, 2001.- т.2.
626. Ушакин С.А. После модернизма: язык власти или власть языка // Общественные науки и современность. 1996, №5.
627. Ушакин С.А. Речь как политическое действие // Полис, №5, 1995.
628. Ушаков А.А. Каким должен быть язык уголовного закона // Социалистическая законность, №10, 1974.
629. Ушаков А.Л. О понятии юридической техники и ее основных проблемах // Ученые записки Пермского ГУ. Т.19. Пермь, ПГУ, 1961.
630. Ушаков А.Л. О языке законов и законодательной стилистике // Структура лингвостилистики и ее основные категории. Пермь, 1983.

631. Ушаков А.Л. Очерки советской законодательной стилистики. Ч. 1, 2. Пермь, 1967.
632. Ушаков А.Л. Содержание и форма в праве и советском правотворчестве. Автореферат докторской диссертации. Свердловск, 1970.
633. Ушаков А.Л. Язык советского закона // Русская речь. №1, 1968.
634. Ушакова Т.Н., Латынов В.В. Оценочный аспект конфликтной речи // Вопросы психологии. Москва, №5, 1995.
635. Фаер С. Приемы, стратегии и тактики предвыборной борьбы. Семьдесят три стратегемы. СПб, 1998.
636. Фатыхова Л.А. Процесс оценочного проецирования как функционирование языкового сознания человека// www.psychology.ru
637. Филлмор Ч.Дж. Об организации семантической информации в словаре // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 14. Проблемы и методы лексикографии. Москва, 1983.
638. Флегон А. За пределами русских словарей. Лондон, 1973.
639. Фонетика и лингвокриминалистика (интервью с Г.Е. Кедровой с проф. Л.В. Златоустовой) // Вестник Московского университета. Сер.9. Филология. 2001, №3.
640. Хабибулина Н.И. Язык закона и его постижение в процессе языкового толкования права. Автореферат диссертации канд.юрид.наук. Академия МВД РФ. Диссертационный совет Д-052.01.04. Москва, 1996.
641. Харлицкий М.С. Новые явления в лексике современной масс-медиа (язык периодики) // Язык и социум. Ч.1. Минск, 1998.
642. Халина Н.В., Банных В.Н. Основные особенности языка законодательства как особого стиля литературной речи // Юрислингвистика-1: проблемы и перспективы. Барнаул, АГУ, 1999.

643. Хижняк С.П. Англо-американская и русская терминология права: социолингвистический аспект возникновения и развития. АДД (фил. науки). Саратов, 1997.
644. Хижняк С.П. Правовая терминология и проблема ее упорядочения // Правоведение, №3, 1994.
645. Хижняк С.П. Терминология права, терминологические словари и принципы их составления // Известия вузов. 1994.
646. Хижняк С.П. Формирование и развитие терминологичности в языковой системе (на материале юридической терминологии): Автореф. дисс. ... докт. филол. наук. Саратов, 1998.
647. Хижняк С.П. Юридическая терминология: формирование и состав / Под ред. Баранниковой Л.И. Саратов, 1997.
648. Хитина М.В. Специфика анализа данных при исследовании изменения эмоционального состояния говорящего в криминалистической экспертизе// www.psychology.ru
649. Хитина М.В. Признаки дефектов речи и их использование при проведении криминалистических экспертиз // www.psychology.ru
650. Хропанюк В.Н. Теория государства и права. М., 1998 (разд. Юриспруденция и поэзия.с. 364 и 366)
651. Цена слова: Из практики лингвистических экспертиз текстов СМИ в судебных процессах по искам о защите чести, достоинства и деловой репутации // Под ред. проф. М.В. Горбаневского – М.: Галерея, 2001.
652. Цена слова: Из практики лингвистических экспертиз текстов СМИ в судебных процессах по искам о защите чести, достоинства и деловой репутации // Под ред. проф. М.В. Горбаневского. 2-е изд., испр. и доп. – М.: Галерея, 2002.
653. Цурганова Е.А. Герменевтика – наука о смысле текста // Вестник Российской академии наук, 1994, т. 64, №12, с. 1095-1099.

654. Чеботарева В. Защищать честь и достоинство – право каждого // Законодательство и практика СМИ. № 9-10, 1998.
655. Человеческий фактор в правоохранительных системах. Материалы международной научно-практической конференции "Языки мозга и тела человека: проблемы и практическое использование в деятельности органов внутренних дел". Орел, 1996.
656. Чепкина Э.В. Код иронии в журналистских текстах // Вопросы стилистики. Вып. 28. Антропоцентрические исследования. Саратов, 1999.
657. Чепкина Э.В. Формы общения с читателем в современной газете // Речевая агрессия и гуманизация общения в средствах массовой информации. Екатеринбург, УрГУ, 1997.
658. Черданцев А.Ф. Логико-языковые феномены в праве, юридической науке и практике. Екатеринбург, 1993.
659. Черданцев А. Можно оспорить и мнение // Российская юстиция, 1997, №11, с.51.
660. Черданцев А.Ф. Теория государства и права. Москва, 1999.
661. Черданцев А.Ф. Толкование советского права. Москва, 1979.
662. Чередниченко Т. Россия 1990-х в слоганах, рейтингах, имиджах. Актуальный лексикон истории культуры. М., 1997.
663. Черепанова И.Ю. Текст как фактор изменения установки личности (лингвистические аспекты суггестии). Автореферат кандидатской диссертации. Пермь, 1992.
664. Чернобель Г.Т. Проблема искренности и научной достоверности в правоведении // Методологические проблемы советской юридической науки. Москва, 1980.
665. Черниловский З.М. Презумпции и фикции в истории права // Советское государство и право, №1, 1984.
666. Чернышова Т.В. Ложная аргументация (псевдоаргументация, ложное делопроизводство) // Теоретические и прикладные аспекты речевого

- общения. Вестник российской риторической ассоциации. Вып. 1 (8). Красноярск, 1999.
667. Чернышова Т.В. Речевая (языковая, вербальная) агрессия // Теоретические и прикладные аспекты речевого общения. Вестник российской риторической ассоциации. Вып. 1 (8). Красноярск, 1999.
668. Чернышова Т.В. Узуально-стилевой комплекс как механизм порождения инвективного высказывания в сфере газетной публицистики // Юрислингвистика-1: проблемы и перспективы. Барнаул, АГУ, 1999.
669. Чернышова Т.В. Стилистический анализ как основа лингвистической экспертизы конфликтного текста // Юрислингвистика-2: русский язык в его естественном и юридическом бытии. Барнаул, АГУ, 2000.
670. Чернышова Т.В. Юрислингвистическая экспертиза газетно-публицистических текстов с неявной коммуникативной функцией высказывания // Юрислингвистика-3: проблемы юрислингвистической экспертизы: Межвуз. сб. науч. тр./ Под ред. Н.Д. Голева. Барнаул, АГУ, 2002
671. Черняк В.Л. Зоны выбора и зоны риска в лексиконе современной языковой личности // Аспекты речевой конфликтологии / Под ред С.Г. Ильенко.- СПб, 1996.
672. Честь, достоинство и репутация: Журналистика и юриспруденция в конфликте. Результаты исследования и материалы конференции / Отв. ред. Симонов А. М., Права человека, 1998. Сер. "Журналистика и закон".
673. Честь и доброе имя. О конфликте журналистики и юриспруденции // Российская юстиция, 1997, №3.
674. Чечеткина З.В. Судебная защита чести и достоинства – конституционное право советских граждан. М., 1980.

675. Чинарян Е.О. Законодательный стиль как самостоятельный стиль литературной речи // Труды Института законодательства и сравнительного правоведения при Верховном совете РФ. №52, 1993.
676. Чистые перья: Сборник журналистских расследований (1999 – 2001). -М., Галерея, 2001.
677. Чудновский Л.С., Минаев В.А. Речевые технологии в криминалистической фоноскопии. Учебное пособие. Министерство внутренних дел России. Красноярская высшая школа. Ч.1. Красноярск, 1997.
678. Чунакова Н.Б. Проблемы использования лексических средств языка и юридической техники в законотворческом процессе // Проблемы юридической техники: Сборник статей / под ред. В.М. Баранова. – Нижний Новгород, 2000.-823с.
679. Шапошников В.Н. Русская речь 1990-х. Современная Россия в языковом отображении. М., 1998.
680. Шарифуллин Б.Я. Инвектива: лингвистика vs. юриспруденция, или лингвистика atque. Юриспруденция // Вестник Красноярского государственного университета, 2000, №2.
681. Шарифуллин Б.Я. Лингвистическая экология: национальные и региональные проблемы // Теоретические и прикладные аспекты речевого общения. Науч.-метод. Бюл. Вып. 1. Красноярск-Ачинск, 1996.
682. Шарифуллин Б.Я. Языковая экспрессия, языковая агрессия, языковая демагогия // Проблемы развития речевой культуры. Томск, 1997.
683. Шарифуллин Б.Я. Языковая политика в городе: право языка vs. Языковые права человека (право на имя) // Юрислингвистика-2: русский язык в его естественном и юридическом бытии. Барнаул, АГУ, 2000.
684. Шарифуллин Б.Я. "Полет русской души": опыт несостоявшейся юрислингвистической экспертизы одного рекламного текста // Юрислингвистика-3: проблемы юрислингвистической экспертизы: Межвуз. сб. науч. тр./ Под ред. Н.Д. Голева. Барнаул, АГУ, 2002

685. Шатков Г.И. О языке закона. Вопросы кодификации советского права. Вып.3. Ленинград, 1999.
686. Шатуновский И.Б. Анализ юридического текста: некоторые вопросы теории // Вестник Московского университета. Сер. 11. Право. 1995.
687. Шатуновский И.Б. Можно оспорить и мнение // Российская Юстиция №11, 1995.
688. Шатуновский И.Б. О некоторых лингвистических особенностях нового УК РФ // Вестник Московского университета. Сер.11. Право. 1997.
689. Шаховский В.Н. Языковая личность в эмоциональной коммуникативной ситуации // Филологические науки. №2, 1998.
690. Шаховский В.И. Запахи русского политического дискурса // Политический дискурс в России -4: Материалы рабочего совещания (Москва, 22 апреля 2000года) // Под ред. В.Н.Базылева и Ю.С. Сорокина.- М., :Диалог- МГУ, 2000.
691. Шевченко Н.В. Устная официальная речь в разных ситуациях (на материале речи юристов). Саратов, 1983.
692. Шевченко Н.В. Устная речь в судебно-психологической экспертизе. Саратов, 1987.
693. Шейгал Е.И. Вербальная агрессия в политическом дискурсе // Вопросы стилистики. Вып.28. Саратов, 1999.
694. Шейгал Е.И. Семиотики политического дискурса. М., Волгоград. 2000.
695. Шейгал Е.И. Смысловая неопределенность как фактор политического дискурса // Политический дискурс в России -4: Материалы рабочего совещания (Москва,22 апреля 2000года)// Под ред. В.Н.Базылева и Ю,С, Сорокина .-М.:Диалог- МГУ, 2000.
696. Шейгал Е.И. Политический нарратив как образ мира политики // www.psycho.ru

697. Шеломов А. "Птичий язык" трудового права (фундаментальное исследование) // Государство и право. М., 1999, №3. С.115-116. (Рец. на кн. Головина С.Ю. "Понятийный аппарат трудового права"). Екатеринбург, 1997).
698. Шенберг В.А. Полемика как способ духовного противоборства. Москва, 1991.
699. Шигарева Ю., Изгаршев И. Мат в искусстве: ну и фуй с ним... // Аргументы и факты №30, 2002.
700. Шиллер Г. Манипуляторы сознанием. Москва, 1980.
701. Шифман М.Л. Судебная речь прокурора. М., 1960.
702. Ширяев Е.Н. Типы норм и вопрос о культурно-речевых оценках // Культурно-речевая ситуация в современной России. Екатеринбург, 2000.
703. Шмелев А.Д. Апелляция к реальности как демагогический прием // Московский лингв. журнал. Т.2. Москва, 1996.
704. Шпаковская Е.Е. Нормативный аспект юридического текста // Юрислингвистика-3: проблемы юрислингвистической экспертизы: Межвуз. сб. науч. тр./ Под ред. Н.Д. Голева. Барнаул, АГУ, 2002
705. Шпаковская Е.Е. Нормативный аспект научно-учебного текста: Автореф.... дисс. канд. филол. наук. Челябинск, 2000.
706. Шпаковская Е.Е. Научный юридический текст: от создания до публикации. Учебное пособие. Челябинск, 1999.
707. Шугрина Е.С. Техника юридического письма. Москва, Издательство "Дело", 2000.
708. Шулежкова С.Г. Русский язык как источник заимствований для языков ближнего и дальнего зарубежья (к вопросу о судьбах русских крылатых единиц) // Русский язык как государственный. Материалы международной конференции (Челябинск, 5-6 июня 1997г.). Москва-Челябинск, 1997.

709. Шульга М.В. Тактика речевого поведения в публицистике // Вестник факультета русского языка и литературы Университета китайской культуры. Выпуск 2.-Тайбэй,1999.
710. Шульга М.В. Количественно-оценочные слова в публицистическом тексте // www.psychology.ru
711. Шульга М.В. Косвенные количественные оценки в публицистическом тексте// www.psychology.ru
712. Шумова Н.С. Новые англоязычные заимствования в сознании носителей русского языка // Слово и текст: актуальные проблемы психолингвистики. Тверь,1994.
713. Щерба Л.В. Современный русский литературный язык // Русский язык в школе. №4, 1939.
714. Щербакова О.И. Об основных функциях языка уголовной среды // Язык и социум. Ч.1. Минск, 1998.
715. Эрдалевский А. Утверждение о факте и выражение мнения – понятия разного рода // Российская юстиция, №6, 1997.
716. Эрдалевский А.М. Компенсация морального вреда. М., 1996.
717. Эффективность закона. Москва, 1997.
718. Юридическая риторика. В помощь будущему юристу. Челябинский госуниверситет / Авторы-составители Харченко Е.В., Шкатова Л.А. Челябинск, 2000.
719. Юридическая техника и проблемы дифференциации ответственности в уголовном праве и процессе. Ярославль, 1999.
720. Юридическая техника: природа, основные приемы, значение: Ретроспективный библиографический указатель // Сост. и автор предисловия В.М. Баранов. Нижний Новгород, 1999.
721. Юридическая техника: Рабочая программа для студентов дневного отделения юридического факультета / Автор – составитель Насыров Р.В.- Барнаул, 2001.

722. Юридические понятия и язык права в современном зарубежном исследовании. Научно-аналитический обзор. Москва, ИНИОН, 1996.
723. Юридический конфликт: процедуры разрешения. Москва, 1995.
724. Юрислингвистика-1: проблемы и перспективы: Межвуз. сб. науч. тр. / Под ред. Н.Д. Голева. Барнаул, АГУ, 2000.
725. Юрислингвистика-2: русский язык в его естественном и юридическом бытии: Межвуз. сб. науч. тр. / Под ред. Н.Д. Голева. Барнаул, АГУ, 2000.
726. Юрислингвистика-3: проблемы юрислингвистической экспертизы: Межвуз. сб. науч. тр./ Под ред. Н.Д. Голева. Барнаул, АГУ, 2002
727. Яблонский В.Ю. О метаязыковых характеристиках судебной речи // Синтактика. Семантика. Прагматика. Краснодар, 1996.
728. Язык закона / Под ред. А.С.Пиголкина. Москва, 1990.
729. Язык как средство идеологического воздействия. Сборник обзоров. Москва, 1993.
730. Язык средств массовой информации как объект междисциплинарного исследования. Тезисы докладов Межд. науч. конф. 25-26 октября 2001. М., 2001.
731. Языковое манипулирование общественным сознанием. Методическая разработка и рабочая программа для студентов заочного отделения юридического факультета / Сост. О.Н. Быкова. Красноярск, 1999.
732. Языковые проблемы РФ и законы о языках // Материалы Всероссийской конференции (1-3.11.1994РАН. Отделение литературы и языка. Научный совет "Язык и общество". Институт языкознания. РАН. Научно-исследовательский центр по национально-языковым отношениям). Отв. редактор Крючкова Т.Б. Москва, 1994.
733. Яковенко И.А. Падение престижа журналистики связано и с деградацией языка СМИ // Цена слова: Из практики лингвистических экс-

пертиз текстов СМИ в судебных процессах по искам о защите чести, достоинства и деловой репутации // Под ред. проф. М.В. Горбаневского. 2-е изд., испр. и доп. – М.: Галерея, 2002.

Словари

1. *Ахманова О.С.* Словарь лингвистических терминов. М., 1966.
2. Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Словарь русского языка, М., 2000
3. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка: В 4-х т. М., 1964, 1973.
4. Черных П.Я. Историко-этимологический словарь современного русского языка: В 2-х т. М., 2001.
5. Шанский Т.В. Краткий этимологический словарь. М., 1961.

Коллекция ссылок

- Большой Энциклопедический словарь
- Википедия
- Жаргон.ру Интерактивная энциклопедия современного языка
- Лаборатория сетевой литературы: Сетевая словесность
- Литературная энциклопедия
- Мир словарей
- Портал Грамота.ру
- Рубрикон. Энциклопедический ресурс интернета
- Русские писатели и поэты. Образовательный сайт
- Русский филологический портал
- Словарь литературных терминов
- Словарь сокращений русского языка

- Толковый словарь Даля
- Толковый словарь Ожегова
- Толковый словарь Ушакова
- Фундаментальная электронная библиотека "Русская литература и фольклор"
- Юридический словарь
- Яндекс.Словари

14. ОПИСАНИЕ КУРСА И ПРОГРАММА

Цели и задачи курса:

Целью курса является создание у студентов четкого представления о том, что русский язык в административно-правовой сфере и сфере общественной деятельности отличается от русского языка, используемого как носителями языка, так и теми, кто его изучает в качестве иностранного, в остальных сферах жизни. Основными элементами, отличающими использование русского языка в административно-правовой и общественной сферах, являются: юридическая терминология и сознательная нечеткость или множественность толкования одних и тех же семиотических символов.

Задачами курса является изучение таких блоков как:

- административно-правовая система РФ – ее структура, терминология, административные и общественные отношения
- иерархия российского законодательства
- язык законов и подзаконных актов
- юридическая терминология в области законотворчества
- юридическая терминология в области правоприменения
- соотношение юридической терминологии с общеупотребительным русским языком
- однозначное семантическое толкование текстов в административно-правовой сфере.

Курс встраивается в систему получения знаний по специальности «Современный русский язык»

Курс предназначен для уровня обучения - Магистратура

Курс может быть курсом по выбору для специальностей ФЖБ, ФСС, ФЛБ

Курс является практическим курсом с теоретическими элементами.

Инновационность курса заключается в том, что впервые студентам будет дана языковая картина узкой и специфической сферы общественных отношений, связанной с правовым регулированием деятельности человека. Студенты получают теоретическое представление и практические навыки однозначного толкования и составления однозначного текста, отражающего языковые реалии в административно-правовой сфере. Курс может рассматриваться как междисциплинарный и имеет ярко выраженный прикладной характер.

Актуальность курса обусловлена необходимостью упрощения и уточнения для понимания и использования текстов нормативных актов путем приведения в соответствие понятий - правовых терминов и понятий общеупотребительных слов. Это послужит более четкому и ясному пониманию текстов, используемых в административно-правовой сфере что приведет к интересу, а, следовательно, создаст тенденцию к изучению, соблюдению и доступному толкованию правовых норм, изложенных в законодательстве языком, ясным для носителя русского языка. В настоящее время, когда право стало приоритетной отраслью, представляется необходимым исследовать, изучить и применить результаты исследований на практике как лингвистические, так и экстралингвистические аспекты возможности усовершенствования языка законодательства и иных текстов, используемых в административно-правовой сфере.

В условиях правовой безграмотности общества законодателю необходимо создавать нормативные акты, употребляя такую юридическую технику, чтобы понятия, используемые в нормативных актах и являющиеся юридическими терминами, были доступны для понимания не только специалистам. Чтобы понятия - правовые термины, если и не полностью совпадали бы с общеупотребительным значением слова, то содержали бы тот набор семантических признаков и те лексические значения слова, которые носитель языка может узнать из толкового словаря.

Методика преподавания данного курса предполагает интерактивную работу студентов.

Литература по данному конкретному курсу практически отсутствует в виду его новизны и непробированности, будет предложен список литературы, состоящий из нормативных актов, учебников по филологическим и правовым дисциплинам, а также научно-популярной литературы, освещающей проблемы толкования как юридических текстов, так и художественной литературы.

Организация учебного процесса инновационна тем, что предполагает практические занятия с носителями юридического и общеупотребительного языка в области гражданско-правовых отношений.

Структура курса

Курс – 2 кредита (72 часа)

Лекции – 18 часов

Семинары и практические занятия – 36 часов

Коллоквиум – 4 часа

Самостоятельная работа – 14 часов

Темы лекций:

1. Административно-правовая система РФ – ее структура, терминология, понятие административных и общественных отношения
2. Иерархия российского законодательства административно-правовой системы РФ
3. Процесс и язык законотворчества в РФ
4. Юридические термины и общеупотребительная лексика в области административных отношений
5. Юридические термины и общеупотребительная лексика в области уголовно-правовых отношений
6. Юридические термины и общедоступная лексика в сфере правоприменения
7. Терминология и содержание делопроизводства
8. Терминология административных отношений, особенности языка управленческого аппарата
9. Терминология общественных отношений в сфере развития гражданского общества, особенности языка общественной деятельности
10. Особенности речи гражданских активистов, русский язык в сфере защиты прав человека
11. Перевод общественно-правовых документов, русский язык и европейские конвенции

Темы семинаров:

- Роль языка в административно-правовых отношениях - 2 часа
- Общеупотребительная лексика и юридическая терминология различных отраслей права (гражданского, уголовного, административного, процессуального, семейного, трудового и пр.) – 4 часа
- Сферы общественной жизни и терминология административно-правовых отношений – 4 часа
- Правила составления юридически правильного текста (письменные заявления и устные выступления) – 6 часов
- Переводные документы и соответствие языка реалиям жизни – 4 часа

Темы практических занятий:

- Составление стилистически и лексически грамотного и юридически правильного текста:
- - в сфере социальных отношений (заявление о пересчете пенсии, заявление о получении субсидии, жалоба на сотрудника муниципалитета и пр.) – 4 часа
- - в сфере гражданских правоотношений (исковое заявление, письмо поручителя, описание ситуации с нарушением права, запрос в государственные органы и пр.) – 2 часа
- - в сфере процессуальных отношений (отзыв на исковое заявление, свидетельские показания и пр.) – 2 часа
- - в сфере общественных отношений (выступление, тезисы, презентация и пр.) - 4 часа
- Перевод правовых документов и соотнесение перевода с реалиями российской жизни и терминологией российского законодательства - 4 часа

Тема коллоквиума:

- Как сделать речь человека, общественного деятеля и гражданского активиста семантически однозначной и понятной рядовому гражданину-носителю языка:
 - Как и нужно ли устранить причины недопонимания
 - Способы составления однозначно понимаемого высказывания
 - Наиболее значимые языковые средства

Система контроля знаний

В течение семестра студент активно работает на семинарах, принимает участие в коллоквиуме, пишет 2 контрольных работы.

Внутрисеместровая аттестация проводится в смешанной форме: студент устно отвечает на один из вопросов и представляет выполненное письменно практическое задание.

Итоговая форма контроля — итоговая аттестация, которая в зависимости от набранных студентом в ходе семестра баллов проводится либо в смешанной форме, как и внутрисеместровая аттестация, либо в одной из форм по выбору студента.

Примерные типы письменных работ:

- Проанализировать текст нормативного акта с точки зрения соответствия его терминологии общеупотребительному языку и выявить проблемные зоны
- Составить однозначно толкуемый текст на одну из заданных тем в сфере административно-правовой деятельности
- Проанализировать речь гражданского активиста с точки зрения юридического толкования используемых слов и выражений

Примерные вопросы для устного контроля:

- особенности языка управленческого аппарата
- соотношения термина *собственность* со словом *собственность* в общеупотребительном языке
- особенности контекста речи гражданских активистов на правовые темы
- проблемы перевода юридически значимых текстов

УСЛОВИЯ И КРИТЕРИИ ВЫСТАВЛЕНИЯ ОЦЕНОК

Балльная структура оценки:

Формы контроля:

Посещение лекций – 6 баллов (0,33 балла за лекцию)

Активное участие в семинаре – 18 баллов (0,5 балла за семинар)

Участие в коллоквиуме – 6 баллов

Контрольные работы – 10 баллов (5 баллов за одну работу)

Внутрисеместровая аттестация – 12 баллов

Итоговая аттестация – 20 баллов

Всего **2 кредита**: 72 балла

Шкала оценок:

Кол-во кредитов	Оценка	Неудовлетвор.		Удовлетвор.		Хорошо	Отлично	
	Оценка ECTS	F(2)	FX(2+)	E(3)	D(3+)	C(4)	B(5)	A(5+)
	Мак. сумма баллов							
2	72	Менее 25	25-36	37-42	43-48	49-60	61-66	67-72

Пояснение оценок

- A** Выдающийся ответ
- B** Очень хороший ответ
- C** Хороший ответ
- D** Достаточно удовлетворительный ответ
- E** Отвечает минимальным требованиям удовлетворительного ответа

- FX** Оценка 2+ (FX) означает, что студент может набрать баллы только до минимального удовлетворительного ответа
- F** Неудовлетворительный ответ (либо повтор курса в установленном порядке, либо основание для отчисления)

Аннотированное содержание курса

Раздел 1. Понятие административно-правовой и общественной деятельности

Тема 1. Административно-правовая система РФ – ее структура, терминология, понятие административных и общественных отношений. Понятие деятельности и его соотношение с действием. (лекция)

Роль языка в административно-правовых отношениях (семинар)

Тема 2. Иерархия российского законодательства административно-правовой системы РФ. (лекция)

Раздел 2. Язык законодательства и его соотношение с общеупотребительным русским языком

Тема 1. Процесс и язык законотворчества в РФ (лекция)

Тема 2. Юридические термины и общеупотребительная лексика в области административных отношений (лекция)

Тема 3. Юридические термины и общеупотребительная лексика в области уголовно-правовых отношений (лекция)

Тема 4. Юридические термины и общедоступная лексика в сфере правоприменения. (лекция)

Общеупотребительная лексика и юридическая терминология различных отраслей права (гражданского, уголовного, административного, процессуального, семейного, трудового и пр.) (семинар)

Составление стилистически и лексически грамотного и юридически правильного текста в сфере социальных отношений (заявление о

пересчете пенсии, заявление о получении субсидии, жалоба на сотрудника муниципалитета и пр.) (практическое занятие)

Раздел 3. Терминология как элемент культуры языка

Тема 1. Терминология и содержание делопроизводства (лекция)

Тема 2. Терминология административных отношений, особенности языка управленческого аппарата (лекция)

Тема 3. Терминология общественных отношений в сфере развития гражданского общества, особенности языка общественной деятельности. (лекция)

Сферы общественной жизни и терминология административно-правовых отношений (семинар)

Составление стилистически и лексически грамотного и юридически правильного текста в сфере гражданских правоотношений (исковое заявление, письмо поручителя, описание ситуации с нарушением права, запрос в государственные органы и пр.) (практическое занятие)

Составление стилистически и лексически грамотного и юридически правильного текста в сфере процессуальных отношений (отзыв на исковое заявление, свидетельские показания и пр.) (практическое занятие)

Раздел 4. Общественные отношения и использование русского языка как одного из методов взаимодействия с государством в сфере защиты прав человека.

Тема 1. Особенности речи гражданских активистов, русский язык в сфере защиты прав человека (лекция)

Правила составления юридически правильного текста (письменные заявления и устные выступления) (семинар)

Составление стилистически и лексически грамотного и юридически правильного текста в сфере общественных отношений (выступление, тезисы, презентация и пр.) (практическое занятие)

КОЛЛОКВИУМ:

- Как сделать речь человека, общественного деятеля и гражданского активиста семантически однозначной и понятной рядовому гражданину-носителю языка:
 - Как и нужно ли устранить причины недопонимания
 - Способы составления однозначно понимаемого выступления
 - Наиболее значимые языковые средства.

Раздел 5. Перевод общественно-правовых документов, русский язык и европейские конвенции

Тема 1. Трудности перевода общественно-правовых документов и соотнесение реалий страны происхождения документа с реалиями российской жизни.(лекция)

Переводные документы и соответствие языка реалиям жизни (семинар)

Перевод правовых документов и соотнесение перевода с реалиями российской жизни и терминологией российского законодательства (практическое занятие)

ОБЯЗАТЕЛЬНАЯ ЛИТЕРАТУРА

Нормативные документы

1. Европейская Конвенция о защите прав и основных свобод человека и гражданина (Римская)
2. Конституция Российской Федерации
3. Закон Российской Федерации “О средствах массовой информации”
4. Закон Российской Федерации “Об авторском праве и смежных правах”
5. Федеральный закон “О рекламе”
6. Федеральный закон “Об информации, информационных технологиях и защите информации”
7. Федеральный закон “О порядке освещения деятельности органов государственной власти в государственных средствах массовой информации”
8. Федеральный закон “Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации”
9. Закон РФ “О государственной тайне”
10. Гражданский кодекс Российской Федерации (ст.ст. 138, 139, 150-152, 1099 — 1101)
11. Уголовный кодекс Российской Федерации (ст.ст. 129, 130, 137, 138, 140, 144, 146, 237, 242, 280, 282, 283, 297, 298, 354)
12. Кодекс об Административных правонарушениях Российской Федерации (гл.гл. 5, 13, 19)
13. Концепция формирования и развития единого информационного пространства России и соответствующих государственных информационных ресурсов, одобренная решением Президента Российской Федерации от 23 ноября 1995 г.
14. Доктрина информационной безопасности, утвержденная Президентом Российской Федерации 9 сентября 2000 г.

Комментированные сборники нормативных актов

1. Законодательство Российской Федерации о средствах массовой информации. Научно-практический комментарий проф. М.А.Федотова — М.: Центр “Право и СМИ”, 1999.
2. Комментарий к Закону РФ о СМИ / Научный редактор проф. В.Н.Монахов; авторы-составители Г.Ю.Арапова, А.А.Глисков, Д.Г.Шишкин — М., “Галерея”, 2001.
3. Конституционное обустройство России: общественная экспертиза 2000 — М.: Изд. Союза журналистов России, 2000.
4. Конституция Российской Федерации: Научно-практический комментарий / Под ред. акад. Б.Н.Топорнина — М.: Юристъ, 1997.
5. Правовая защита прессы и книгоиздания: Сб. нормативных актов — М.: Юристъ, 1997.

Учебники и учебные пособия

1. Современный русский язык/ Под ред. В.А. Белошапковой. М.,1981, 1989.
2. Современный русский язык/ Под ред. Е.И. Дибровой. М.,1998.
3. Современный русский язык /Под ред. П.П. Шубы. Минск, 1998.
4. Русская грамматика: в 2-х т. / Под ред. Н.Ю. Шведовой. М., 1980
5. Лабораторные работы по современному русскому языку. М. Высшая школа, 1985
6. Откупщиков Ю.В. К истокам слова. Рассказы о науке этимологии. М., 1986.
7. Немченко В.Н. Основные понятия словообразования в терминах. Красноярск, 1998.
8. Улуханов И.С. Словообразовательная семантика в русском языке. М., 1977.

9. Розенталь Д.Э. Справочник по правописанию и литературной правке. М., «Книга», 1985
10. Федотов М.А. Правовые основы журналистики. — Труды по интеллектуальной собственности. Том IV. М., ИМПЭ, 2001.
11. Трошкин Ю.В. Права человека: Нарушение и защита прав человека и прессы. Учебное пособие — М. 1997.

ДОПОЛНИТЕЛЬНАЯ ЛИТЕРАТУРА

1. Бачило И.Л. О праве на информацию в Российской Федерации. — М.: МИФИ, 1997.
2. Гаврилов Э.П. Комментарий к закону “Об авторском праве и смежных правах”. М. 1996.
3. Дозорцев В.А. Информация как объект исключительного права. — Дело и право. 1996. № 4. С. 27-43; 1996. № 5. С. 23-28.
6. Законы и практика СМИ в одиннадцати демократиях мира — М.: “Галерея”, Фонд защиты гласности, 1996.
7. Законы и практика СМИ в странах СНГ и Балтии — М.: “Галерея”, Фонд защиты гласности, 1999.
8. Малеина М.Н. Личные неимущественные права граждан: понятие, осуществление, защита. — М.: МЗ Пресс, 2000.
9. Защита чести и достоинства: Теоретические и практические вопросы / Под ред. Г.В.Винокурова, А.Г.Рихтера, В.В.Чернышева — М.: Шаг, 1997.
12. М.Прайс Телевидение, телекоммуникации и переходный период. Право, общество и национальная идентичность — М.: Изд-во МГУ, 2000.
13. Общественное телерадиовещание. Документы. Комментарии. Рекомендации — СПб.: ОПО “Гражданский контроль”, изд-во “Лик”, 2000.
14. Совет Европы: документы по проблемам средств массовой информации — 2-е изд., СПб, “Лик”, 2000.
18. Проблемы интеллектуальной собственности в Гражданском кодексе России. Материалы международной научно-теоретической конференции. — Труды по интеллектуальной собственности. Т. I. Кафедра ЮНЕСКО по

авторскому праву и другим отраслям права интеллектуальной собственности — М., ИМПЭ, 1999.

19. Профессиональная этика журналистов, т. 1. Документы и справочные материалы. Фонд защиты гласности — М., “Галерея”, 1999.

20. Решения Европейского суда по правам человека. Применение статьи 10 Европейской конвенции по правам человека (пер. с франц.) — М.: “Права человека”, 1998.

21. Современное право средств массовой информации в США — М.: Центр “Право и СМИ”, 1997.

22. Судебная палата по информационным спорам. Нормативные акты. Комментарии. Обзор практики — М., “Юридическая литература”, 1995.

23. Судебная палата по информационным спорам при Президенте Российской Федерации: Нормативные акты. Практика. Комментарий. 1994 — 1996 / Под. ред. проф. А.Б.Венгерова — М.: Право и Закон, 1997.

24. Судебная палата по информационным спорам при Президенте Российской Федерации: Решения, рекомендации, экспертные заключения. 1996—1997 / Под ред. проф. А.Б.Венгерова — М.: Прогресс, 1997.

25. Третейский Информационный Суд и первые свободные выборы. Сборник нормативных актов и документов — М.: “Юридическая литература”, 1994.

26. Хоффман-Рим В., Монахов В. Право радио и телевидения в России. На пути к новой организации электронной прессы — СПб — Гамбург, 1994.

28. Журналист в поисках информации — 2-е изд., М., “Галерея”, 2000.

Словари

1. Ахманова О.С. Словарь лингвистических терминов. М., 1966.

2. Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Словарь русского языка, М., 2000

3. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка: В 4-х т. М., 1964, 1973.

4. Черных П.Я. Историко-этимологический словарь современного русского языка: В 2-х т. М., 2001.

5. Шанский Т.В. Краткий этимологический словарь. М., 1961.

Темы рефератов, курсовых работ, эссе:

- Русский язык и российское законодательство: проблема толкования
- Юридическая терминология и общеупотребительные слова – различие значений.
- Этимология юридических терминов
- Русский язык в сфере общественных отношений.
- Русский язык и административная реформа
- Проблема перевода текстов, содержащих правовые реалии, отличные от реалий российской жизни
- Комментирование законодательства с точки зрения правоприменения и с точки зрения семантической однозначности текста.
- Правила составления стилистически и лексически грамотного и юридически правильного текста в различных сферах общественной жизни.

Учебный тематический план, структурированный по видам учебных занятий

№ п.п.	Тема лекции	Тема семинара	Тема практического занятия	Тема коллоквиума
1.	Административно-правовая система РФ – ее структура, терминология, понятие административных и общественных отношений. Понятие деятельности и его соотношение с действием	Роль языка в административно-правовых отношениях		
часов	2	2		

2.	Иерархия российского законодательства административно -правовой системы РФ			
часов	1			
3.	Процесс и язык законотворчества в РФ			
часов	1			
4.	Юридические термины и общеупотребительная лексика в области административных отношений	Общеупотребительная лексика и юридическая терминология различных отраслей права (гражданского, уголовного, административного)		
часов	2	2		
5.	Юридические термины и общеупотребительная лексика в области уголовно- правовых отношений		Составление стилистически и лексически грамотного и юридически правильного текста в сфере социальных отношений (заявление о пересчете пенсии, заявление о получении субсидии, жалоба на сотрудника муниципалитета и пр.)	
часов	2		2	

6.	Юридические термины и общедоступная лексика в сфере правоприменения	Общепотребительная лексика и юридическая терминология различных отраслей права (процессуального, семейного, трудового) и пр.)	Составление стилистически и лексически грамотного и юридически правильного текста в сфере процессуальных отношений (отзыв на исковое заявление, свидетельские показания и пр.)	
часов	2	2	2	
7.	Терминология и содержание делопроизводства			
часов	1			
8.	Терминология административных отношений, особенности языка управленческого аппарата	Сферы общественной жизни и терминология административно-правовых отношений	Составление стилистически и лексически грамотного и юридически правильного текста в сфере гражданских правоотношений (исковое заявление, письмо поручителя, описание ситуации с нарушением права, запрос в государственные органы и пр.)	
часов	2	2	2	

9.	Терминология общественных отношений в сфере развития гражданского общества, особенности языка общественной деятельности	Сферы общественной жизни и терминология административно-правовых отношений		
часов	2	2		
10.	Особенности речи гражданских активистов, русский язык в сфере защиты прав человека	Правила составления юридически правильного текста (письменные заявления и устные выступления)	Составление стилистически и лексически грамотного и юридически правильного текста в сфере общественных отношений (выступление, тезисы, презентация и пр.)	Как сделать речь человека, общественного деятеля и гражданского активиста семантически однозначной и понятной рядовому гражданину-носителю языка
часов	2	2	2	4
11.	Трудности перевода общественно-правовых документов и соотнесение реалий страны происхождения документа с реалиями российской жизни	Переводные документы и соответствие языка реалиям жизни	Перевод правовых документов и соотнесение перевода с реалиями российской жизни и терминологией российского законодательства	
часов	1	2	2	
всего	18 часов	14 часов	12 часов	4 часа

Календарный план

Неделя 1

Раздел 1. Понятие административно-правовой и общественной деятельности

Тема 1. Административно-правовая система РФ – ее структура, терминология, понятие административных и общественных отношений.

Понятие деятельности и его соотношение с действием.(лекция)

Неделя 2

Роль языка в административно-правовых отношениях (семинар)

Контрольная работа

Неделя 3

Тема 2. Иерархия российского законодательства административно-правовой системы РФ. (лекция)

Раздел 2. Язык законодательства и его соотношение с общеупотребительным русским языком

Тема 1. Процесс и язык законотворчества в РФ (лекция)

Неделя 4

Тема 2.Юридические термины и общеупотребительная лексика в области административных отношений (лекция)

Общеупотребительная лексика и юридическая терминология различных отраслей права (гражданского, уголовного, административного, процессуального, семейного, трудового и пр.) (семинар)

Неделя 5

Тема 3. Юридические термины и общеупотребительная лексика в области уголовно-правовых отношений (лекция)

Составление стилистически и лексически грамотного и юридически правильного текста в сфере социальных отношений (заявление о пересчете пенсии, заявление о получении субсидии, жалоба на сотрудника муниципалитета и пр.) (практическое занятие)

Неделя 6

Тема 4. Юридические термины и общедоступная лексика в сфере правоприменения.(лекция)

Составление стилистически и лексически грамотного и юридически правильного текста в сфере гражданских правоотношений (исковое заявление, письмо поручителя, описание ситуации с нарушением права, запрос в государственные органы и пр.) (практическое занятие)

Неделя 7

Раздел 3. Терминология как элемент культуры языка

Тема 1. Терминология и содержание делопроизводства (лекция)

Тема 2.Терминология административных отношений, особенности языка управленческого аппарата (лекция)

Неделя 8

Тема 3. Терминология общественных отношений в сфере развития гражданского общества, особенности языка общественной деятельности. (лекция)

Сферы общественной жизни и терминология административно-правовых отношений (семинар)

Неделя 9

Составление стилистически и лексически грамотного и юридически правильного текста в сфере процессуальных отношений (отзыв на исковое заявление, свидетельские показания и пр.) (практическое занятие)

Составление стилистически и лексически грамотного и юридически правильного текста в сфере общественных отношений (выступление, тезисы, презентация и пр.) (практическое занятие)

Неделя 10

Раздел 4. Общественные отношения и использование русского языка как одного из методов взаимодействия с государством в сфере защиты прав человека.

Тема 1. Особенности речи гражданских активистов, русский язык в сфере защиты прав человека (лекция)

Правила составления юридически правильного текста (письменные заявления и устные выступления) (семинар)

Неделя 11

Внутрисеместровая аттестация

Неделя 12

КОЛЛОКВИУМ:

- Как сделать речь человека, общественного деятеля и гражданского активиста семантически однозначной и понятной рядовому гражданину-носителю языка:
 - Как и нужно ли устранить причины недопонимания
 - Способы составления однозначно понимаемого выступления
 - Наиболее значимые языковые средства.

Неделя 13

Раздел 5. Перевод общественно-правовых документов, русский язык и европейские конвенции

Тема 1. Трудности перевода общественно-правовых документов и соотнесение реалий страны происхождения документа с реалиями российской жизни.(лекция)

Переводные документы и соответствие языка реалиям жизни (семинар)

Неделя 14

Перевод правовых документов и соотнесение перевода с реалиями российской жизни и терминологией российского законодательства (практическое занятие)

Контрольная работа

Неделя 15

Самостоятельная работа

Неделя 16

Итоговая аттестация